

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1901.

№ 8.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Два характерныхъ письма, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому: одно отъ добраго христіанина, а другое отъ ученаго либерала. 455—462

Гипотеза О. Каспари о религіи, ея сущности и происхожденіи. Профессора Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевича* 463—488

Очерки изъ жизни Христа Спасителя. *Свящ. Н. Оувейсанаго*. 489—505

Благочинническіе Миссіонерскіе Съезды въ Харьковской Епархіи. *Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера Д. Боголюбова* 506—524

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Алексій Александровичъ Нозловъ и его философскія воззрѣнія. *Д. Никольскаго* 311—338

Сужденія замѣчательнѣйшихъ естествовѣдцовъ XIX вѣка въ защиту христіанской вѣры. *Прот. Ст. Остроумова* 334—352

Письмо въ Редакцію 1—2

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Именной Высочайшій указъ.—Положеніе о Высочайше учрежденномъ Комитетѣ попечительства о русской иконописи.—Высочайшая отмѣтка.—Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Оубѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1901.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получить полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненія „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Царство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гатте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Отъ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ.“

Вслѣдствіе поступленія въ редакцію означеннаго журнала многочисленныхъ требованій брошюръ „Рѣчь Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, о дѣлателяхъ на жатвѣ Божіей“, симъ объявляется, что изданіе этихъ брошюръ пожертвовано Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ Харьковскому Епархіальному Женскому Училищу. А потому съ требованіями ихъ надобно обращаться по слѣдующему адресу: *Въ городѣ Харьковѣ. Въ Советѣ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища. Цѣна 15 копѣекъ.*

Пісте! чооѣчен.
Върою разумъваемъ.

Евр. XI

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Апрѣля 1901 года.
Цензоръ Протоіерей Павелъ Солтцевъ.

Два характерныхъ письма, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому: одно отъ добраго христіанина, а другое отъ ученаго либерала.¹⁾

Христось Воскресе!

Добрый пастырь и вѣрный стражъ Христова словеснаго стада,
Архіепископъ Амвросій!

Съ восторгомъ радостнаго чувства шлю Вамъ я, многогрѣш-
ный, всерадостный привѣтъ; Вы Владыко! усугубили мнѣ эту
радость въ наше многомятежное время, своимъ словомъ.
Прочитавъ Вашу рѣчь, помѣщенную въ „Южномъ Краѣ“,
исполненную правды и истины, изъ глубины души восклик-
нулъ: Слава Воскресшему Жизнодавцу, Слава Тебѣ Христе
Боже Нашъ и Твоему Милосердію, не до конца Ты еще про-
гнѣвался на насъ, еще въ наше тяжелое время, время стре-
мящееся къ безвѣрію, либерализму, соціализму и даже къ пол-
нѣйшей анархіи, посылаешь намъ свою милость (неоцѣнен-
ную, паче тысячъ злата и сребра). Ты, Господи! воздвигаешь
среди Насъ и изъ Насъ своихъ истинныхъ служителей, даешь
имъ мудрость, силу и крѣпость и ревность и тѣмъ охраняешь
словесное стадо отъ волковъ, губящихъ е.

Блюдитесь, како ходите, время опасно. Да, настаетъ опас-
ное время; явились предсказанья въ Священномъ Писаніи
волки въ овечьихъ шкурахъ, проповѣдующіе подъ видомъ
истинъ ложь и кричащіе—здѣсь Христось и другіе—тамо Хри-

¹⁾ На первое, съ позволеніемъ напечатать, получена телеграмма: „Письмо на-
печатайте. Радъ служить чѣмъ либо истинѣ и правдѣ. Прошу благословенія. Митро-
фановъ“. Подпись на другомъ, очевидно, псевдонимъ.

стось. Настаетъ тяжелое и страшное время, тяжело и больно душѣ. Но радостный благовѣсть Церкви: Христось Воскресе! оживиль—и пролилъ свѣтъ и радость и вселилъ въ сердце надежду на Его милость, на Его помощь. Воскресшій Господь. Иисусъ Христось—Вѣчный Архіерей—воздвигнетъ въ нашей Церкви ревнителей ея, право правящихъ слово истины.

Да, видя, какое дается воспитаніе и образованіе юношеству, видя, что питають умъ и тѣло, душа—самый духъ то человѣка остается въ забытіи,—страсти и пороки прикрываются краснорѣчіемъ, умѣли бы хорошо говорить о нѣкоторыхъ добродѣтеляхъ, а другіе умѣли бы оправдывать въ неисполненіи ихъ; однимъ словомъ, умѣли-бы волки прикрыться овчей шкурой, такъ чтобы это не было замѣтно и затѣмъ такіе-то ученые готовятся въ учителя къ народу! Время опасно, нужны,—больше чемъ когда либо: Аврааміи Палицины, Кузьмы Минины и Пожарскіе, для спасенія сердца человѣческаго отъ служителей сатаны, отъ волковъ—губящихъ его; какъ тѣ своей энергіей, своей чистотой и честнымъ стремленіемъ спасли сердце Россіи Москву, а съ нимъ и всю Россію отъ ляховъ, такъ теперь предстоитъ спасти сердце христіанина, а съ нимъ и все Стадо Христово; нужно ревностное, небоязненное, временное и безъ—временное проповѣданіе, настояніе и обличеніе, предостереженіе отъ великихъ соблазновъ еретиковъ и ихъ ученій. Чтобы принять всѣ законныя и всевозможныя мѣры къ охраненію духовнаго здоровья народа, здѣсь нужно энергично и твердо дѣйствовать—это хуже чумы и холеры, отъ которыхъ строятся карантинныя и принимаются радикальныя мѣры; а такое зло, такой ядъ разливается безпрепятственно, какъ толстовщина и т. д. О, мудрость мірская вѣка сего, сама себя осуждаешь, обуяла ты и мнящіе себя мудрыми обюродѣли, обезумѣли. Добрѣйшій Архіепископъ Амвросій, да поможетъ Вамъ Господь Воскресшій своею ревностію воздвигнуть и подвигнуть всѣхъ своихъ собратій на ревностное, открытое противленіе злу, на борьбу противъ духовной чумы въ словесномъ стадѣ. Христось Воскресе! Святой Владыко! и расточатся враги Его. Многая Тебѣ лѣта и Исполла-эти Деспота!

Остаюсь многогрѣшный и недостойный рабъ—Васъ глубоко, искренно полюбившій и уважающій (по прочтеніи рѣчи).
Купеческій сынъ Василій Васильевичъ Митрофановъ. 1901 года, апрѣля 5.

Городъ Валдай Новгород. губ. Троицкая площадь.

Ваше Высокопреосвященство!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ своей рѣчи объ упадкѣ вѣры Христовой и объ уклоненіи многихъ отъ Церкви, Вы выразились приблизительно такъ: „Благодаря Бога, истинная Христіанская вѣра держится еще неприкосновенною въ средѣ меньшей нашей братіи, т. е. тамъ, куда еще не проникъ разрушительный лучъ науки“. Значить, по Вашему, истинные христіане только тѣ, которые вѣруютъ въ то, если заяцъ перебѣжитъ дорогу или если встрѣтится на пути попъ, то быть несчастьемъ; но противъ зайца нѣтъ громоотвода, а противъ попа есть—слѣдуетъ только завидѣвши попа, сдѣлать что-то гнусное и несчастье минуетъ. Какъ-то мнѣ пришлось быть въ гостяхъ въ домѣ одного сельскаго священника и мнѣ пришлось видѣть слѣдующее: 5-го января попадья принесла изъ церкви освященную воду и тотъ-часъ же отправилась въ коровникъ и помыла этой водой рога и вымя коровамъ. За вечернимъ чаемъ мы разговорились по поводу этого инцидента и попадья мнѣ сообщила, что она и на селѣ всѣ крестьяне дѣлаютъ такъ для того, чтобы вѣдьма ночью не ходила коровъ доить. На мой же вопросъ: кто эта вѣдьма и какъ она можетъ ходить во дворъ, когда на ночь кругомъ все запирается?—попадья объяснила мнѣ, что вѣдьма—это такая злая женщина съ хвостомъ, которая знаетъ съ чертомъ и которая ночью превращается въ кошку или собаку, перепрыгиваетъ черезъ заборы, выдаиваетъ коровъ и опять какимъ-либо животнымъ уходитъ со двора, а коровы отъ этого болѣютъ и теряютъ молоко. Батюшка все это слушалъ и хотя бы однимъ словомъ возразилъ своей попадѣ. Я хотѣлъ было возразить матушкѣ, но подумалъ, вѣдь это истинные христіане, по уче-

нію арх. Амвросія—ихъ не собьешь. Однимъ словомъ, по Вашему ученію, истинные христіане только тѣ, которые вѣрують, что земля на трехъ китахъ стоитъ, т. е. самый простой народъ.

Теперь же, въ послѣдней Вашей рѣчи по тому же поводу, напечатанной въ № 76 Харьк. Вѣд., между прочимъ, читаемъ: „въ простомъ народѣ усиливается пьянство... появляются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей, врывающіяся въ дома мирныхъ гражданъ“. Сопоставьте, Отче, прежнюю Вашу рѣчь, вышеприведенную и послѣднюю, то выйдетъ, что истинные христіане—пьяницы, разбойники и грабители. А вотъ и доказательство тому: припомните послѣдній процессъ о шайкѣ разбойниковъ—цыганъ. Тамъ изъ показанія свидѣтелей узнаемъ, что два цыгана пришли въ лавочку купить чего-нибудь стѣснаго, и когда лавочница предложила имъ чего-то, одинъ изъ цыганъ сказалъ: „ну ее, еще скоромятиной накормить, мы не бусурмане“. А Коваленко и Кравченко, убившіе купца Ващенко, тоже какъ-то въ постъ сидѣли въ трактирѣ, пили водку и закусывали „только“ рыбой. Вотъ они, дѣйствительно, истинные христіане! Хорошая логика. Такъ у духовенства всегда и во всемъ подтасовки и искаженіе фактовъ. Вотъ и относительно высшихъ классовъ общества, въ Вашей рѣчи допущена большая несправедливость. вмѣсто фразы: „наши высшіе классы и передовыя сословія пропитываются духомъ невѣрія и отрицанія ученія Христова“, слѣдовало бы Вамъ написать такъ, какъ оно дѣйствительно есть, а именно: „наши высшіе классы и передовыя сословія, слава Богу, начинаютъ истинно вѣровать и понимать ученіе Христа въ томъ смыслѣ, какъ того желалось Ему, а не въ томъ—какъ мы (духовенство) того желаемъ“. Вѣдь неправда не можетъ держаться вѣчно, ложь и обманъ хотя и не скоро, а все-таки выйдутъ наружу, и правда восторжествуетъ.

Я уже старикъ, мнѣ подъ 60 лѣтъ, на своемъ вѣку мнѣ немало приходилось наблюдать уклоненій отъ исполненія церковныхъ обязанностей и по совѣсти скажу, что во всѣхъ случаяхъ причиной тому было наше духовенство. А за „*послѣднія событія*“ такъ приходится даже усердно благодарить наше со-

временное духовенство, оно открываетъ глаза многимъ. Теперь не только волостные писаря, но старъ и младъ, образованные, малограмотные и едва читающіе, всѣ теперь стремятся читать великаго писателя земли русской. За дорогую цѣну достаютъ его сочиненія (заграничнаго изданія „Свободнаго слова“, свободно обращающіяся въ народъ во всѣхъ странахъ міра, кромѣ Россіи), читаютъ, разсуждаютъ, и рѣшенія, конечно, не въ пользу духовенства. Масса людская теперь уже начинаетъ понимать, гдѣ ложь и гдѣ правда и видитъ, что духовенство наше говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, да и въ словахъ своихъ частенько себѣ же противорѣчитъ. Много правды можно было бы высказать, но вѣдь съ духовенствомъ нельзя говорить откровенно, оно сейчасъ же не преминетъ донести, чтобы карали и казнили... А вѣдь Христосъ привлекалъ не силою и казнію, а правдою и любовію.

Нельзя пройти молчаніемъ скорбь Вашу по поводу пожертвованныхъ кн. Хилковымъ 400 дес., на которыхъ поселились до 40 семействъ бѣдныхъ крестьянъ. Въ словахъ Вашихъ такъ и сквозитъ сожалѣніе, что князь не пожертвовалъ эту землю на какой-нибудь монастырь. Нѣтъ, Владыко, прошли уже тѣ времена, когда жертвовались цѣлыя состоянія на монастыри ради душевнаго спасенія. Теперь уже даже полуобразованные чиновники, купцы, приказчики и проч. жертвуютъ на болѣе полезныя и пріятныя Богу дѣла благотворительности и народнаго просвѣщенія. Всѣ уже теперь сознаютъ, что не въ монастыряхъ наше спасеніе, а въ разумъ и просвѣщеніи. Вотъ землякъ нашъ, Пащенко, совсѣмъ необразованный человѣкъ, а пожертвовалъ состояніе не Покровскому монастырю (а какъ было бы кстати: рядомъ, съ одной стороны и другой), а городу на благотворительныя и образовательныя цѣли.

Въ заключеніи своей рѣчи Вы пишете „есть у насъ великая сила для борьбы—это самодержавная власть благочестивѣйшихъ государей нашихъ“. Опять подтасовки и опять мы не вѣримъ Вамъ. Хотя вы, *просвѣщенное* духовенство, стараетесь увѣрить насъ, что „преданы самодержавной власти отъ сосцовъ матери“ (изъ рѣчи нынѣшняго викарія при нареченіи во Епископа), но мы, *не просвѣщенные*, не вѣримъ, чтобы го-

довой ребенокъ (хотя бы и будущій епископъ) уже разсуждалъ объ образѣ правленія и отдавалъ преимущество самодержавію. Послѣ неудавшейся попытки патріарха Никона разыграть въ Россіи роль римскихъ папъ, совмѣщавшихъ на западѣ духовную власть съ главенствомъ свѣтскимъ, церковь наша, въ лицѣ высшихъ своихъ представителей—митрополитовъ, всецѣло и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, какъ это было при Петрѣ Великомъ, диктовавшимъ ей свои указы. (Давленіе Петра Великаго на духовенство въ дѣлѣ осужденія царевича Алексѣя). Въ XIX столѣтіи мы видимъ уже полную гармонію свѣтской и церковной власти въ Россіи. Въ суровую эпоху Николая I-го, когда пробуждавшееся общественное самосознаніе, подъ вліяніемъ великихъ соціальныхъ движеній на западѣ, и у насъ выдвинуло единичныхъ борцовъ противъ возмутительнаго порабощенія простаго народа, церковь наша оставалась совершенно равнодушной къ его страданіямъ и вопреки великаго завѣта Христа о братствѣ людей и милосердіи къ ближнимъ, ни одинъ голосъ изъ среды духовенства не раздавался въ защиту обездоленнаго народа отъ суроваго помѣщичьяго произвола, и это только потому, что правительство не рѣшалось пока наложить руку на крѣпостное право, существованіе котораго Филаретъ Московскій прямо оправдывалъ текстами св. писанія изъ Ветхаго завѣта. Но вотъ грянулъ громъ: Россія была разбита и политически унижена подъ Севастополемъ. Разгромъ ясно открылъ всѣ недочеты нашего дореформеннаго строя и прежде всего молодой, гуманный Государь (обязанный воспитаніемъ своего духа и воли поэту Жуковскому) разбилъ вѣковыя цѣпи рабства и, по злой ироніи сѣдѣбы, текстъ великаго акта 19-го февраля былъ данъ для редактированія съ христіанской точки зрѣнія тому же Филарету, очевидно, посягнувшему измѣнить, согласно духу времени, свои взгляды на крѣпостное право. Эпоха великихъ реформъ не прошла безслѣдной и для нашего духовенства, вызвавъ въ его средѣ при Макаріи (впослѣдствіи митрополитъ) плодотворную работу переустройства нашихъ духовныхъ учрежденій, куда также было имъ прорублено, хотя малое окно, въ область гласности и свѣта. Наступившая послѣ 1-го марта 1881 года реакція

принесла съ собою и въ духовенство соотвѣтствующій элементъ дѣятелей во вкусѣ Побѣдоносцева и Каткова и въ то время, когда передовые люди страны въ земствѣ и обществѣ подають петиціи объ отмѣнѣ остатковъ тѣлесныхъ наказаній, церковь молчитъ, не обмолвившись ни однимъ словомъ осужденія защитниковъ розги,—этого орудія возмутительнаго униженія человѣка созданнаго по образу и подобию Божію. Въ виду всего сказаннаго будетъ ли несправедливо предположить, что все наше духовенство, въ лицѣ своихъ представителей, при измѣнившемся сверху режимѣ, такъ же будетъ славословить государя конституціоннаго, какъ славить оно теперь самодержавнаго. И такъ, зачѣмъ лицемѣріе, вѣдь не въ самодержавіи тутъ сила, а въ Монархѣ. Петръ I тоже былъ Богоданный Самодержецъ, однако духовенство его и до сихъ поръ не очень то жалуется, и Петръ III былъ такой же Самодержецъ, собиравшійся остричь и образовать наше духовенство,—жаль, не дали ему поцарствовать года два—три. Да если бы и нынѣ царствующій Самодержецъ Николай II соизволилъ выразить свое благоволеніе достославному Льву Николаевичу—куда бы вы попрятались съ своими кознями, страхами и угрозами?

Напрасно Вы приводите текстъ молитвъ, которыя духовенство возноситъ за царя—этотъ наборъ словъ, на тарабарскомъ нарѣчій, ни въ чемъ и никого не убѣждаетъ. Самодержавіе вѣдь у насъ: прикажутъ и напишете молитвы втрое длиннѣе и болѣе выразительнѣй. Вообще, молитвы въ православной церкви—одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ. Не думаемъ, чтобы Господу Богу, видящему сердца наши и знающему помыслы наши, угоденъ былъ этотъ наборъ словъ вашего досужаго измышленія. И я полагаю, что нисколько не погрѣшимъ, если скажемъ, что всѣ эти акаѳисты, пѣснопѣнія и великое множество молитвъ написаны исключительно съ коммерческою цѣлью.

Старики мы съ Вами, Владыко, и не доживемъ до того времени, когда Церковь наша очистится отъ всякой лжи, неправды и всего несущественнаго и станетъ тою, именно, Церковью, Каковую обѣщаль Христосъ и Которую врата адовы не одолѣють. Но на будущее надо смотрѣть съ упованіемъ.

Благодаря толчку, данному Великимъ и Незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ, св. Русь идетъ впередъ и, хотя въ послѣднія 20 лѣтъ вліянія крѣпостниковъ, отжившихъ старцевъ, не вѣдающихъ что творять, и различныхъ враговъ нашей много-страдальной Россіи, и ставятъ нѣкоторыя переграды и тормазы, но все это пустяки,—вкусивши сладкаго, не захочешь горькаго. Еще Жуковскій сказалъ: „движеніе—святое дѣло, все въ Божьемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стать; неподвижность есть смерть непримѣтная, но все же смерть, производящая только гниль“. Значить, на всѣ эти тормазы глупцовъ, идущихъ противъ законовъ природы, можно повторить:

Какъ бы ночь не длилась
И небо не темнѣла,
А все разсвѣта намъ не мигновать.

Итакъ, на будущее мы смотримъ съ радостію и восхищеніемъ, а Вы, конечно,—съ сокрушеніемъ.

*Почетный гражданинъ изъ бывшихъ духовныхъ
Иеронимъ Преображенскій.*

Гипотеза О. Каспари о религіи, ея сущности и происхожденіи.

Къ своему изслѣдованію „о религіи и ея происхожденіи“ *Каспари* избралъ эпиграфомъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія *Дарвина* „Происхожденіе человѣка“ (II, 345): „Развитіе моральныхъ свойствъ есть весьма интересная и трудная проблема. Ихъ основаніе заключается въ соціальныхъ инстинктахъ, при чемъ подъ этимъ выраженіемъ мы разумѣемъ и семейные союзы. Эти инстинкты—крайне сложной природы и у низшихъ животныхъ они возбуждаютъ склонности къ извѣстнымъ опредѣленнымъ поступкамъ; но для насъ болѣе значительными элементами являются любовь и отличное отъ нея возбужденіе симпатіи. Одаренныя соціальными инстинктами животныя ощущаютъ удовольствіе въ сообществѣ другихъ, предохраняютъ другъ друга отъ опасности, защищаютъ и *помогаютъ* другъ другу различными способами“. Прочитавъ этотъ эпиграфъ, дѣйствительно выбранный удачно, проникательный читатель уже напередъ можетъ угадать, что свое изслѣдованіе о сущности и происхожденіи религіи *Каспари* будетъ вести въ духѣ *дарвинистическаго* ученія и даже въ религіозномъ отношеніи не увидитъ существеннаго различія между человѣкомъ и животнымъ. Тѣмъ не менѣе приступая къ разрѣшенію вопроса о сущности религіи, *Каспари* считаетъ своею обязанностію вѣжливо поклониться предъ этимъ величественнымъ проявленіемъ человѣческаго духа и засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе. Вѣчно повторяющійся поцѣлуй предателя!

„Происхожденіе и сущность религіи, говоритъ *Каспари*, во всѣ времена были предметомъ глубочайшаго размышленія фи-

лософовъ. И, безъ сомнѣнія, въ исторіи человѣчества нѣтъ болѣе интереснаго предмета. Религія съ своими корнями образуетъ глубочайшій центръ душевной жизни, и сердце съ его таинственными вліяніями мы никогда не можемъ психологически отрѣшиться совершенно отъ воли, равно какъ отъ дѣятельности и занятій интеллектуальнаго духа и дѣятельности разума. Сердце и разумъ, воля и чувство живутъ въ тѣсномъ общеніи и взаимодѣйствіи, и глубоко перепутались между собою нити этихъ душевныхъ дѣятельностей, и притомъ такъ тѣсно, что едва ли ихъ можно отдѣлать одну отъ другой. Такимъ образомъ мы не можемъ удивляться тому, что многіе философы смотрѣли на религію какъ на источникъ и родникъ, который явно или скрытно, сознательно или безсознательно напаяетъ вмѣстѣ всѣ чувства и дѣйствія духа, и который, руководя всѣми стремленіями, отпечатлѣваетъ свои специфическія особенности на отдѣльномъ характерѣ. При такихъ обстоятельствахъ еще менѣе поэтому можно удивляться тому, что размышленіе людей совершенно особенно углублялось въ эту темную камеру сердца, чтобы найти въ ней ключъ ко всей человѣческой жизни и тѣ тайныя побудительныя силы, которыя управляютъ исторіею человѣчества. Какъ рудокопъ спускается въ темныя шахты, такъ размышляющій философъ спускается въ темный храмъ сердца, въ которомъ прежде всего пускаютъ свои корни характеристическія чувства состраданія, любви къ ближнему и миролюбія вмѣстѣ съ другими глубоко нравственными свойствами. Тѣмъ не менѣе какъ ни многоразличны сокровища, выкопанныя уже здѣсь изслѣдующими философами, и какъ ни усердно старались глубокомысленные умы всѣхъ вѣковъ освѣтить этотъ чудный и темный храмъ чувства свѣтомъ яснаго познанія и измѣрить его глубины, исторически они не познали первоначальнаго построенія этого величественнаго зданія до сихъ поръ и не поняли его какъ процессъ развитія. Напротивъ готовою и какъ вѣчно прирожденное и законченное стояла предъ глазами очень многихъ изслѣдующихъ учителей эта часть нашего глубокаго внутренняго міра, равно какъ и чудное величественное его построеніе, и довольно рѣдко всплывали у нихъ мысли

о томъ, не представляли ли также религія и относящаяся къ ней часть жизни чувствъ совершенно такимъ же образомъ, какъ развитіе искусства и постепенное развитіе интеллекта и разсудка въ человѣкѣ, процесса постепеннаго образованія и постепеннаго построенія и возрастанія изъ опредѣленныхъ корней. Эта мысль, какъ она ни правдоподобна, напротивъ всегда была большею частію энергично отклоняема; ибо, именно здѣсь, въ совершенной и первоначальной прирожденности религіознаго чувства и представленія, изслѣдователи постоянно думали найти и указать послѣдній несомнѣнный и самый ясный критерій отличія между животнымъ и человѣкомъ. Мы знаемъ, что много лѣтъ тому назадъ то же самое утверждали также относительно человѣческаго интеллекта, относительно языка и другихъ такъ называемыхъ человѣческихъ духовныхъ преимуществъ, и мы знаемъ теперь насколько это несправедливо. Новѣйшее психологическое изслѣдованіе представило намъ точное доказательство,— что относительно такъ называемыхъ человѣческихъ преимуществъ разсудка и искусственной дѣятельности *было прирождено* человѣку первоначально вмѣстѣ съ подобными и близко стоящими къ нему животными, и чрезъ что могло происходить дальнѣйшее развитіе этихъ способностей. Подобная задача предстоить намъ теперь по отношенію къ развитію круга религіозныхъ чувствъ, представленій и поведенія. Здѣсь, въ томъ же самомъ родѣ, будетъ нашею задачею, какъ и при развитіи способности воспоминанія и комбинаціи, увидѣть, что изъ естественныхъ религіозныхъ чувствъ было первоначально прирожденнымъ и первоначально свойственнымъ человѣку вмѣстѣ съ близко стоящими къ нему животными, и какимъ образомъ и чрезъ что происходило опредѣленное дальнѣйшее развитіе этого зародыша въ извѣстномъ направленіи. Совершенно въ томъ же видѣ, какъ при остальныхъ процессахъ развитія духа, здѣсь, слѣдовательно, важно провести вѣрно соединительную линію съ міромъ животныхъ, чтобы чрезъ эту соединительную конструкцію пріобрѣсти также и собственный базисъ, на которомъ только поистинѣ построилось все развитіе и съ котораго только его можно понять“.

Итакъ, по словамъ *Каспари*, предшествовавшіе ему философы и богословы только потому не разрѣшили вопроса о религіи, ея сущности и происхожденіи, что искали разрѣшеніе этого вопроса въ душѣ человѣка, а не у животныхъ, что принисывали человѣку какія-то духовныя преимущества предъ животными, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. *Каспари* не пойдетъ этимъ ложнымъ путемъ; корень религіи онъ будетъ искать въ природѣ животныхъ и, конечно, къ удовольствію своему, найдетъ его.

Предметомъ религіи, говоритъ *Каспари*, всегда является возвышенное, которое возбуждаетъ въ душѣ человѣка въ отношеніи къ себѣ два основныхъ чувства—страхъ и любовь, а эти послѣдніе находятся въ связи съ другими болѣе элементарными чувствами, каковы, напр., чувства привязанности, благодарности, благоволенія, участія и т. д. Такимъ образомъ сущность религіи, по мнѣнію *Каспари*, состоитъ въ чувствахъ любви и страха, которыя развиваются въ тѣсномъ семейномъ кругу на почвѣ воспитанія.

Уже животнымъ свойственны болѣе глубокія чувства „привязанности“, заботливости, сочувствія, помощи, точно также какъ и боязливаго участія и любви къ дѣтямъ. Замѣчательно развитая, почти нѣжная семейная привязанность молодыхъ членовъ между собою, говоритъ *Каспари*,—фактически характеризуетъ виды грызуновъ и если вообще въ этомъ отношеніи отступаютъ назадъ считающіяся весьма безнравственными хищныя животныя (мы имѣемъ въ виду только львовъ и тигровъ, похищающихъ у своихъ женъ дѣтенышей, чтобы ихъ сожрать), то на первый планъ здѣсь снова выступаютъ тѣмъ съ болѣею силою тѣлесно столь близко стояція къ человѣку обезьяны. Но забота о дѣтяхъ вмѣстѣ съ относящимися къ ней чувствами есть, очевидно, *примитивный актъ воспитанія*; въ своемъ родѣ преимущественно она предполагаетъ справедливо считающіяся всегда нравственными чувства благоволенія, искренняго миролюбія и глубочайшаго сочувствія къ ближнимъ, а подъ вліяніемъ этихъ нравственно образующихъ и воспитывающихъ силъ въ свою очередь развиваются въ пользовавшихся благопопеченіемъ и любовію въ воспитанныхъ дѣтенышахъ чувства привязанности и искренней благодарности. Эти

привязанность и благодарность мы познаемъ въ высокомъ чувствѣ уживчивости, съ которымъ животныя остаются вмѣстѣ въ группахъ и большихъ семействахъ, чтобы совмѣстно дѣлить страданія и радости жизни въ большихъ обществахъ. Въ этомъ товариществѣ, продолжаетъ *Каспери*, развиваются всѣ благородныя чувства, дѣлающіяся понятными чрезъ кривлянья и мины, не нуждаясь въ языкѣ. Здѣсь въ отношеніи къ чувствамъ: благодарной помощи и любезнаго проявленія содѣйствія, особенно выдвигаются впередъ виды грызуновъ и обезьяны, относительно которыхъ по этому поводу извѣстны тысячи примѣровъ. Но воспитывающая дрессировка, простирающаяся даже на хищныхъ животныхъ, какъ, напр., на собакъ, львовъ и т. д., или что то же—человѣческое искусственное вліяніе доказываетъ намъ многоразличными примѣрами, что даже весьма трудно воспитываемыя безнравственныя хищныя животныя не совсѣмъ недоступны чувствамъ благодарности, примѣры этого извѣстны каждому. Очевидно, дрессировка и воспитаніе очищаютъ чувства въ высокой степени, а во взаимномъ вліяніи родителей и дѣтей и ихъ отношеній другъ къ другу, точно также какъ въ заботѣ и вниманіи родителей къ возрастающимъ дѣтенышамъ заключаются воспитывающія и таинственно взаимодействующія силы, которыя не вполне достаточно оцѣнены для развитія каждой лучшей и болѣе глубокой жизни чувствъ.

При изложеніи теоріи фетишизма мы уже имѣли случай привести мнѣніе эволюціонистовъ вообще и *Каспери* въ частности о томъ, что первоначально чловѣкъ не могъ боготворить ни силъ природы, ни явленій ея. Пока онъ не началъ заниматься земледѣліемъ, внѣшняя природа будто бы не могла интересовать его. Религія у чловѣка началась такъ же, какъ и у животныхъ, думаетъ *Каспери*, т. е. въ семейномъ кругу и на почвѣ воспитанія. Здѣсь, въ кругу тѣсной семейной жизни, подъ вліяніемъ заботы и любви къ дѣтямъ образуется та религіозная привязанность и та любовь къ ближнему отдѣльныхъ членовъ, изъ которой произрастаютъ впоследствии тысячи нравственныхъ чувствъ и благожелательныхъ поступковъ; здѣсь полагается первое основаніе для того

глубокого религіознаго благочестія и возбуждается первое дѣтское разумѣніе того возвышеннаго страха въ любви и того боязливаго религіознаго уваженія и зависимости, которыя мы столь естественнымъ образомъ ощущаемъ въ отношеніи къ разумному старику, къ отцу и къ общему выдающемуся высокому покровителю того кружка, въ которомъ мы находимъ себя какъ бы въ установленномъ государствѣ. Такъ возбуждаются тѣ чувства, которыя мы всасываемъ въ себя, такъ сказать, съ молокомъ матери въ самомъ тѣсномъ кругу, а вмѣстѣ и болѣе глубокое уразумѣніе того уваженія, которое мы, наконецъ, какъ люди, привыкли питать къ патриарху, родоначальнику, герою и даже къ князю и государю. Однимъ словомъ,—тѣсная семейная жизнь съ ея глубоконравственными отношеніями и воспитательными взаимодѣйствіями есть первоначальный родникъ и неисчерпываемый источникъ тѣхъ глубочайшихъ ощущеній, на основаніи которыхъ единственно только и возрастаетъ разумѣніе и сила всякой истинной религіи. Отнимите у дитяти понятіе о родительской любви,—говорить *Каспари*,—уничтожьте въ немъ всякую природенную любовь къ ближнему, умертвите въ немъ всѣ тѣ чувства, которыя сцѣпляютъ его съ тѣснымъ или широкимъ кружкомъ человѣческаго общежитія вообще,—и мы увидимъ не только быстро исчезнувшимъ всякое дѣйствительное благочестіе, но и уничтоженіе всѣхъ глубокихъ ощущеній, изъ которыхъ религія высасываетъ свое питаніе. Здѣсь въ лонѣ только тѣснѣйшаго общенія ближнихъ, возбуждается и истинная любовь къ ближнему, здѣсь только рождается и тотъ страхъ въ любви предъ авторитетомъ и величіемъ старшихъ, который какъ любовь къ отцу и любовь къ старшимъ мы привыкли переносить на Высочайшее Существо. Что была бы за жизнь безъ любви, что была бы за любовь безъ ближнихъ? Но какое естественное общеніе ближнихъ было бы мыслимо безъ временнаго различія ступеней возраста, котораго вслѣдствіе богатаго опыта требуетъ для себя воспитывающій авторитетъ, а вмѣстѣ съ нимъ въ отношеніи къ юношамъ первая естественная ступень величія,—того нравственнаго величія, которое внушаетъ намъ справедливую зависимость, страхъ, ува-

женіе и благоговѣніе? Такимъ образомъ,—заключаетъ *Каспари*, —мы видимъ, что въ обществѣ ближнихъ и въ семьяхъ намъ даны уже всѣ корни, изъ которыхъ возрастаетъ религіозный страхъ въ любви, а вмѣстѣ съ нимъ и чувство къ возвышенному. Какъ въ семейной жизни животныхъ уже могли возрастать слѣды зародыша религіознаго развитія, такъ у людей отсюда же истекаетъ полнота всей религіи.

И такъ, по мнѣнію *Каспари*, сущность первобытной религіи состояла въ почитаніи родоначальниковъ, вожаковъ племени, героевъ, царей. Характеристично въ психологическомъ отношеніи, говоритъ онъ, что даже еще и теперь дѣти стараются образовать переходъ къ уразумѣнію возвышеннаго понятія о Богѣ чрезъ реальное представленіе о царѣ или какомъ либо знаменитомъ князѣ. Когда въ моемъ присутствіи одной маленькой пятилѣтней дѣвчкѣ русской національности и происхожденія (воспитанной въ Германіи, при чемъ родители ея не приписывали особеннаго значенія ея религіозному образованію) былъ предложенъ серьезно вопросъ: кто и гдѣ благой Богъ,—она отвѣчала съ увѣренностію: „прусскій король“. По поводу этого комическаго факта мнѣ рассказывали, что въ Россіи, среди крестьянскихъ дѣтей, вовсе не рѣдкость, что они первоначально въ своемъ представленіи совершенно не уясняютъ себѣ различія между Богомъ и царемъ. Что касается собственно степени и характера возвышенности, которую мы должны образовать, чтобы достигнуть точнаго представленія о „чисто невидимомъ Божествѣ“ (представленіе, до котораго еще не достигли многіе изъ естественныхъ народовъ), то само собою понятно, что только въ болѣе позднее время высокоразвитымъ народамъ удастся составить понятіе о Богѣ въ этой формѣ. Еще и теперь трудно бываетъ дѣтямъ образовать представленіе о чисто невидимомъ, возвышенномъ существѣ. Я самъ припоминаю изъ своего ранняго дѣтства, говоритъ *Каспари*, что я только тогда достигъ (?) настоящаго пониманія высшаго, невидимаго, божественнаго Существа, когда въ отвѣтъ на мои дѣтскіе вопросы объ этомъ мнѣ разъяснили,—что благой Богъ не живетъ ни на землѣ, ни въ землѣ, ни подъ землею, но что Онъ имѣетъ свое мѣстопробываніе на бесконечно от-

даленной звѣздѣ. Такимъ образомъ только понятіе „неизмѣримой дали“, насколько возможно, освободило меня отъ всѣхъ видимыхъ атрибутовъ божественной личности. Первобытный человѣкъ, не предчувствовавшій о дали въ этой неизмѣримости и ничего не мыслившій за предѣлами ближайшаго круга отношеній и даже вначалѣ старавшійся втянуть отдаленное въ этотъ тѣсный кругъ ради его лучшаго уразумѣнія, не могъ поэтому установить для себя такого перехода къ усвоенію и не достигалъ настоящаго понятія о возвышенномъ невидимомъ Богѣ въ нашемъ смыслѣ.

Мало того, первобытный человѣкъ не имѣлъ совершенно никакого понятія какъ о безтѣлесности, такъ и о духѣ и о душѣ. Онъ не имѣлъ яснаго представленія даже о смерти. Онъ не различалъ мертваго отъ спящаго или покоящагося. Спящій живетъ еще; первобытный человѣкъ довольно часто видѣлъ погруженными въ состояніе сна животныхъ и товарищей; онъ самъ зналъ о немъ изъ собственнаго опыта; не чудо поэтому, что видя явленіе смерти онъ вспоминалъ только образъ спящаго. Въ то время какъ для первобытнаго человѣка въ ежедневномъ опытѣ бодрствованіе перемѣшивалось со сномъ, и въ то время какъ онъ привыкъ видѣть оба эти состоянія всегда слѣдующими одно за другимъ,—вначалѣ онъ еще не былъ въ состояніи отрѣшиться отъ этой послѣдовательности при подобныхъ явленіяхъ и образъ его представленія въ виду мертваго необходимо былъ связанъ съ образомъ спящаго, и чрезъ это онъ не могъ вполне освободиться отъ своего предрасудка. На этомъ основаніи развился культъ почитанія труповъ и животныхъ. Первобытные люди, не различая смерти отъ сна, продолжали почитать также и своихъ умершихъ родоначальниковъ или героевъ, признавая ихъ только спящими или покоющимися. Въ это время уже начался такъ называемый каменный періодъ въ исторіи человѣчества. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ *Каспари*, когда мы замѣчаемъ, что уже въ доисторическое время, когда кругъ представленія человѣка обнималъ только незначительный горизонтъ и взоръ человѣка еще не направлялся осмысленно на звѣзды, а его духъ еще не познавалъ ничего божественнаго

въ мертвой природѣ, онъ тѣмъ не менѣе уже изъ религіозной любви къ ближнему приготовлялъ для своихъ мертвецовъ, чтобы сохранить ихъ, пещеры въ землѣ и гробы въ камняхъ, въ которые онъ пряталъ ихъ отъ враждебныхъ животныхъ, чтобы они, защищаемые и сохраняемые, могли снова пробудиться къ жизни послѣ долгаго сна. Имъ ставили туда пищу и питье (начало жертвеннаго культа) для того, чтобы они не оставались безпомощными, какъ только снова откроютъ глаза. Мало того, первобытный человѣкъ думалъ, что вмѣстѣ съ могилою усопшему нужно давать даже оружіе для защиты и другіе предметы. Только въ гораздо позднѣйшее время, когда стали развиваться способности воспоминанія и наблюденія, люди начали замѣчать гибель труповъ отъ гніенія и разрушенія. Отсюда явилось стремленіе балзамировать чтимыхъ умершихъ (царей и полководцевъ) и хоронить ихъ въ каменныхъ ракахъ для предохраненія отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха и сырости. Такъ какъ часто случалось, что тѣла умершихъ были пожираемы, животными то отсюда произошла вѣра, что въ тѣло животныхъ перешли и силы сѣдвеннаго человѣка. Дикари, презиравшіе прежде хищныхъ животныхъ за ихъ враждебность къ себѣ, теперь начинаютъ почитать ихъ, какъ носителей высшихъ существъ: животныя такимъ образомъ вошли въ религіозный кругъ человѣческихъ представленій. Такъ произошла въ послѣдствіи вѣра и въ переселеніе душъ. Мысль о томъ, что, сѣдая человѣка, обладающаго необычайными силами, можно завладѣть послѣдними и достигнуть величія, породила столь широко распространенный у древнихъ дикарей каннибализмъ и людоедство.

Весьма важное значеніе въ исторіи человѣчества, по словамъ *Каспери*, имѣло *изобрѣтеніе* огня: оно наиболѣе содѣйствовало возвышенію человѣка надъ животными. Изобрѣтателями огня были, конечно, каменотесы, приготовлявшіе строительный матеріалъ еще въ каменный вѣкъ. Каменотесами первоначально были только *хромые* и *калтыки*, которые, по неволѣ, не могли принимать участія въ охотѣ и хищничествахъ, а сидѣли дома, и чтобы не пользоваться даровымъ питаніемъ, разбивали камни и терли ихъ одинъ о другой для того, что-

бы поверхность ихъ сдѣлать гладкою. Показывавшіеся при этомъ искры огня подали каменотесамъ мысль производить огонь искусственно. Конечно, зажиганіе огня первоначально было очень труднымъ искусствомъ, которое облегчилось только мало-по-малу чрезъ то, что впоследствии изобрѣтателямъ удалось найти лучшіе и болѣе легкіе методы тренія и болѣе соотвѣтствующіе матеріалы; благодаря такому облегченію стало возможнымъ въ высокой мѣрѣ и подражаніе. Тайнственное искусство возжиганія огня состояло не только въ ловкости тренія, но и въ умѣннн выбирать годные для этого породы дерева и камня. Это спеціальное значеніе, изъ какого именно матеріала и въ какое именно время можно добывать огонь, до его всеобщаго распространенія, какъ и всѣ спеціфическія знанія, заключало въ себѣ нѣчто тайнственное и доступное только посвященнымъ. Для первобытнаго человѣка вызваніе огня, этого страшнаго элемента, долго оставалось явленіемъ тайнственнымъ. Этотъ страхъ былъ причиною того, что изобрѣтеніе огня не нашло для себя сразу быстрого распространенія между первобытными племенами, которыя не могли безъ ужаса смотрѣть и на тѣхъ немногихъ лицъ, которыя изъ камня или дерева умѣли извлекать огонь.

Такъ какъ, по мнѣнію *Каспарн*, развитіе религіи первоначально шло рука объ руку съ успѣхами культуры, то изобрѣтеніе огня имѣло сильное вліяніе и на измѣненіе религіознаго воззрѣнія первобытныхъ людей. Оно породило прежде всего вѣру въ маговъ, волшебниковъ, кудесниковъ и шамановъ, этихъ примитивнѣйшихъ мудрецовъ міра, этихъ древнѣйшихъ естествоиспытателей и даровитѣйшихъ изобрѣтателей. Первоначальный страхъ къ нимъ у дикарей мало-по-малу смѣшался съ чувствами уваженія и благоговѣнія, такъ какъ изобрѣтеніе огня скоро оказалось полезнымъ и благотворнымъ, ибо изобрѣтатели сумѣли воспользоваться теплотою огня въ соединеніи съ другими средствами для *исцѣленія* болѣзней. Вслѣдствіе этого въ глазахъ дикарей они достигаютъ уже и нравственнаго величія, являются „святими“, достойными особеннаго почитанія. Явилась почва для образованія сословія жрецовъ, пророковъ и прорицателей первобытнаго времени.

Этого мало. Изобрѣтеніе огня, по мнѣнію *Каспари*, создало новый религіозный культъ—почитаніе змѣи. Дикари не могли не замѣтить, что пламя огня, развѣваемаго вѣтромъ, больше всего напоминаетъ изъ животнаго міра вьющуюся и шипящую змѣю, а потому и неудивительно, что дикари, признававшіе первоначально огонь, безъ всякаго сомнѣнія, живымъ существомъ, стали поклоняться змѣямъ, огневиднымъ ящерицамъ и змѣеголовымъ драконамъ, о которыхъ намъ такъ часто говорятъ преданія изъ этого времени. Наконецъ, огнепоклонники и змѣепочитатели подготовили почву и для новой ступени религіознаго развитія—*фетишизма* въ обширномъ смыслѣ. Такъ какъ и первобытные дикари не могли не замѣтить, что огонь исходитъ изъ камня и дерева, а вода обладаетъ силою даже погашать и огонь, то было только естественно, когда эти вещи: камень, дерево, огонь, вода и другіе предметы скоро стали предметами религіознаго почитанія; а отсюда уже легко было перейти и къ поклоненію небеснымъ свѣтиламъ, сходство которыхъ съ огнемъ, по ихъ блеску и теплотѣ, не трудно было замѣтить и дикарямъ. Микрокосмъ уступаетъ теперь мѣсто макрокосму. Изобрѣтеніе огня и соединенные съ нимъ религіозные обряды дали человѣчеству эмпирической поводъ къ развитію болѣе глубокаго и продолжительнаго интереса къ свѣтящимся явленіямъ на небѣ; а это обстоятельство послужило поводомъ съ одной стороны къ почитанію небесныхъ птицъ, а съ другой стороны къ занятію земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Только къ эпохѣ изобрѣтенія огня *Каспари* относитъ образованіе понятія о рожденіи, смерти и душѣ. Появленіе огня отъ тренія дало будто бы поводъ дикарямъ составить себѣ понятіе о рожденіи, а уничтоженіе предметовъ посредствомъ огня—о смерти. Изобрѣтеніе же огня подготовило почву и для составленія понятія о душѣ. Существеннымъ признакомъ понятія о душѣ, говоритъ *Каспари* является ея безтѣлесное и совершенное отдѣленіе отъ тѣла. Какъ дымъ отдѣлялся отъ пламени, чтобы подняться вверхъ въ надземное небо, или быть завесеннымъ отъ вѣтра, туда, гдѣ солнце всходило или заходило, однимъ словомъ по ту сторону видимаго міра, такъ также и безтѣлесная душа,—она отдѣляется отъ тѣла, и какъ

дымъ при свѣтѣ солнца бросалъ темную тѣнь, такъ и дымъ и теплая пневма души для первобытныхъ народовъ были въ этомъ смыслѣ нѣчто тѣневое, а сама душа пылающимъ огнемъ и дымящимся воздушнымъ паромъ; болѣзни были признаны запятнаніемъ, затемненіемъ и оскверненіемъ свѣтлаго огня души въ тѣлѣ; отсюда произошло сожиганіе труповъ, культъ кровавыхъ жертвъ и жертвъ человѣческихъ. Черезъ сожиганіе трупа человѣку открывался—де наилучшій и легчайшій путь на небо. вмѣстѣ съ душами умершихъ переселялись на небо и всѣ предметы религіознаго почитанія; возникло чувство зависимости отъ силъ природы; свѣтила небесныя, какъ магическіе огни, теперь превратились уже въ могущественныхъ боговъ; человѣчество достигло той ступени религіознаго развитія, которую принято называть *идолатрією* или *политеизмомъ*, при чемъ всѣ религіозныя представленія получаютъ характеръ грубаго *антропоморфизма*. Изъ политеизма, при постепенномъ расширеніи умственнаго кругозора и сокращеніи количества боговъ, мало по малу религіозное сознаніе достигаетъ, наконецъ, до той формы своего выраженія, которую принято называть *монотеизмомъ*.

Таковъ—въ краткомъ изложеніи—взглядъ *Каспари* ¹⁾ на религію, ея сущность и происхожденіе. Намъ остается теперь высказать свое сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ этого взгляда. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что намъ немного прійдется отмѣчать достоинствъ въ обширномъ двухтомномъ сочиненіи *Каспари* и несравненно больше мы вынуждены будемъ говорить о его недостаткахъ.

Къ достоинству труда *Каспари* слѣдовало бы отнести чрезвычайное обиліе этнографическаго матеріала въ смыслѣ собранія свѣдѣній объ обычаяхъ, нравахъ, воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ и преданіяхъ различныхъ дикихъ племенъ нашего времени; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ этомъ отношеніи трудъ *Каспари* былъ почти совершенно механическимъ: весь въ изобиліи приводимый имъ матеріаль

¹⁾ Каспари изложилъ свое ученіе о религіи, ея сущности и происхожденіи въ сочиненіи „Die Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geistes lebens. 2 Bde. Leipzig. 1873.

заимствованъ изъ сочиненій *Дарвина*, *Бастіана*, *Тэйлора* и *Леббока*. *Каспари* принадлежитъ только общій выводъ изъ этого матеріала, т. е., его взглядъ на религію, ея сущность и происхожденіе. Но этотъ взглядъ, къ сожалѣнію, заключаетъ въ себѣ, какъ увидимъ ниже, только одни недостатки и никакихъ положительныхъ достоинствъ.

Недостатки ученія *Каспари* о религіи, ея сущности и происхожденіи состоятъ съ одной стороны въ отсутствіи оригинальности, а съ другой—въ тенденціозности и явномъ искаженіи прямого смысла фактовъ.

По мнѣнію *Каспари*, первоначальною формою религіи было будто бы почитаніе племеннаго вождя, патріарха, героя, царя. Но мы видѣли, что такъ точно училъ уже *Эвгемеръ* въ глубокой древности. Что же въ такомъ случаѣ новаго сказалъ *Каспари*?—Совершенно ничего, онъ повторилъ лишь то, что давнымъ давно всѣми мыслящими людьми признано какъ одна изъ неудачныхъ попытокъ разрѣшенія вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Излагая эвгемеризмъ, мы уже имѣли случай указать и на его недостатки; а потому здѣсь мы считаемъ ненужнымъ повторять сказаннаго. Мы отмѣчаемъ здѣсь лишь фактъ, доказывающій вѣрность нашего утвержденія, что *Каспари* въ своемъ ученіи о происхожденіи религіи не оригиналенъ и что онъ не сказалъ ничего новаго, что бы содѣйствовало разрѣшенію этого вопроса. А между тѣмъ мнѣніе *Каспари* о томъ, что первымъ предметомъ религіознаго почитанія были будто бы выдающіеся люди въ семьѣ или государствѣ составляетъ самую сущность, коренное основаніе всѣхъ его дальнѣйшихъ разсужденій о религіи. Ясно, что съ паденіемъ основанія неминуемо падаетъ и все эфемерное зданіе, построенное *Каспари*, ибо всѣ другія его мнѣнія суть только выводы изъ указаннаго основанія и притомъ—выводы, имѣющіе только второстепенное значеніе въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ.

Свое ученіе о сущности и происхожденіи религіи *Каспари* причисляетъ къ эволюціоннымъ гипотезамъ. Такое поведеніе *Каспари* намъ кажется просто недоразумѣніемъ. По крайней мѣрѣ, мы совершенно отказываемся понять, что общаго между эволюціонизмомъ и выше изложеннымъ ученіемъ *Каспари* о

происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Эволюціонизмъ предполагаетъ непременно процессъ постепеннаго развитія одного явленія изъ другого, но—не рядомъ съ другимъ. По мнѣнію эволюціонистовъ, человѣкъ, напр., произошелъ отъ обезьяны; вѣрно ли это мнѣніе или невѣрно, мы этого вопроса касаться здѣсь не будемъ; но мнѣніе эволюціонистовъ таково: сначала были обезьяны, выродившіяся изъ какихъ то предшествовавшихъ видовъ животнаго царства, а изъ нихъ уже выродился или развился человѣкъ, такъ что у послѣдняго осталось только сходство извѣстныхъ явленій съ таковыми же явленіями въ жизни животныхъ, но не тожество ихъ, развитіе шло постепенно, но не параллельно. Если бы *Каспарі* хотѣлъ оставаться вѣрнымъ ученію эволюціонистовъ, то онъ долженъ былъ бы примѣнить этотъ принципъ и къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Но ничего такого *Каспарі* не дѣлаетъ. По его мнѣнію, религіозныя представленія людей до-историческаго времени развились *не постепенно* изъ жизни животныхъ, а лишь *параллельно* съ нею. *Каспарі* постоянно старается показать своему читателю, что у человѣка процессъ образованія религіозныхъ представленій совершался *точно такъ же*, какъ и у животныхъ, при чемъ человѣкъ отъ начала и до конца остается у него *человѣкомъ*, хотя и живетъ будто бы внутреннею жизнію животныхъ, и *Каспарі* нигдѣ не даетъ понять читателю, чтобы человѣкъ былъ когда либо обезьяною и только постепенно выродился или развился изъ нея въ человѣка. Такую параллель въ развитіи религіозныхъ представленій человѣка и животныхъ *Каспарі* ведетъ чрезъ весьма продолжительные періоды времени: человѣкъ у него идетъ рука объ руку съ животнымъ до самаго періода изобрѣтенія огня. Но за то здѣсь *Каспарі* рѣшительно оставляетъ животныхъ, которыя почему-то оказались неспособными повиноваться закону эволюціонистовъ о безконечности постепеннаго развитія, и уже все время занимается только однимъ человѣкомъ и указаніемъ на дальнѣйшее развитіе религіозныхъ представленій его. Если бы *Каспарі* былъ дѣйствительно послѣдовательнымъ эволюціонистомъ, онъ долженъ былъ бы поступить не такъ. Онъ долженъ былъ бы сначала имѣть дѣло только съ однимъ животнымъ царствомъ и

знакомить читателя своего лишь съ тѣмъ, какъ развивались „религіозныя“ представленія у животныхъ; а затѣмъ уже съ того пункта, гдѣ животное превратилось, по его мнѣнію, въ человѣка, онъ долженъ былъ бы продолжать свое изслѣдованіе только относительно процесса развитія религіознаго сознанія человѣка. Такимъ образомъ, слѣдуя методу *Каспарі*, читатель долженъ былъ бы выработать себѣ слѣдующее представленіе: животныя имѣли предметомъ религіознаго почитанія своихъ племенныхъ вождей, патріарховъ, героевъ, царей, а со времени изобрѣтенія огня, которое, по словамъ *Каспарі* „создало человѣка“, т. е., изъ животнаго дало возможность развиться человѣку въ собственномъ смыслѣ, человѣкъ превратилъ прежнихъ патріарховъ и царей, какъ предметы религіознаго почитанія, въ шамановъ, кудесниковъ, маговъ, чѣмъ и обозначилось новое состояніе его, совершенно отличное отъ прежняго, чисто животнаго. Но *Каспарі* въ дѣйствительности поступилъ логически — непослѣдовательно, отказавъ предъ эпохою изобрѣтенія огня животнымъ въ возможности дальнѣйшаго *постепеннаго* развитія въ религіозномъ отношеніи. Намъ кажется даже нелѣпымъ и неразумнымъ — доказывать легкомысленность и фантастичность утвержденія *Каспарі*, будто бы животныя имѣютъ религію и предметомъ религіознаго почитанія признаютъ своихъ родоначальниковъ, героевъ и царей; вѣдь *Каспарі* предложилъ намъ не басню, написанную имъ въ минуты поэтическаго вдохновенія, а научное изслѣдованіе, имѣющее цѣлію разрѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ! Но мы не можемъ обойти молчаніемъ одного вопроса: почему *Каспарі* вообще нашелъ нужнымъ въ извѣстномъ пунктѣ отказать животнымъ въ возможности постепеннаго развитія въ религіозномъ отношеніи?

Несомнѣнно, здѣсь *Каспарі* пожертвовалъ принципомъ эволюціонизма, чтобы не стать въ *рѣшительное* противорѣчіе съ требованіемъ здраваго смысла и свидѣтельствами всѣмъ доступнаго опыта. Дѣло въ томъ, что изъ инстинкта животныхъ, въ какомъ бы смыслѣ мы его ни понимали, совсѣмъ нельзя исходить въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи. Эволюціонисты ¹⁾ любятъ рассказывать своимъ читателямъ

¹⁾ Кромѣ *Каспарі* мы можемъ назвать здѣсь еще *Спенсера*, *Зейделя*, *Тилле*,

очень много басенъ и анекдотовъ изъ области мнимо-душевной жизни животныхъ, которымъ часто приписываютъ такія качества, такія способности и добродѣтели, какія не всегда въ равной степени можно встрѣтить и у людей. Принимая за истину эти басни и анекдоты, конечно, безъ труда можно доказывать, что животныя имѣютъ религію и божествами признаютъ своихъ „царей“, „героевъ“, родоначальниковъ и вожаковъ. Не обращая вниманія на эти анекдоты и басни, мы можемъ признать только, что у животныхъ есть инстинктивныя дѣйствія, напоминающія о человѣческой привязанности родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и мужей къ женамъ. Послѣднія имѣютъ чисто фізіологическій характеръ и вытекаютъ изъ полового влеченія; первыя сводятся къ слѣпому инстинкту самосохраненія и сохраненія рода; а всѣ вообще носятъ грубо эгоистическій характеръ, а потому рѣшительно не имѣютъ ничего общаго съ тѣми началами, на которыхъ развивается религіозная жизнь человѣка. Нужно имѣть слишкомъ много отваги и презрѣнія къ дѣйствительности, нужно слишкомъ увлечься односторонними принципами эволюціонизма, чтобы эти инстинктивныя проявленія у животныхъ отождествлять съ чувствами человѣческими. Какъ инстинктивныя только дѣйствія, они не способны къ постоянному и постепенному развитію. Они вызываются инстинктомъ и прекращаются, какъ только удовлетворены инстинктивныя потребности,—никакого дальнѣйшаго движенія, въ смыслѣ, напр., развитія религіозной жизни, они обусловливать не могутъ. Такъ, самка животныхъ слѣпо привязана къ своимъ дѣтенышамъ, пока ихъ выкормить, но когда для ихъ дальнѣйшей фізіологической жизни она оказывается не нужною, т. е., когда инстинктъ сохраненія рода удовлетворенъ и дѣтеныши вскормлены, ея „родительская любовь“ прекращается навсегда: мать и дѣти становятся чужими и очень часто, по требованію другого инстинкта—самосохраненія, вступаютъ во враждебныя отношенія между собою. На жизни собакъ каждый имѣетъ возможность провѣрить истину сказаннаго нами. Дѣтеныши слѣпо „привязаны“ къ своей матери по инстинкту самосохраненія; но эта инстинктивная „привязанность“ ихъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока имъ мать нужна, т. е., до

вскормленія ихъ; послѣ же этого дѣтенныши становятся къ своей матери въ такія же точно отношенія, въ какихъ они находятся вообще ко всѣмъ животнымъ своей природы. Между нѣкоторыми животными есть инстинктивное влеченіе къ общности, къ совмѣстной жизни (у муравьевъ, пчелъ и т. п.). Но кто станетъ находить здѣсь начало для развитія государственной жизни? Здѣсь дѣйствуетъ только одинъ слѣпой инстинктъ, а потому общность эта неподвижна: какою она была по сотвореніи міра, такова она теперь, такою она и останется навсегда. Послѣ сказаннаго ясно, что если инстинктивные дѣйствія животныхъ сами по себѣ неспособны къ постоянно продолжающемуся развитію, то тѣмъ болѣе они не способны быть началами развитія чуждой имъ религіозной жизни. И *Каспари* сдѣлалъ непростительную для ученаго ошибку, допустивъ у животныхъ возможность развитія *религіознаго сознанія* до эпохи изобрѣтенія огня: что не начинается, то не можетъ и развиваться; а у животныхъ нѣтъ и малѣйшихъ признаковъ того, что считаютъ проявленіемъ религіознаго сознанія. Это признаютъ люди даже матеріалистическаго направленія. *Фейербахъ* можетъ быть названъ родоначальникомъ новѣйшаго германскаго матеріализма: *Бюхнеръ*, *Фогтъ* и *Молешотъ*—его ученики; но *Фейербахъ* въ первыхъ строкахъ своего сочиненія „Сущность христіанства“ прямо и открыто объявляетъ свое убѣжденіе, что религія есть принадлежность только одного человѣка, что она составляетъ существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ и что такъ называемая животная религія—религія слоновъ—есть пустая басня, вымысль празднофантазіи.

Стараясь доказать, что источникомъ развитія религіознаго сознанія человѣка нужно признать инстинктъ животныхъ, *Каспари*, очевидно, слѣдуетъ по стопамъ *Дарвина*, на котораго онъ часто и ссылается въ обоихъ томахъ своего сочиненія. Дѣйствительно, въ числѣ многихъ другихъ одностороннихъ писателей *Дарвинъ* смотритъ на религію, какъ на явленіе, развившееся изъ способностей общихъ у человѣка съ животными. Такъ онъ говоритъ ¹⁾: Вѣра въ Бога часто была вы-

1) О происхожденіи человѣка II, стр. 347; у *Каспари* т. I. стр. 324.

ставляема не только какъ величайшее, но и какъ полнѣйшее изъ всѣхъ различій между человѣкомъ и низшими животными. Впрочемъ, какъ мы видѣли, нельзя утверждать, что эта вѣра у человѣка прирождена или инстинктивна¹⁾. А въ другомъ мѣстѣ²⁾ онъ приводитъ много примѣровъ, которыми старается доказать, что животнымъ не чужды ни религіозныя, ни моральныя чувства. Однако даже *Каспари* утверждаетъ, что приведенными примѣрами *Дарвину* не удалось убѣдить противниковъ, потому что онъ принялъ за религіозныя и моральныя чувства то, что составляетъ только переходъ къ нимъ. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія „О происхожденіи человѣка“³⁾ *Дарвинъ*, доказывая, что животныя имѣютъ для религіознаго развитія такія же способности, какъ и человѣкъ, старается разрѣшить и вопросъ, выше возбужденный нами по поводу разсужденія *Каспари*: почему ни у одного животнаго на основаніи этихъ способностей не развилось религіозное сознаніе въ такой мѣрѣ, какъ у человѣка? Именно онъ говоритъ: „никакое существо не могло испытать такого сложнаго чувства, какъ религіозное, пока оно не поднялось до довольно значительной высоты въ умственномъ и нравственномъ развитіи“. Но этимъ *Дарвинъ*, очевидно, уничтожаетъ всякій смыслъ и значеніе эволюціонной гипотезы, и *Каспари* плохую опору находитъ у него для своихъ выводовъ. „При такомъ рѣшеніи вопроса,—совершенно справедливо замѣчаетъ *Рождественскій*³⁾, очевидно, религію уже невозможно выводить изъ какихъ бы то ни было свойствъ, общихъ человѣку и животнымъ. Если бы происхожденіе религіозныхъ представленій у людей зависѣло только отъ большаго развитія въ нихъ тѣхъ самыхъ способностей, какими обладаютъ и животныя, то у послѣднихъ мы находили бы (по крайней мѣрѣ, у болѣе смышленныхъ) хотя нѣкоторое отдаленное сходство съ религіознымъ чувствомъ. Однако же ничего подобнаго мы не видимъ у нихъ. *Дарвинъ* находитъ кажущееся сходство съ религіознымъ чувствомъ въ привязанности собаки къ своему хозяину, въ ея горячей любви къ нему, соединенной съ полной покорностью,

¹⁾ Въ III главѣ; у *Каспари* I, стр. 269.

²⁾ По рус. перев. 1874. Т. I. изд. 2-е, стр. 46.

³⁾ Христ. Апост. 1893. Т. I. стр. 190.

съ вѣкоторою боязнію и, можетъ быть, еще съ другими чувствами. „Собака, говоритъ онъ, возвращающаяся къ хозяину послѣ долгой разлуки, и обезьяна при видѣ любимаго сторожа держать себя совершенно иначе, чѣмъ при встрѣчѣ съ своими товарищами. Въ послѣднемъ случаѣ радость у нихъ не такъ сильна и чувство равенства выражается въ каждомъ ихъ дѣйствіи“. Другіе изъ дарвинистовъ прямо утверждаютъ даже, что собака смотритъ на хозяина, какъ на Бога ¹⁾. Но несостоятельность этой странной мысли такъ очевидна, что почти не нуждается въ серьезномъ опроверженіи. Въ самыхъ даже низшихъ формахъ религіи, какъ, наприм., фетишизмъ, высказываются слѣды болѣе высшихъ проявленій, чѣмъ простая привязанность къ видимому существу и покорность предъ нимъ. Въ религіи человѣкъ преклоняется предъ невидимымъ, вышечувственнымъ. Это одинъ изъ ея самыхъ существенныхъ психическихъ элементовъ, котораго вовсе не высказывается въ привязанности собаки къ своему хозяину или обезьяны къ своему сторожу. Вѣрованія въ невидимыя явленія и вліянія духовъ, какъ признаетъ самъ Дарвинъ, распространены почти у всѣхъ менѣе цивилизованныхъ расъ (стр. 46); животныя же вовсе не имѣютъ понятія о невидимомъ духѣ. Слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи о существованіи у нихъ чего-нибудь сходнаго съ религіею“.

Каспар такъ же, какъ и *Дарвинъ*, находитъ у собаки элементъ религіозности, заключающійся въ томъ чувствѣ зависимости отъ человѣка, которое вызывается у нея именно дрессировкою. Допустимъ, что такое чувство, достигаемое продолжительною дрессировкою и суровыми мѣрами, внушающими безотчетный страхъ дрессируемому, есть у нѣкоторыхъ животныхъ. Но развѣ это чувство можетъ быть названо религіознымъ элементомъ? Правда, есть мыслители, которые, во главѣ со *Шлейермахеромъ*, сущность религіи ошибочно полагаютъ въ чувствѣ зависимости. Но 1) одно только чувство зависимости (какъ показано будетъ нами подробно въ своемъ мѣстѣ) само по себѣ сущности религіи не составляетъ; оно есть только одинъ изъ многихъ моментовъ въ состояніи

¹⁾ *Braubach*—„Religion—Moral der Darwinischen Artlehre“. 1869 p. 53.

религіознаго сознанія, не имѣющій никакого преимущества предъ другими моментами, такъ какъ онъ выражаетъ только одну сторону въ отношеніи человѣка къ Богу, творенія къ Творцу; 2) чувство религіозной зависимости у человѣка отъ Бога есть результатъ абстракціи, логическаго мышленія, требованіе закона причинности; а потому оно всегда является разумнымъ и осмысленнымъ; у животнаго чувство зависимости отъ человѣка есть непосредственное состояніе, вызванное слѣпымъ инстинктомъ самосохраненія, а потому оно и не имѣетъ ничего общаго (кромѣ формы) съ религіознымъ чувствомъ зависимости человѣка отъ Бога по самому бытію перваго; животное никогда не можетъ возвыситься до абстракціи, т. е., до сужденія объ общихъ отношеніяхъ, а потому оно никогда не можетъ смотрѣть ни на своего родоначальника, ни на человѣка, какъ на Бога; 3) самъ *Каспари* утверждаетъ, что чувство зависимости по отношенію къ человѣку имѣютъ не всѣ животныя, а только однѣ дрессированныя; слѣдовательно, это чувство, по недоразумѣнію или по преднамѣренному подмѣну понятій, называемое чувствомъ зависимости, у животныхъ есть только нѣчто случайное, механическое, навязанное отвнѣ, а не присущее самой природѣ животныхъ. Наконецъ, намъ извѣстно, какими существенными признаками характеризуется религія. Если бы для животныхъ возможна была религія хотя въ незначительной степени, то наши усердные естествоиспытатели, а въ особенности опирающіеся на нихъ матеріалисты и эволюціонисты уже давно открыли бы слѣды ея или ея признаки. Но еще никто не осмѣливался утверждать, чтобы у животныхъ были найдены слѣды религіознаго культа, вѣры въ бытіе сверхчувственнаго, заботы о мертвыхъ, предчувствія своего собственнаго бытія послѣ смерти, выраженія ихъ стремленія къ соединенію съ абсолютнымъ, безконечнымъ. Ясно, что животныя не только не имѣютъ религіи, но даже и способности къ ней. Все, что говоритъ *Каспари* о религіозности животныхъ, есть только результатъ необузданности его фантазіи ¹⁾.

¹⁾ *Даль* (Dahl, Nothwendigkeit der Religion, eine letzte Consequenz der darwinistischen Lehre. Heidelberg 1886. стр. 100) также называетъ религію импѣриѣ—способность къ ней—инстинктомъ, который однако-же свойственъ

Когда *Каспари* говорить о привязанности, благодарности и любви, какъ объ основныхъ началахъ религіозности, то этимъ онъ показываетъ, что сущность религіи овъ полагаетъ въ нравственномъ поведеніи человѣка, т. е., религію онъ смѣшиваетъ съ нравственностію. Такое невѣрное пониманіе религіи встрѣчается уже у родоначальниковъ европейскаго матеріализма—*Гоббеса*, затѣмъ у англійскихъ деистовъ, французскихъ энциклопедистовъ и германскихъ раціоналистовъ. Но особенно усиленно защищалъ такое пониманіе религіи извѣстный представитель критической философіи XIX-го вѣка *Эм. Кантъ*. Такимъ образомъ и здѣсь мы должны отмѣнить отсутствіе у *Каспари* самостоятельности и оригинальности. Что же касается невѣрности и односторонности этого пониманія, то объ этомъ мы будемъ говорить подробно, когда будемъ излагать ученіе о религіи и ея сущности, предложенное самимъ *Кантомъ*.

Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о тѣхъ странныхъ нелѣпостяхъ, которыя поражаютъ читателя серьезнаго, по-видимому, труда *Каспари*.

Такъ,—*Каспари* утверждаетъ, что первобытный человѣкъ, воздавая долгое время (во весь каменный періодъ, т. е., отъ начала своего существованія и до періода изобрѣтенія огня) религіозное поклоненіе своимъ родоначальникамъ, патріархамъ, героямъ и царямъ, совершенно не обращалъ никакого вниманія ни на небо, ни на солнце, ни на грозу, ни на бури, потому что въ то время онъ еще не занимался земледѣліемъ. Ну, что за нелѣпость? Можетъ ли кто либо повѣрить, чтобы у людей были уже цари и чтобы они вели уже государственную жизнь или, какъ выражается самъ *Каспари*, „жили государственно“ (*Staatlich*)—и никогда не обращали вниманія на то прекрасное явленіе, которое мы наблюдаемъ при восходѣ или заходѣ солнца, не чувствовали солнечныхъ лучей, не дрожали при раскатахъ грома, не приходили въ восторгъ отъ звѣзднаго неба и т. п.? Дитя маленькое, двухъ лѣтъ отъ роду,

только одному человѣку. Подъ истинятомъ здѣсь разумѣтся, очевидно, не то что обыкновенно принято разумѣть подъ этимъ словомъ, но присущая самой духовной природѣ человѣка способность стремиться къ соединенію съ Существомъ все-совершеннымъ и абсолютнымъ. Ясно, что на этотъ разъ съ *Далемъ* можно спорить только о словахъ, а не о самомъ понятіи.

протягиваетъ къ лунѣ свои ручки и хочетъ схватить ее; звѣзды на небѣ въ лѣтній вечеръ приводятъ его въ восторгъ, такъ что оно начинаетъ надоѣдать взрослымъ своимъ удивленіемъ и распросами; а люди—даже все человѣчество—въ теченіе тысячелѣтій не подняли ни одного раза своихъ очей къ небу и не устремили своего взора въ его неизмѣримую даль только потому, что въ то время они еще не занимались земледѣліемъ! Да и правда ли тому, чтобы люди, имѣвшіе уже своихъ героевъ, своихъ царей, обратившіе ихъ даже въ предметъ своего религіознаго почитанія, не занимались земледѣліемъ? Кто можетъ повѣрить этому?

Въ подтвержденіе своей мысли, что первоначальною формою религіи было почитаніе героевъ и царей, *Каспари*, какъ мы видѣли, указываетъ намъ на одну маленькую пятилѣтнюю *русскую* дѣвочку, которая съ полною увѣренностію называла Богомъ „прусскаго короля“. При этомъ *Каспари* замѣчаетъ, что родители ея не были людьми религіозными и не могли внушить ей никакого понятія о Богѣ. Охотно вѣримъ, что *русскіе* родители, проживавшіе за-границею, если только они принадлежали къ русской интеллигенціи *особаго рода*, не могли внушить своему дитяти какого бы ни было понятія о Богѣ. Тѣмъ не менѣе высказанное дѣвочкою представленіе о Богѣ, какъ о царѣ, на этомъ основаніи еще нельзя признать первоначальною формою религіознаго сознанія. *Каспари* слѣдовало бы повнимательнѣе осмотрѣть дѣтскую этого семейства: не было ли тамъ близъ ребенка какой-либо русской благочестивой женщины—въ родѣ няни или горничной, которая, помимо, а быть можетъ, и противъ воли злосчастныхъ родителей, сѣяла въ сердце русскаго ребенка первыя сѣмена вѣры въ Бога и преданности Помазаннику Божію? Въ русскихъ интеллигентныхъ семьяхъ это бываетъ... Тѣмъ не менѣе приведеннаго примѣра еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы утверждать, что первоначальною формою религіознаго сознанія всего человѣчества было именно почитаніе родоначальниковъ, патріарховъ, героевъ и царей.

Нельзя не признать слишкомъ фантастичнымъ и легкомысленнымъ увѣреніе *Каспари*, будто бы дикари долгое время, т. е., опять-таки въ теченіе всего каменнаго періода, не имѣли

никакого представленія ни о рожденіи, ни о смерти, совершенно не отличали мертвыхъ отъ спящихъ и, почитая мертвецовъ лишь пребывающими въ покоѣ, продолжали воздавать имъ религіозное поклоненіе. Какъ можно повѣрить этому? Что люди издавна находили *сходство* между сномъ и смертію, — это вѣрно, но и это сходство или подобіе было вызвано только присущею человѣку вѣрою въ его загробное существованіе. Подъ вліяніемъ этой вѣры, при омраченіи самаго представленія о характерѣ загробной жизни, люди живые и ставили въ могилу рядомъ съ мертвецомъ пищу, питье, даже лошадь, воинскіе доспѣхи и жену, думая, что всѣ эти предметы потребуются погребенному въ загробномъ существованіи. Усматривать же въ этомъ обычѣ начало религіозной жертвы, какъ это дѣлаетъ *Каспарі*, мы не имѣемъ совершенно никакого основанія. Еще менѣе разумно думать, что дикари допускали *тождество* между спящимъ и умершимъ и не полагали никакого различія между сномъ и смертію. Засыпаетъ человѣкъ тихо; умираетъ, большею частію, въ страшныхъ конвульсіяхъ и судорогахъ; спящій продолжаетъ дышать, иногда двигаетъ руками и ногами, переворачивается всѣмъ тѣломъ; мертвый остается бездыханнымъ и неподвижнымъ; тѣло спящаго не представляетъ никакой перемѣны въ своемъ составѣ; тѣло мертваго начинаетъ скоро разлагаться и затѣмъ совершенно истлѣваетъ; во время тлѣнія оно издаетъ невыносимое зловоніе; оставшійся отъ мертваго скелетъ только для человѣка абстрактно мыслящаго сохраняетъ нѣкоторое сходство съ живымъ человѣкомъ. Неужели этихъ чисто эмпирическихъ признаковъ еще недостаточно для того, чтобы въ теченіе тысячелѣтій дикари научались различать спящаго человѣка отъ мертваго? Или во весь каменный вѣкъ у дикарей мертвецы оставались нетлѣнными? Или люди умирали тогда безъ конвульсій и судорогъ? Эволюціонисты для уясненія явленій въ жизни человѣка любятъ обращаться къ жизни животныхъ; самую религію *Каспарі* хочетъ вывести изъ инстинкта животныхъ. Хорошо было бы, если бы онъ обратился къ жизни животныхъ именно въ настоящемъ случаѣ. Животныя дали бы ему урокъ весьма поучительный! Каждому извѣстно, съ какимъ ужасомъ различныя животныя относятся къ трупамъ

подобныхъ себѣ; обнюхавъ ихъ сначала, они потомъ быстро отскакиваютъ отъ нихъ и затѣмъ уже болѣе не приближаются къ нимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, относятся къ трупамъ своей породы собаки, лошади, овцы и весь рогатый скотъ. Ясно, что животныя умѣютъ различать мертвыхъ отъ живыхъ и спящихъ, къ которымъ они не питаютъ никакого ужаса. А если такъ, то можно ли повѣрить, чтобы люди, которые, по взгляду эволюціониствъ, хотя и произошли отъ животныхъ, но всетаки превосходятъ ихъ своими именно интеллектуальными силами, въ теченіе цѣлаго каменнаго вѣка не имѣли никакого понятія о смерти и не могли отличить спящаго человѣка отъ мертваго? Подобныя сказки не всегда безопасно рассказывать даже и дѣтямъ...

Религіозное почитаніе животныхъ, по объясненію *Каспари*, произошло будто бы отъ того, что хищные звѣри пожирали трупы боготворимыхъ людей, чрезъ что, по мнѣнію дикарей, они воспринимали въ себя и особенныя сверхъестественныя силы сѣданныхъ людей. Этими же соображеніями *Каспари* старается объяснить также и происхожденіе каннибализма и людоедства. Это разсужденіе *Каспари*, быть можетъ, и остроумно, но только въ высшей степени неправдоподобно. Пусть дикари стали боготворить хищныхъ животныхъ именно за то, что они поѣдали трупы боготворимыхъ людей; но по тому же самому побужденію, если вѣрить *Каспари*, появилось у дикарей и людоедство. Отчего же никто нигдѣ и никогда не оказывалъ религіознаго почитанія людоедамъ? На этотъ вопросъ у *Каспари* нѣтъ отвѣта; онъ его, очевидно, не предусмотрѣлъ. Но вотъ и другое недоумѣніе. Тигръ могъ пожирать трупы боготворимыхъ людей и за это его самого стали, быть можетъ, боготворить какіе либо дикари; но какіе трупы боготворимыхъ людей могъ ѣсть *тсленокъ*, котораго боготворили египтяне подъ именемъ Сераписа и котораго нѣкогда хотѣли боготворить евреи во время своего странствованія по аравійской пустынѣ?

Предположеніе *Каспари*, что именно хромыя и параличныя калѣки изобрѣли огонь, трудно повѣрить; исторія намъ ничего не говоритъ объ этомъ. *Каспари*, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду греческую мифологію и въ частности хромого кузнеца Гефеста; но въ той же самой мифологіи говорится о Прометѣѣ, который, первый изъ людей, похитилъ съ неба огонь

и за это былъ жестоко наказанъ; Прометей однако же хромымъ не былъ и каменотеснымъ ремесломъ не занимался..

Что понятіе о душѣ дикари составили себѣ только по изобрѣтеніи огня и самую душу представляли себѣ въ видѣ пылающаго огня или дыма, и что отсюда въ послѣдствіи развилось представленіе о душѣ, духахъ и Богѣ (изъ *блага* дыма въ облакахъ),—это предположеніе *Каспари* высказываетъ совершенно голословно и ничѣмъ его не доказываетъ. Въ преданіяхъ же дикихъ народовъ, напр., у негровъ, обитающихъ на Золотомъ Берегу Африки, у бразильцевъ, даже у кафровъ душа всегда представляется подъ образомъ вѣтра, дыханія, пара. Но такое представленіе о душѣ челоуѣка не можетъ служить подтвержденіемъ для мнѣнія *Каспари*.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ предположеніемъ *Каспари*, по которому фетишизмъ въ смыслѣ боготворенія неодушевленныхъ чувственныхъ предметомъ явился только въ періодъ жизни рода челоуѣческаго, начавшійся изобрѣтеніемъ огня, и уже послѣ того какъ дикари давнымъ-давно боготворили своихъ родоначальниковъ, патріарховъ, героевъ, царей и хищныхъ животныхъ. *Каспари* ссылается на то, что теперь дикари должны были признать источникомъ огня дерево и камень. Но это основаніе можетъ говорить и противъ приведеннаго мнѣнія. Дикари не могли теперь не замѣтить, что тотъ же самый огонь, который чрезъ треніе получался изъ дерева, и совершенно уничтожалъ дерево, сожигалъ его, и тѣмъ обнаруживалъ его ничтожество. Въ слѣдствіе этого правдоподобнѣе было бы думать, что изобрѣтеніе огня содѣйствовало скорѣе паденію фетишизма, чѣмъ возникновенію его.

Но самымъ существеннымъ недостаткомъ гипотезы *Каспари* несомнѣнно нужно признать то, что онъ хочетъ разрѣшить вопросъ о происхожденіи религіи въ родѣ челоуѣческомъ безъ присущей челоуѣку идеи Божества. Какъ бы грубы ни были формы религіознаго сознанія дикарей даже доисторическаго времени,—онѣ все таки были формами *религіозными*: и героямъ, и звѣрямъ и фетишамъ, и челоуѣческимъ трупамъ, и шаманамъ, и небеснымъ свѣтиламъ, и птицамъ дикари, по словамъ самаго *Каспари*, оказывали религіозное почитаніе, т. е., почитали ихъ божествами, съ которыми они по ихъ

вѣрованію, находились въ извѣстномъ отношеніи или союзѣ. Исторія и современные намъ путешественники знаютъ дикарей, поклоняющихся фетишамъ; но этимъ грубымъ предметамъ они потому и воздаютъ божеское поклоненіе, что относятъ къ нимъ присущую духовной природѣ человѣка идею Божества. Задача *Каспари* состояла не въ томъ, чтобы показать, какъ одна форма религіи смѣняла другую, а въ томъ, чтобы объяснить появленіе въ сознаніи человѣка идеи Божества, которая для своего объектированія и вызывала различныя формы. Но этой-то задачи *Каспари* не только не разрѣшилъ, но даже совсѣмъ и не затрогивалъ. Правда, онъ вскользь замѣтилъ, что предметомъ религіи должно быть признано *возвышенное* (das Erhabene). Но что это такое „возвышенное“? Путемъ опыта первобытные дикари, не обращавшіе вниманія даже на небо и ничего не видѣвшіе кромѣ пней и камней, не могли приобрѣсти объ немъ понятія; ясно, что, по мнѣнію самаго *Каспари*, идея его *прирождена* человѣку. И если мы внимательно присмотримся къ тому, что говоритъ *Каспари* объ этомъ „возвышенномъ“, то мы въ немъ найдемъ только идею Божества. Его любятъ и Его боятся (сущность религіи, по *Каспари*, составляетъ „страхъ въ любви“); слѣдовательно, оно есть не только существо возвышенное, но и личное, которое, по своей волѣ, можетъ оказывать человѣку милость, но можетъ подвергать его и бѣдствіямъ; далѣе оно обладаетъ сверхъестественными силами, которымъ противиться физически человѣкъ не можетъ; ясно, что оно существо всемогущес. Такимъ образомъ то, что *Каспари* называетъ только „возвышеннымъ“ и что, по его ученію, есть единственный предметъ религіи, есть не что иное, какъ Богъ. А если такъ, то напрасно *Каспари* такъ много потратилъ труда въ надеждѣ скрыть отъ своихъ читателей истиннаго Виновника и дѣйствительный предметъ религіозныхъ влеченій человѣка. Истина просвѣчиваетъ даже и изъ-за густого мрака лжи: безъ вѣры въ личнаго живаго Бога необъяснимъ и самый фактъ существованія религіи въ родѣ человѣческомъ.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ.*

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ.

ХЛѢБЪ ЖИЗНИ—ХРИСТОСЪ.

(Великій кризисъ въ народномъ настроеніи. Последнія рѣчи въ Капернаумской синагогѣ. Христосъ есть хлѣбъ жизни. „Не хотите ли п вы отойти?“.

(І о а н н. VІ. 22—71) ¹⁾.

Повѣствователь теперь возвращается къ лицамъ, которыя въ предыдущій вечеръ, послѣ чудеснаго насыщенія, были отпущены въ свои дома. Припомнимъ, что это было послѣ неудачной попытки съ ихъ стороны взять Іисуса Христа сплюю и объявить Его своимъ царемъ—Мессіею. Мы можемъ понять, какъ, вслѣдствіе непритворнаго сопротивленія Іисуса Христа ихъ намѣренію, не только ослабилось, но и въ значительной степени нейтрализовалось дѣйствіе чуда, котораго они были свидѣтелями. Въ дѣйствительности мы усматриваемъ въ этомъ сопротивленіи первый обратный толчекъ къ отливу народнаго энтузіазма. Мы должны имѣть въ виду, что эти люди связывали съ идеей о Мессіи, о которомъ они мечтали, представленія и ожиданія, отличавшіяся вообще внѣшнимъ характеромъ. Въ концѣ концовъ чудомъ гораздо болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ даже ниспосланіе манны въ пустынь, энтузіазмъ былъ доведенъ до крайней степени,—тысячи рѣшились оставить свое путешествіе на праздникъ пасхи и тогда же и тамъ объявить Галилейскаго Учителя Царемъ

¹⁾ При чтеніи этой главы просимъ въ особенности имѣть предъ собою текстъ священнаго писанія.

Израильскимъ. Если Онъ Мессія, то долженъ по всей справедливости быть и царемъ. Почему Онъ такъ сильно и непритворно сопротивляется принятію царскаго достоинства? Не зная объ Его дѣйствительныхъ намѣреніяхъ относительно царства, они могли естественно заключить, что Онъ отказался отъ него изъ боязни, вслѣдствіе предчувствія опасности, по недостатку довѣрія къ самому Себѣ. По крайней мѣрѣ не могъ быть Мессіей тотъ, кто не хотѣлъ быть израильскимъ царемъ. Такого рода энтузіазмъ, однажды прекратившись, никогда не могъ вспыхнуть вновь. Отсюда возникли продолжительныя недоразумѣнія, сомнѣнія; число прежнихъ послѣдователей убавлялось; все это перешло въ оппозицію и смертельную ненависть. Даже для людей, которые не становились на такую точку зрѣнія, Иисусъ Христосъ, Его слова и дѣла начали быть съ этихъ поръ постоянной загадкой ¹⁾. И такъ было, когда утромъ послѣ чудснаго насыщенія огромное большинство насыщенныхъ или прибыли въ свои дома, или отправились въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи. Только сравнительно немногіе возвратились, ища Его тамъ, гдѣ ѣли хлѣбъ, полученный отъ Него. Но даже и для нихъ, какъ показываетъ послѣдующій разговоръ, Спаситель былъ загадкой. Они не могли не вѣрить, и однако не могли и вѣрить. И они просили „знаменія“ для руководства и разумѣнія. Впрочемъ изъ среды ихъ тамъ произошло благодатное избраніе и всѣ, которыхъ далъ Ему Отецъ, могли придти къ Нему; тѣ, которые приходили по вѣрѣ, добровольно и съ убѣжденіемъ и рѣшимостію, не бывали ни въ какомъ случаѣ отвергаемы Имъ.

Только при такомъ взглядѣ на умственное и нравственное состояніе лицъ, которыя утромъ, послѣ насыщенія, пришли искать Иисуса Христа, объясняются вопросы и отвѣты во время свиданія въ Капернаумѣ. Мы читаемъ: „на другой день народъ, стоявшій по ту сторону (восточную) моря“, „увидѣлъ, что тутъ нѣтъ ни Иисуса, ни учениковъ Его“ (ст. 22, 24). Но народу были извѣстны два факта. Онъ зналъ, что въ предыдущій вечеръ приплыла только одна лодка, на которой на-

¹⁾ Намъ вевольно припоминается здѣсь судьба пророка Ілія послѣ чуда на Кармилѣ. Но какъ различно было поведеніе Христа отъ поведенія этого пророка!

ходились Иисусъ и ученики Его; и что Иисусъ не вернулся на ней съ Своими учениками. Потому что народъ видѣлъ, какъ послѣдніе отплыли; Иисусъ же остался, чтобы отпустить его. При такихъ обстоятельствахъ онъ вѣроятно подумалъ, что Христосъ возвратился пѣшкомъ по странѣ, конечно народъ не зналъ о чудѣ, совершившемся ночью. Но противный вѣтеръ, воспрепятствовавшій плаванію учениковъ, пригналъ къ восточному берегу много и другихъ рыбацкихъ лодокъ изъ Тиверіады (и это составляетъ одно изъ ненамѣренныхъ подтвержденій подлинности разсказа). Люди, бывшіе близъ Виесанды, наняли ихъ и приплыли въ Капернаумъ, ища Иисуса Христа. Вышли ли они въ эту пятницу встрѣтить Его на Его пути изъ Геннисарета (что представляется вѣроятнымъ на основаніи словъ ев. Іоанна VI. 25), или ожидали Его прибытія въ Капернаумъ,—это маловажно. Подобнымъ же образомъ трудно опредѣлить, когда велся разговоръ и были ли произнесены разныя рѣчи Христа въ одинъ и тотъ же день, или же по частямъ, въ нѣсколько разъ: въ пятницу ли это было послѣ полудня и въ субботу утромъ, или же только въ субботу. Все, что мы знаемъ достовѣрнаго, заключается въ томъ, что (по крайней мѣрѣ) (Іоанн. VI. 53—58) *послѣднюю* часть Своей рѣчи Онъ произнесъ „въ синагогѣ, уча въ Капернаумѣ“ (ст. 59). Справедливо замѣчали, что „существуютъ очевидные пропуски послѣ стиха 40 и 51“¹⁾. Вѣроятная послѣдовательность событій такова. То, о чемъ передаетъ здѣсь ев. Іоаннъ (VI. 25—65), частію совершилось, когда лица, прибывшія съ той стороны озера, впервые встрѣтили Иисуса Христа (ст. 25—36); частію—на пути и при вступленіи Его въ синагогу (ст. 41—52); часть изображается въ томъ, о чемъ Онъ говорилъ въ Своей рѣчи (ст. 52—58) и—затѣмъ послѣ отлаженія Его прежнихъ учениковъ (ст. 61—65). Но мы можемъ только предположить подобный распорядокъ, потому что могло быть совершенно согласно съ іудейскою практикой, если большая часть событій имѣла мѣсто въ самой синагогѣ, а іудейскіе вопросы и возраженія представляли изъ

¹⁾ *Vestcott, ad loc.*

себя или иррегулярные бѣглые комментаріи на Его слова или произносились во время перерывовъ или при заключеніи Его ученія.

Было необходимо прежде всего, чтобы то, что говорилъ Христосъ, соответствовало понятіямъ и взглядамъ Его слушателей: чтобы Онъ ссылался на то, что они звали или могли понимать. Это нужно имѣть въ виду даже и тогда, когда мы допустимъ, что евангелистъ писалъ свое евангеліе при свѣтѣ позднѣйшаго и болѣе полнаго знанія и ради наученія христіанской Церкви, и что, въ сравненіи съ первоначальной рѣчью, въ рѣчи евангелиста могли быть перерывы и опущенія, которые, отсутствуя въ первоначальной рѣчи, могли дѣлать ее болѣе легкою для пониманія іудея. Съ другой стороны, мы должны имѣть въ виду и всѣ обстоятельства разсматриваемаго случая. Разсматриваемая рѣчь была произнесена въ городѣ, гдѣ совершенно было Христомъ такое множество великихъ чудесъ и который былъ центромъ Его ученія, и въ синагогѣ, выстроенной добрымъ сотникомъ, гдѣ главнымъ управителемъ былъ Іаиръ. Въ этихъ обстоятельствахъ мы имѣемъ внѣшнія и внутреннія условія даже для наиболѣе возвышеннаго ученія Христа. Далѣе, рѣчь Его была сказана при двоякаго рода нравственныхъ условіяхъ, къ которымъ, какъ мы и можемъ ожидать, она и была приурочена. Потому что, во первыхъ, она была произнесена послѣ чудеснаго насыщенія, воспламенившаго народный энтузіазмъ до крайней степени, а также послѣ холоднаго разочарованія слушателей Христа въ іудейскихъ надеждахъ и при крайнемъ сопротивленіи Христа объявленію Его Мессіей. Они теперь пришли, „ища Іисуса“, во всѣхъ смыслахъ этого слова. Они не знали, что дѣлать съ своими, для нихъ противорѣчивыми и непримиримыми, фактами; они пришли потому, что ѣли хлѣбы, не видя въ нихъ „знаменій“ (ст. 26). Поэтому то они и пришли за такимъ „знаменіемъ“, которое было бы имъ понятно, и за такимъ ученіемъ для объясненія его, которое они могли бы уразумѣть. Внѣшнимъ образомъ, при помощи того, что случилось,—они были приготовлены къ самому высочайшему ученію, къ которому приводили ихъ предшествующія событія, и потому они должны

были получить его. Но они не были приготовлены къ нему внутренно и потому не могли понимать его. Во вторыхъ и въ связи съ этимъ ученіемъ мы должны припомнить, что народомъ были достигнуты два высшихъ пункта, именно, что Иисусъ былъ Мессія—царь; а бывшими въ лодкѣ было признано, что Онъ Сынъ Божій. Какъ бы несовершенно ни были усвоены эти истины, ученіе Христа, если оно было прогрессивнымъ, должно было исходить изъ этихъ пунктовъ, и затѣмъ указывать на то, что было впереди и вверху. Если мы допустимъ это, то не обманемся. Если же на ряду со всѣмъ сказаннымъ мы встрѣтимъ еще и намеки на особенные іудейскіе мысли и взгляды, то это не только подтвердитъ евангельскій рассказъ, но и дастъ добавочное доказательство іудейскаго происхожденія четвертаго евангелія.

1. Вопросъ: (Іоанн. VI. 25—29) „Равви! когда Ты сюда пришелъ?“ которымъ прибывшіе съ восточнаго берега привѣтствовали Иисуса Христа, кажется, подразумеваетъ, что они затруднялись объяснить Его возвращеніе на западный берегъ; до нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ быть, дошелъ и неопредѣленный слухъ о совершившемся ночью чудѣ. Это и было началомъ той болѣзненной жажды чудеснаго, которую Господь такъ рѣзко порицалъ. По Его собственнымъ словамъ: они искали Его не потому, что „видѣли чудеса“, но потому, что „ѣли хлѣбъ“, и при своей грубой любви къ чудесному, „насытились“¹⁾. Они руководились не пониманіемъ высшаго смысла чуда или знаніемъ о Сынѣ Божіемъ, а тѣми плотскими іудейскими ожиданіями, которыя заставили ихъ объявить Его царемъ. Они ожидали царства Божія не въ правдѣ, радости и мирѣ во Святомъ Духѣ, а въ пищѣ и питьѣ,—царства съ чудесными пирами въ пустынѣ для Израиля и грубо чудесными же пораженіями язычниковъ. Не говоря о баснословномъ мессіанскомъ пирѣ, котораго ожидали люди, впавшіе въ чувственный реализмъ, или о подвигахъ, о которыхъ они мечтали, каждый

¹⁾ Епископъ *Весткоттъ* отмѣчаетъ здѣсь намѣренный реализмъ въ выборѣ словъ: „буквально, говорить ояъ: были насыщены пищею, какъ животныя кормомъ“,—ἐχορτάσθητε.

образъ, въ которомъ пророки облакали величіе мессіанскихъ дней, былъ сначала обуквализованъ и затѣмъ преувеличенъ, пока наиболѣе славныя пророческія изображенія не сдѣлались отератительно неприличными карриатурами духовной мессіанской надежды. Плодовые деревья должны были каждый день, или по крайней мѣрѣ каждую недѣлю, или въ каждыя двѣ недѣли, давать богатый сборъ, а поля—жатву (Шабб. 30 *b*; Іер. Шекал. 50 *a*); хлѣбъ будетъ подобенъ пальмовымъ деревьямъ и его будутъ жать и вѣять безъ труда (Кетуб. 111 *b*). Подобные же сборы будутъ и съ винограда; обыкновенныя деревья сдѣлаются похожи на плодовые и каждое растеніе, свойственное всякому климату, можно будетъ найти въ Палестинѣ въ такомъ изобиліи и роскоши, какое можетъ представить себѣ только необузданное воображеніе.

Таковы были плотскія мысли о Мессіи и объ Его царствѣ у лицъ, искавшихъ Іисуса потому, что „ѣли хлѣбъ и насытились“. Какой контрастъ былъ между ними и Христомъ, когда Онъ указалъ имъ, что вмѣсто того, чтобы искать *такого* хлѣба, они должны заботиться не о „пищѣ тлѣнной“, а о той, „которую“ Онъ „дастъ“ имъ не только какъ Мессія, но какъ „Сынъ Человѣческій“. И однако, высказывая такую странную истину, Іисусъ сослался на нѣчто извѣстное имъ, когда прибавилъ: „ибо на Немъ положилъ печать Свою Отецъ, Богъ“. Эти слова, которыя кажутся почти необъяснимыми въ указанной связи, дѣлаются ясными, когда мы вспомнимъ, что это было хорошо извѣстное іудейское выраженіе. По словамъ раввиновъ „печать Бога была истина (ЭМЕТ)“; три буквы, изъ которыхъ составлено это слово по еврейски, были, какъ знаменательно указывается, первою, среднею и послѣднею буквами еврейскаго алфавита (Scr. Sans. 18 *a*; Бер. Р. 81). Такимъ образомъ слова Христа могли дать понять Его слушателямъ, что они должны идти къ Нему за дѣйствительною пищей, которая будетъ продолжаться въ жизнь вѣчную, идти на лучшей мессіанскій пиръ, потому что Богъ положилъ на Немъ Свою собственную печать истины и такимъ образомъ сдѣлалъ подлинными Его ученіе и миссію.

Мимоходомъ замѣтимъ, что это—іудейскій намекъ, который

могъ быть сдѣланъ только іудейскимъ писателемъ (не ефесское евангеліе). Но онъ ни въ какомъ случаѣ не представляется единственнымъ. Когда слушатели Христа спрашиваютъ Его, что же они должны дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи? то почти кажется, будто они прикладываютъ руку свою къ тому, что запечатано этой божественною печатью. Тутъ проливается внезапный лучъ свѣта. Однако странное отраженіе получаетъ этотъ лучъ, когда они связываютъ дѣла Божіи съ своимъ собственнымъ дѣланіемъ. И Христось, какъ и прежде, такъ и теперь, направилъ ихъ, только еще съ большею ясностію, къ Себѣ. Они должны дѣлать не дѣла Божіи, а вѣрить въ того, кого Богъ послалъ. Ихъ двойная ошибка состояла въ томъ, что они воображали, будто они могутъ дѣлать дѣла Божіи, дѣлая свое собственное дѣло. Съ другой стороны, Христось могъ научить ихъ, что эти дѣла Божіи не находились въ зависимости отъ человѣка, и что ихъ можно было совершать чрезъ вѣру человѣка въ посланничество Христа.

2. Кажется, что послѣдовавшее (Іоанн. VI. 30—36) имѣло мѣсто въ какое нибудь другое время, можетъ быть на пути въ синагогу. Замѣчательно, что среди развалинъ капернаумской синагоги найдена притолока и на ней въ видѣ девиза—сосудъ съ манною, украшенный виноградными листьями и гроздами ¹⁾. Слѣдовательно, въ Капернаумѣ имѣлись внѣшнія эмблемы, которыя могли имѣть связь съ ученіемъ Господа въ тотъ день. Чудесное насыщеніе народа въ предыдущій вечеръ „въ пустынномъ мѣстѣ“, и мессіанскія надежды, которыя сгруппировались около Его личности, могли внушить естественно слушателямъ Христа мысль о маннѣ. Они ожидали, что Мессія низведетъ опять эту манну, которая была ангельскою пищею, очищенною (какъ они воображали) высшимъ свѣтомъ, была „росою свыше“ (Йома 75 *b*), чудесною пищею, имѣвшею всевозможные вкусы и пригодною для каждаго возраста, которая соотвѣтствовала желанію или положенію того, кто вкушалъ ее (Шем. Р. 25), но—была горькою для язычниковъ. Потому что все, что сдѣлалъ первый освободитель,

¹⁾ Ср. „Sketches of Jewish Social Life“, pp. 256, 257.

Моисей, сдѣлаетъ и второй, Мессія (Мидр. на Еккл. I. 9). А тутъ, надъ ихъ синагогой, былъ сосудъ съ манною, символъ того, что сдѣлалъ Богъ, и предъизображеніе того, что могъ сдѣлать Мессія: тотъ сосудъ съ манною, который былъ теперь скрытъ вмѣстѣ съ другими вещами, но который Ілія, когда придетъ, вынетъ опять.

Здѣсь, слѣдовательно, было дѣйствительное знаменіе. По взгляду народа, вчерашнія событія должны были привести къ такому именно знаменію, если они имѣли дѣйствительный смыслъ. Господь сказалъ народу, что онъ долженъ вѣрить въ Него, какъ въ лицо, запечатлѣнное Богомъ печатью истины, которое дастъ ему хлѣбъ для вѣчной жизни. Какимъ знаменіемъ Христосъ докажетъ Свое утвержденіе, чтобы они увидѣли и увѣровали? Какое дѣло Онъ сдѣлаетъ, чтобы подтвердить Свое достоинство? Ихъ отцы ѣли манну въ пустынѣ. Чтобы понимать разсужденіе іудеевъ, подразумѣваемое, но не вполне выраженное, равно какъ и отвѣтъ Іисуса Христа, необходимо имѣть въ виду (что составляетъ опять доказательство принадлежности четвертаго евангелія іудейскому писателю), что по обычному и издавна высказывавшемуся мнѣнію, Богъ, хотя и далъ евреямъ этотъ хлѣбъ съ неба, однако далъ его по заслугамъ Моисея и пересталъ давать его только со времени его смерти (Таргумъ Псевдоіонаана на Втор. XXXIV. 8; Таан. 9 а). Это вѣроятно іудеи и имѣли въ виду, когда спрашивали: „что Ты дѣлаешь?“ И въ этомъ же заключался смыслъ какъ бы подчеркнутаго утвержденія Христа, что не Моисей далъ Израилю такой хлѣбъ. Затѣмъ, при помощи разсужденія, которое, при всемъ уваженіи къ нему, мы все-таки можемъ назвать особенно іудейскимъ по его конструкціи,—такимъ именно, оцѣнить которое вполне могутъ только люди, знакомые съ іудейской литературой (и котораго ни одинъ рассказчикъ изъ не-іудеевъ не вставилъ бы въ свое евангеліе) Спаситель дѣлаетъ совершенно иное, но для Его слушателей совершенно понятное, приложеніе идеи о маннѣ. Не Моисей далъ имъ ее,—его заслуги не были причиною ниспосланія манны,—но Его Отецъ далъ имъ истинный хлѣбъ съ неба. „Ибо“,

объяснилъ Иисусъ Христосъ, „хлѣбъ Божій есть тотъ ¹⁾, который сходитъ съ небесъ и даетъ жизнь міру“. Далѣе, въ этомъ самомъ раввинскомъ преданіи, которое изображаетъ въ такихъ пламенныхъ выраженіяхъ чудеса ниспославія манны, также давалось дальнѣйшее объясненіе ея иного и реальнаго смысла. Именно, раввины утверждали, что слова Премудрости: „идите, ѣшьте хлѣбъ мой и пейте вино, мною, растворенное“ (Притч. IX. 5) означили, что манна и чудесное ниспосланіе воды были слѣдствіемъ принятія Израилемъ закона и заповѣдей (Шем. Р. 25), ибо истиннымъ хлѣбомъ небеснымъ былъ законъ (Ср. Хашт. 14 а) ²⁾.

Такая ссылка была понятна іудеямъ и они могли на нее отвѣтить. Однако ихъ настроеніе было кратковременно. Когда Иисусъ Христосъ, въ отвѣтъ на ихъ просьбу подавать имъ вѣчно такой хлѣбъ, еще разъ указалъ имъ на Себя и перешелъ отъ людскихъ дѣлъ къ дѣламъ Божиимъ и вѣрѣ, мимолетный лучъ духовной надежды уже исчезъ, ибо слушатели Его видѣли Его и не вѣровали.

Сказавъ эти слова, въ которыхъ слышались скорбь и осужденіе, Спаситель отвернулся отъ людей, Его спрашивавшихъ. Торжественныя рѣчи, которыя слѣдовали затѣмъ (Іоанн. VI, 37—40), не могли быть уже произнесены предъ толпой и не могли быть поняты ею. И потому мы находимъ, что когда опять начинается рѣчь о разговорѣ іудеевъ (ст. 41), повѣствователь снова беретъ за нить, которая была оборвана, когда Иисусъ заговорилъ о Себѣ, какъ о хлѣбѣ, спедшемъ съ неба. Если бы іудеи слышали то, что, по нашему мнѣнію, сказано было Христомъ однимъ ученикамъ, то начали бы выставять противъ Него кое-какія большія возраженія, а не говорили бы только вопрекъ Его утвержденію о томъ, что Онъ есть хлѣбъ, спедшій съ неба ³⁾.

¹⁾ Ст. 33 слѣдуетъ читать не какъ въ авторизованной персін: „He Which cometh down from heaven“ (сходитъ съ небесъ—рѣчь не о хлѣбѣ, а о Самомъ Христѣ). Измѣненіе смысла очень важно было въ аргументаціи, обращенной къ іудеямъ. Одно они могли понять и допустить, а другое—нѣтъ.

²⁾ Въ Мидрашѣ Екклес. II. 24; III. 12; VIII. 15 говорится, что когда въ этой книгѣ идетъ рѣчь объ ѣдѣ и питьѣ, то всегда эти слова имѣютъ отношеніе къ закону и добрымъ дѣламъ.

³⁾ Приди къ такому заключенію, я нахожу, что *Весткоттъ* высказалъ такіе

3. Поэтому полагая, что эти слова Христа были сказаны ученикамъ, мы видимъ, что въ нихъ въ дѣйствительности не содержится ничего превышающаго ихъ пониманіе, хотя здѣсь и открывается дальній горизонтъ. Ученики были свидѣтелями воскресенія юноши въ Наинѣ, а здѣсь, въ Капернаумѣ, дочери Іаира. Кроме того, такъ какъ ученики вѣрили, что Іисусъ *былъ* Мессія, то имъ, какъ іудеямъ, не могла казаться ни странною, ни новою мысль,—если бы она и не принималась всѣми.—что Онъ при окончаніи міра воскреситъ благочестивыхъ умершихъ ¹⁾. Дѣйствительно, одно изъ именъ, данныхъ Мессіи, именно Иннонъ согласно съ словами Пс. LXXI, 17, (Санг. 98 *b*), нѣкоторыми выводилось изъ этого самаго ожиданія (Мидрашъ на Пс. XCIII, 1; Пирке равв. Емэри 32, ed. Lemberg стр. 39 *b*). Далѣе, Іисусъ Христосъ сказалъ, что не какой нибудь законъ, а Его Лицо было хлѣбомъ, спешшимъ съ неба и преподававшимъ жизнь не іудеямъ только, но и міру; и они увидѣли Его и не увѣровали. Тѣмъ не менѣе полное любви намѣреніе Божіе объ Его вѣрномъ народѣ исполнится и радостная дѣйствительность будетъ испытана всякимъ отдѣльнымъ человекомъ изъ этого народа: „все (цѣлое число, *כָּל* *וְ* *בְּ*), что даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ придетъ (дойдетъ до Меня) ²⁾; и проходящаго ко Мнѣ не изгнано вонъ“. Въ дальнѣйшихъ словахъ содержится только проведеніе во всѣхъ направленіяхъ и до полнѣйшихъ слѣдствій этого двойкаго основнаго принципа. Всѣ, данные Ему Богомъ, придутъ къ Нему, несмотря на всѣ препятствія, ибо цѣль Его пришествія заключалась въ томъ, чтобы исполнить волю Его Отца; и тѣ, которые пришли къ Нему, не будутъ изгнаны вонъ, ибо воля Пославшаго Его, которую Онъ пришелъ исполнить, состояла въ томъ, чтобы изъ того, что Онъ Ему „далъ, ничего не погубить, но все то воскреситъ въ послѣдній день“. Далѣе, все

же взгляды, я очень радуюсь, что мов слова подтверждаются столь великимъ авторитетомъ.

¹⁾ Но не однихъ умершихъ здѣсь и тамъ. Вообще см. „Жизнь и время Мессіи“ т. I, стр. 791, гдѣ обсуждается вопросъ касательно іудейскихъ вѣрованій, относящихся къ данному предмету.

²⁾ Такъ *Весткоттъ*; также *Годъ* ad loc.

или всё придуть къ Нему, потому что воля Пославшаго Его была, чтобы всякій (πᾶς), выдащій ¹⁾ Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную; и приходящіе къ Нему не будутъ изгнаны, потому что Его цѣлю и обѣтованіемъ, какъ Христа, въ отношеніи къ каждому человѣку было: „и Я воскресу его въ послѣдній день“ (Іоанн. VI. 39, 40).

Хотя всё эти удивительныя изреченія, въ своемъ полномъ смыслѣ, и освѣщали пространство, заходившее гораздо дальше тогдашняго горизонта Его учениковъ, и даже достигали до крайнихъ границъ позднѣйшаго откровенія и христіанскаго знанія, въ нихъ нѣтъ однако ничего, что могло бы показаться абсолютно страннымъ или непонятнымъ для лицъ, слушавшихъ ихъ. Имѣлась вѣра въ мессіанство Іисуса Христа и въ то, что Онъ посланъ Отцемъ. Данъ былъ опытъ того, что Онъ сдѣлалъ, и, можетъ быть до извѣстной степени, существовало іудейское ожиданіе того, что сдѣлаетъ Мессія въ послѣдній день. И все это направлялось или исправлялось знаніемъ объ Его дѣлѣ, сообщавшимся въ Его ученіи, и Его слова понятны и весьма подходили къ существовавшимъ обстоятельствамъ, даже если бы въ рѣчахъ Его и не сообщалось вполне того смысла, какой онѣ имѣютъ для насъ. Если можно употребить повидимому не вполне подходящую иллюстрацію,—слушатели Христа смотрѣли въ телескопъ на то, что еще не было приближено, и видѣли тѣ же самыя предметы, какъ и мы, хотя и въ уменьшенномъ видѣ и совсѣмъ иначе въ сравненіи съ нами. Рука времени постепенно приспособила для нашего созерцанія инструментъ, чрезъ который и они смотрѣли, и мы смотримъ,—мы, которое вѣруемъ, прпстально смотримъ теперь на Сына.

4. Слѣдующія слова (Іоанн. VI. 41—51) были опять сказаны „іудеямъ“,—могло случиться, когда они входили въ синагогу. Для духовно непросвѣщенныхъ могло представляться затрудненіе въ томъ, какимъ образомъ Христосъ могъ называть Себя хлѣбомъ, спедшимъ съ неба. Даже при наибольшемъ къ Нему снисхожденіи Его извѣстное родство и ранняя

¹⁾ Обращаемъ вниманіе на специальное значеніе слова ἔσθω, какъ оно объяснено нами выше.

исторія ¹⁾ жизни препятствовали какому либо подобному толкованію Его словъ. Но эта неспособность къ пониманію всегда вызываетъ высочайшее ученіе Христа. Мы отмѣчаемъ аналогичный фактъ и даже аналогичное ученіе въ случаѣ съ Никодимомъ (Іоанн. III. 3 etc) ²⁾. Только онъ не понималъ по невѣдѣнію; а они—вслѣдствіи упрямаго нежеланія согласиться съ фактомъ Его божественнаго явленія; поэтому Господь и говорилъ съ ними иначе, чѣмъ съ раввиномъ.

Замѣтимъ еще, что то, что говорилъ теперь Іисусъ Христосъ „іудеямъ“, было въ сущности одинаково съ тѣмъ, что Онъ только что высказалъ ученикамъ, хотя и имѣло разное примѣненіе. Это относится не только къ мессіанскому предсказанію о воскресеніи, но и къ тому, что сказано было Господомъ съ цѣлію осудить іудейскій ропотъ. Слова: „никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не привлечетъ Его Отецъ, пославшій Меня“, представляютъ только обратную сторону словъ, сказанныхъ ученикамъ: „все, что даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ придетъ; и приходящаго ко Мнѣ не изгоню вонъ“. Потому что совсѣмъ не будучи осужденіемъ еврейскаго невѣрія, эти слова могли бы быть извиненіемъ его, и именно совершенно несогласнымъ со всѣмъ Христовымъ ученіемъ, если бы неспособность придти ко Христу считалась чѣмъ нибудь инымъ, а не личнымъ и нравственнымъ дѣломъ, происходящимъ отъ невѣжества человѣка и его вражды къ духовнымъ истинамъ. Никто не можетъ придти ко Христу. Человѣческій умъ и сердце устроены такъ, что пришествіе ко Христу въ качествѣ ученика бываетъ не внѣшнею, а внутреннею, не физическою, а нравственною невозможностію,—если Отецъ „не привлечетъ его“. И это привлеченіе, далѣе, не въ смыслѣ какого либо принужденія, но въ смыслѣ личнаго нравственнаго, полнаго любви, вліянія и откровенія, на которыя послѣ ссылается

¹⁾ Объ этомъ не рассказывается въ четвертомъ евангеліи. Но намеки, подобные этимъ, встрѣчаются во всей ранней исторіи жизни Христа и показываютъ, что опущеніе болѣе важныхъ фактовъ въ жизни Спасителя не было слѣдствіемъ ни невѣдѣнія о нихъ со стороны писателя четвертаго евангелія, ни его желанія молчаніемъ выразить свое согласіе съ рассказами синоптиковъ.

²⁾ На это обратилъ особенное вниманіе *Весткоттъ*.

Христось, говоря: „и когда буду вознесенъ отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“ (Іоанн. XII. 32).

Высказывая такія возвышенныя, совершенно неіудейскія мысли, Спаситель не забылъ все-таки, что Онъ ихъ высказывалъ іудеямъ. Ссылка на ихъ собственныхъ пророковъ тѣмъ болѣе замѣчательна, что іудейское преданіе также прилагало два пророчества (Ис. LIV. 13; Іер. XXXI. 34) къ учепію, преподаваемому Богомъ въ мессіанскій вѣкъ (Исаіи LIV. 13 въ Бер. Р. 95 на Быт. XLVI. 28; Іерем. XXXI. 34 въ Ял-кутъ т. II. стр. 66 d). Но объясненіе способа и цѣли этого ученія было ново: „всякій, слышавшій отъ Отца и научившійся, приходитъ ко Мнѣ“. И это совершается не чрезъ внѣшнее и реалистическое прикосновеніе къ Богу, напр., какое, по ихъ мнѣнію, когда-то было доступно Моисею, или какого они сами для себя ожидали въ послѣдніе дни; только тотъ, „кто есть отъ Бога, видѣлъ Отца“. Но даже и это могло имѣть только общій смыслъ и не относиться исключительно ко Христу. Такимъ же могло казаться и положеніе: „вѣрующій ¹⁾ имѣетъ жизнь вѣчную“. Не таково окончательное приложеніе, въ которомъ предметъ получаетъ свое крайнее значеніе, и все, что могло казаться общимъ или таинственнымъ, выставляется наружу. Личность Христа была хлѣбомъ жизни. „Я есмь хлѣбъ жизни“ (ст. 48). Манна не была хлѣбомъ жизни, ибо тѣ, которые ѣли ее, умерли, ихъ трупы остались въ пустынѣ. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ этотъ истинный хлѣбъ небесный. Вкушать его значило имѣть вѣчную жизнь,—жизнь, которой не могутъ прекратить грѣхъ и смерть невѣдѣнія и осужденія, какъ это было съ тѣми, которые ѣли манну въ пустынѣ и умерли. Это былъ другой и лучшій хлѣбъ, который пришелъ съ неба во Христѣ, другая, лучшая и безсмертная жизнь, которая была связана съ нимъ: „хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя ²⁾.... за жизнь міра“.

5. Эти именно слова, столь глубоко важныя для насъ и указывающія на истинный смыслъ всего ученія Христа, и должны были показаться наиболѣе таинственными. Однако

¹⁾ Слова „въ Меня“ неподлинны.

²⁾ Слова: „которую Я отдамъ“ неподлинны.

слушатели Его хотѣли ихъ понять, и это показываетъ, что они смутно чувствовали, что слова эти указывали на Его самоотверженіе, или, какъ они могли смотрѣть на послѣднее, на Его мученичество. Этотъ послѣдній пунктъ и выставленъ въ Его заключительной рѣчи (ст. 53—58), которая, какъ мы знаемъ, была сказана въ синагогѣ, прежде, во время или послѣ Его обычной субботней рѣчи. Рѣчь шла не только о мученичествѣ за жизнь міра, въ которой всѣ облагодѣтельствованные Имъ будутъ участвовать,—но о личномъ общеніи съ Нимъ. Принятіе плоти и крови Сына Человѣческаго—такъ необходимое условіе вѣчной жизни. Невозможно сомнѣваться въ преимущественномъ отношеніи этихъ словъ объ Его смерти и страданіяхъ къ нашей глубочайшей нуждѣ и голоду нашихъ душъ; весьма трудно также поборотъ чувство, что во второстепенномъ смыслѣ ¹⁾ они относились къ тому святому празднику, который наглядно воспроизводитъ предъ нами воспоминаніе объ этой смерти и страданіяхъ, служитъ для всѣхъ временъ напоминаніемъ о нихъ, символомъ, запечатлѣніемъ и участіемъ. И въ этомъ случаѣ рука исторіи сдвинула телескопъ; когда мы смотримъ въ него, то всякая мысль и слово проливаютъ свѣтъ на крестъ и свѣтъ отъ креста, доводя до нашего сознанія двоякую мысль: объ Его смерти и объ ея прославленіи въ великомъ христіанскомъ таинствѣ.

6. Но для лицъ, которыя слушали Его, и даже для многихъ изъ Его учениковъ, это были странныя слова. Кто могъ ихъ слушать? Потому что въ нихъ содержалось полное устраненіе всѣхъ тогдашнихъ іудейскихъ иллюзій, полный переверотъ всѣхъ тогдашнихъ помысловъ о Мессіи, и не только въ людяхъ, чьи взгляды были грубо, грубо плотскими, но даже и во многихъ, которые были до тѣхъ поръ привержены къ Нему. „Пища“ и „питье“ съ неба, имѣвшія, по ученію Христа, божественную печать истины, были не „закономъ“ и не Израильскими привиллегіями, но общеніемъ съ лицомъ Іисуса Христа въ томъ состояніи смиренія („Сынъ Іосифовъ“) (ст. 42)

¹⁾ *Весткоттъ* (ad loc.) ясно показываетъ, что отношеніе къ святой вечери имѣетъ только второстепенное значеніе. Забудьте здѣсь особенно, что при установленіи Тайной вечери употреблено слово „тѣло“, а не „плоть“.

и даже мученичества, на которыя, казалось, указывали Его слова: „Плоть Моя истинно ¹⁾ есть пища и Кровь Моя истинно есть питіе“ (ст. 55); это общеніе заключалось только въ пребываніи вѣрующихъ въ Немъ и Его въ нихъ (ст. 56); или, какъ они могли понять эти слова, во внутреннемъ общеніи ихъ съ Нимъ и въ участіи въ Его состояніи и взглядахъ. Подлинно этотъ Мессія и мессіанское царство совершенно отличались отъ тѣхъ, о которыхъ люди думали или о которыхъ мечтали.

Хотя слушатели Христа и не обнаруживали своихъ мыслей, сказанное Христомъ было однако скалою соблазна, о которую они спотыкались и падали. Онъ читалъ ихъ мысли. Какъ мало они могли понимать еще все то, что должно было случиться со Христомъ, какъ мало они были еще приготовлены ко всему этому. Если здѣсь встрѣчались для нихъ камни преткновенія, то что будетъ, когда имъ придется видѣть ²⁾ еще болѣе таинственные и не іудейскіе факты распятія и вознесенія Мессіи (ст. 62)! Подлинно, не внѣшнее слѣдованіе за Христомъ, но только внутреннее и духовное оживленіе могло принести пользу,—даже для лицъ, слышавшихъ самыя слова Христа, бывшія духомъ и жизнью. Такимъ образомъ вновь обнаружилось, и при томъ съ наибольшою полнотою, что, нравственно говоря, было абсолютно невозможно придти къ Нему даже и тогда, когда слова Его слышались, если не получалось при этомъ благодатнаго воздѣйствія свыше (ст. 65; срвн. ст. 37, 44).

Такимъ образомъ это былъ великій критическій моментъ въ жизни Христа. Мы наблюдаемъ затѣмъ постепенный ростъ и развитіе народнаго движенія, пока убіеніе Крестителя не взволновало народнаго чувства до самой его глубины. Съ его смертію показалось, что мессіанская надежда, возбужденная его проповѣдью и свидѣтельствомъ о Христѣ, какъ будто исчезла изъ виду. Это было страшное разочарованіе, его было не легко перенести. Теперь слѣдовало рѣшить, былъ ли Іисусъ дѣйствительно Мессіей. Его дѣла, не смотря на то, что гово-

¹⁾ Ср. здѣсь примѣч. къ ст. 27 объ истинѣ, какъ печати, которою Богъ запечатѣлъ Христа.

²⁾ Нужно замѣтить здѣсь также спеціальное значеніе слова θεωρεῖτε.

рили фарисеи, казалось, свидѣтельствовали объ этомъ. Тогда пусть это обнаружится; пусть движеніе начнется, пусть послышится одинъ ударъ за другимъ, пусть они раздаются все громче и энергичнѣе до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не грянутъ побѣдные клики и весь міръ не начнетъ имъ вторить. И такъ казалось. Это чудесное насыщеніе, этотъ пустынный крикъ осанна галилейскому Царю—Мессіи отъ тысячъ галилейскихъ голосовъ, что это было, какъ не начало новаго движенія? Тѣмъ сильнѣе было разочарованіе: во первыхъ, вслѣдствіе подавленія движенія, такъ сказать въ удаленіи Мессіи, Его добровольномъ отреченіи, лучше сказать, Его пораженіи; затѣмъ въ слѣдующій день вслѣдствіе неудовлетворительнаго поведенія Царя, немногіе неученые ученики котораго, по своему невѣжеству и анти-іудейскому пренебреженію наиболѣе священными установленіями, оскорбляли всякое іудейское чувство, поведеніе которыхъ даже защищалось ихъ Учителемъ въ общемъ нападеніи на традиціонализмъ, этотъ базисъ іудейства, какъ его можно было представить,—поведеніе, доходящее до презрѣнія религіи и даже общей вѣры въ отрицаніи и обличеніи торжественныхъ обѣтовъ. Іисусъ не былъ такимъ Мессіей, котораго захотѣли бы признать многіе и даже кто—нибудь (Матѣ. XV. 12).

Здѣсь, слѣдовательно, мы находимся на распутіи, и именно потому, что это былъ рѣшительный моментъ. Христосъ выставилъ теперь съ такою ясностію высочайшія истины о Себѣ, въ противоположность мнѣніямъ о Мессіи принимавшимся толпой. Результатомъ было однако и другое, еще болѣе печальное отпаденіе: „съ этого времени многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ“ (Іоанн. VI. 66). Сомнѣніе закралось даже и въ душу двѣнадцати. Не хотятъ ли и они отойти? Это было предчувствіемъ Геосиманіи, ея первымъ опытомъ. Но одно заставляло учениковъ быть вѣрными. Это былъ ихъ прошедшій опытъ. Онъ былъ основаніемъ для ихъ настоящей вѣры и привязанности. Они не могли возвратиться къ своей прежней жизни; они должны быть въ единеніи съ Нимъ. Это и высказалъ Петръ отъ имени всѣхъ остальныхъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь гла-

голы вѣчной жизни“. Мало этого, ученики усвоили себѣ еще и другую, высшую истину: „и мы увѣровали и познали, что Ты Святой Божій“ (ст. 68, 69 ¹). Такимъ же образомъ и многіе изъ насъ, мысли коихъ колеблются и принципы коихъ страшно распатаны, могутъ найти свою главную точку опоры въ увѣренности, несокрушимомъ духовномъ опытѣ прошедшаго. Куда намъ идти за словами вѣчной жизни, какъ не ко Христу? Если Онъ не поможетъ намъ, тогда уничтожатся въ насъ и всѣ надежды на вѣчность. Но Онъ имѣлъ слова вѣчной жизни и мы повѣрили въ нихъ, когда они впервые дошли до нашего слуха; мы даже знаемъ, что Онъ Святой Божій. И въ этихъ словахъ дается все, въ чемъ нуждается наша вѣра для дальнѣйшаго нашего развитія. Остальное Онъ покажетъ намъ, когда преобразится въ виду насъ.

Но изъ этихъ двѣнадцати Христось зналъ одного, какъ „діавола“, подобнаго ангелу, ниспавшему съ высочайшей вершины до самой глубокой бездны ²). Отступничество Іуды уже началось въ его сердцѣ. И чѣмъ больше было народное ожиданіе и разочарованіе, тѣмъ сильнѣе были реакція и вражда, слѣдовавшія за тѣмъ. Рѣшительный моментъ миновалъ и стрѣлка на часахъ указывала уже на часъ смерти Христа.

Свящ. П. Фисейскій.

(Продолженіе будетъ).

¹) Такъ читается во всѣхъ лучшихъ манускриптахъ, а не какъ въ авторизованной версіи (в русск.): „Ты Христось, Сынъ Бога Живаго“. Историческое изложеніе вариантовъ, которые привели къ такому измѣненію, см. у *Westcott'a*, ad loc.

²) Правильное чтеніе 71 стиха: „Іуда, сынъ Симона Искаріота“, т. е. чело-вѣка изъ Керіота. Керіотъ находилась въ Іудеѣ (Ис. Нав. XV. 25). Напомнимъ, что Іуда былъ единственнымъ ученикомъ Іисуса Христа изъ іудеевъ.

Благочинническіе Миссіонерскіе Съѣзды въ Харьковской Епархіи.

Благочинническіе Миссіонерскіе съѣзды въ Харьковской Епархіи существуютъ лѣтъ пять. Они собираются ежегодно, осенью, во всѣхъ округахъ. На нихъ участвуютъ *все* священники, за исключеніемъ тѣхъ, которые остаются въ извѣстныхъ приходахъ, *по очереди*, для требоисправленія. Нужно сказать, что потребность въ этихъ съѣздахъ съ каждымъ годомъ чувствуется духовенствомъ осязательнѣй. Въ текущемъ году были съѣзды, какъ первый Сумской, на которыхъ присутствовали *почти* все священники округа. Это явленіе само уже свидѣтельствуеть, какъ *жаждутъ* пастыри взаимныхъ свиданій, — дружескихъ разговоровъ по поводу состоянія своихъ паствъ и духовнаго воздѣйствія на нихъ.

То же обстоятельство лучше всего говоритъ, насколько мудро поступилъ маститый Владыка Харьковскій, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, узаконивъ для *всей* Епархіи благочинническіе миссіонерскіе съѣзды. — Жизнь требуетъ именно больше всего *благочинническихъ* собраній духовенства. На эти собранія *ближе и удобнѣе* являться священникамъ округа. На благочинническихъ съѣздахъ священники другъ другу *все* *известны*. Это обстоятельство облегчаетъ для нихъ взаимный обменъ мыслей, — дѣлаеть ихъ болѣе откровенными и общительными. — Если же на какомъ либо съѣздѣ принимаются *оригинальныя*, полезныя, но неизвѣстныя другимъ постановленія, — эти постановленія въ слѣдующій годъ дѣлаются достояніемъ другихъ съѣздовъ Епархіи. Ихъ своевременно оповѣщаетъ по

всѣмъ благочинническимъ округамъ Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ, который для всѣхъ сѣздовъ служитъ объединяющимъ и направляющимъ центромъ.

Такимъ образомъ, благодаря благочинническимъ сѣздамъ духовенства, въ Харьковской Епархіи *твердо и неуклонно* преслѣдуется миссіонерское развитіе всѣхъ священниковъ. На этихъ сѣздахъ, сколько возможно, бываетъ Епархіальный Миссіонеръ. Въ 1900 году онъ посѣтилъ, напр. 17 сѣздовъ. Вездѣ онъ старался пробудить въ священникахъ жажду миссіонерскихъ познаній; вездѣ дѣлился съ своими братьями и соработниками выводами миссіонерской науки и практики по поводу тѣхъ или другихъ жизненныхъ явленій. И надобно было видѣть радость священниковъ, когда они, чрезъ обмѣнъ мыслей, разрѣшали наболѣвшія у нихъ недоумѣнія. Надо было видѣть, какъ торжествовали скромные деревенскіе пастыри, сознавая, что въ великомъ дому Божіемъ и они оказываются *сознательными* дѣятелями,—что въ глазахъ благостнаго Архiepастыря и они являются *родными* дѣтьми,—что видно изъ командировки въ ихъ округъ Епархіальнаго Миссіонера...

Нельзя не возблагодарить Бога за то, что Онъ *благовременно* посылаетъ дѣлателей на жатву свою. Эта жатва такъ волнуется *свирѣпыми* вѣтрами, что требуетъ *немедленной* и тщательной обработки своей. Современная жизнь духовная характеризуется *неустойчивостью*, сомнѣніемъ, которыя проникаютъ даже до дна народнаго. Люди на нашихъ глазахъ дѣлаются полуграмотными. Они читаютъ книжки, умственно просыпаются и невольно, озираясь кругомъ, спрашиваютъ себя: такъ ли они живутъ? Почему, на какомъ основаніи, существуетъ у нихъ то или другое?..

Это явленіе въ народной жизни надобно бы признать *желательнымъ*. Но бѣда въ томъ, что полуграмотные крестьяне, за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, *не всегда* обращаются къ своимъ пастырямъ. Часто кто побойчѣй изъ нихъ зазываетъ къ себѣ въ хату слушателей и начинаетъ „крутить мозгами“ по поводу разныхъ предметовъ вѣры и жизни. Толкованіе получается уродливое, дикое; порою, ни съ чѣмъ несообразное. Но невзыскательные слушатели довольствуются и имъ. И вотъ

на селѣ уже готово ложное мнѣніе. Оно поддерживается и распространяется въ *тайнѣ*, какъ святыня. Оно мутитъ умственно-религіозный покой обывателей.

Это явленіе создаетъ особаго рода *чуткость* духовную на селѣ. Зараженные такою чуткостью всё разсматриваютъ съ точки зрѣнія своей идеи. Они дѣлаются *восприимчивыми* ко всякой пропагандѣ. И бѣда, если люди, потерявшіе духовное равновѣсіе, попадутъ на югъ къ нѣмцамъ колонистамъ, или въ экономіи богатыхъ штундистовъ, въ родѣ братьевъ Мазаевыхъ. Тамъ изъ ихъ колеблющагося состоянія разработаютъ настоящую штунду. Человѣкъ вдругъ потеряетъ дружелюбное расположеніе къ старинному своему быту, къ вѣрованіямъ Православной Церкви. На всё обыденное смотреть, какъ на обманъ, и воображаетъ себя мудрецомъ, постигшимъ „тайну отъ вѣка“... И что хуже всего,—такой *самообольщенный* человѣкъ заразу души своей, свой критицизмъ болѣзненный постарается всѣми силами привить къ родичамъ, къ друзьямъ и знакомымъ.—Такъ штундовый пожаръ появляется тамъ, гдѣ о немъ и не думали. Поэтому онъ застаётъ *врасплохъ* и пастырей и крестьянъ. Всѣ теряются. Не знаютъ, что предпринять противъ *неожиданнаго* зла. А зло это, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ окружающей среды, быстро крѣпнетъ и становится на ноги. Тайно, а иногда и явно, его поддерживаютъ извѣстные штундовые вожаки. Они *фанатизируютъ* своихъ послѣдователей, поселяютъ въ душѣ ихъ злобу и недовѣріе ко всему,—что дѣлаетъ крайне затруднительнымъ пастырское воздѣйствіе на нихъ духовенства.

При такихъ печальныхъ жизненныхъ явленіяхъ, естественно, духовенству надобно стоять на стражѣ, во всеоружіи миссіонерскаго знанія и опыта. То обстоятельство, что, сектанство въ напей Епархіи проникло далеко не во всѣ уѣзды, не должно усыплять пастырей церкви. Разъ на селѣ горитъ одинъ домъ, то искры отъ него могутъ поджечь и самый отдаленный конецъ построекъ. Надобно всѣмъ стоять съ препоясанными чреслами, готовыми встрѣтить разбушевавшуюся стихію должнымъ отпоромъ. А это сравненіе штунды съ огнемъ не должно считать преувеличеніемъ: по умственному *не-*

реходному состоянію своему и вслѣдствіе постояннаго взаимобобщенія, народъ нашъ представляетъ удобную почву для сѣянія среди него всякихъ лжеученій. Тутъ и штунда гвѣздится, и хлыстовство проникаетъ въ дома, подѣ видомъ *черничества*, а недавно, къ ужасу всѣхъ, на одномъ благочинническомъ собраніи было доложено, что въ хуторъ Благодатный, Богодуховскаго уѣзда, прислано письмо какого-то *игумена*. Было предъ всѣми прочитано это письмо. Какія бредни можетъ проповѣдывать человѣкъ, до какого явнаго *анархизма* онъ; подчасъ доходить, наученный не менѣе дикими и невѣжественными жожаками!..

Итакъ, Церковь Христова въ наши дни, несомнѣнно, переживаетъ тяжелое испытаніе. Врагъ усиленно сѣетъ плевелы, среди русскаго народа. Вырывать эти плевелы; помимо божественной благодати, требуется человѣческое *искусство*. А откуда оно явится у сельскихъ смиренныхъ батюшекъ?—Со школьной скамьи они не могли его вынести. Въ школъ всѣмъ намъ даются *начатки* познаній. Эти начатки, безъ воздѣлыванья, отъ времени исчезаютъ, и мы стоимъ предъ Господомъ и „*несчастливы и жалки, и нищи*“... (Откр. 3, 17). Господь однако не отталкиваетъ насъ отъ себя. Онъ зоветъ всѣхъ духовныхъ дѣятелей „*купить*“ у него „*золото огнемъ очищенное*“.—И вотъ Церковь Святая учитъ насъ прежде всего просить у Бога Премудрости—благодати, насъ вразумляющей и наставляющей на всякую истину. Затѣмъ Св. Церковь велитъ намъ всѣмъ „*познать истину*“. Въ частности, пастырямъ, она приказываетъ чрезъ Апостола „*оникать въ себя и въ ученіе; заниматься силъ постоянно*“ (1 Тим. 4, 16). Такъ поступая, пастыри будутъ истинными духовными *врачами*, способными цѣлить духовные недуги своихъ пасомыхъ.

Но вникать самостоятельно въ ученіе Христово, безъ *особаго* дарованія и руководства, невозможно: даръ истолкованія Слова Божія дается не всѣмъ (1 Кор. 12, 10). Тѣмъ болѣе не всѣ умѣютъ „*наставлять противниковъ*“ (2 Тим. 2, 25). Для того требуется даръ Божій, опытное руководство и личное усердіе по изученію Свящ. Писанія и различныхъ религіозныхъ заблужденій.—Въ этихъ видахъ желательно, чтобы бо-

лѣе опытные, болѣе одаренные отъ Бога пастыри дѣлились бы сокровищами своихъ познаній съ своими братьями и сотрудниками. Тогда будетъ исполненъ законъ Христовъ (Гал. 6, 2), и древнее писаніе найдетъ свое приложеніе: „*жельзо жельзо остритъ, и человекъ изощряетъ взглядъ други своего*“ (Прит. 27, 17).—Но если всякому человѣку важно и нужно „изощрять“ свой взглядъ на вещи, тѣмъ болѣе это необходимо для священниковъ, духовныхъ *врачей*, которымъ приходится лѣчить болѣзни новыя, еще недостаточно обслѣдованныя. А такой *новой* болѣзнью и надобно признать тѣ сектантскія вѣянія, которыя теперь усиленно распространяются среди русскаго народа.

Съ другой стороны, поприще духовнаго дѣланія необычайно тернисто, требуетъ много воодушевленія и вѣры въ дѣло. Къ пастырямъ церкви предъявляются разнообразныя требованія. Пастыри должны быть и *учителями* народа, и *воспитателями* его въ доброй жизни и *проводниками* въ народную среду всякихъ начальственныхъ распоряженій. И все это пастыри должны выполнять не чрезъ полицію, а мѣрами нравственнаго воздѣйствія, духомъ любви и кротости. Повятво, что для того требуется *выдающаяся* энергія, могучая вѣра и пастырское призваніе. Этими качествами, къ счастью, и обладаютъ многіе наши пастыри. Среди нихъ не мало людей, которые души свои полагаютъ за овецъ своихъ... Но вѣдь я стальные ножи притупляются. И такіе свѣточы добродѣтели, какъ Св. Ап. Петръ, въ иную минуту могутъ колебаться и преткаться о „камень преткновенія“. Тѣмъ болѣе подвержены искушеніямъ *обыкновенные* пастыри, плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ. А что сказать про людей слабыхъ, съ недостаточно закаленнымъ характеромъ? Такіе люди часто имѣютъ вѣжное сердце; болятъ о недугахъ своихъ пасомыхъ; сокрушаются по поводу своей слабохарактерности; усердно просятъ Бога о помощи и, какъ утопающіе, безпокойно смотрятъ по сторонамъ, ища для себя опоры и воодушевленія. Для всѣхъ такихъ людей съѣзды, братскія совѣщанія являются кладомъ, источникомъ мужества и воодушевленія. На съѣздахъ менѣ искусные въ пастырскомъ дѣланіи приобрѣтаютъ нужныя имъ

указанія; на сѣздахъ люди закаляютъ свою энергію и приобретаютъ побужденіе къ новымъ трудамъ. Я самъ видѣлъ такихъ людей; слышалъ ихъ слезныя признанія по поводу своей немощности, былъ свидѣтелемъ тѣхъ обѣтовъ, которые давались ими предъ лицомъ своихъ собратій. И тутъ-то, вмѣстѣ съ деревенскими священниками, я невольно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, и всѣ мы молитвенно вспоминали нашего благостнаго Архипастыря, который, въ отеческомъ попеченіи о вѣранныхъ Ему дѣтяхъ, узаконилъ такое прекрасное дѣло, какъ *благочинническіе миссіонерскіе сѣзды* священниковъ.

Эти сѣзды въ Харьковской Епархіи ведутся по очень широкой программѣ. На сѣздахъ состояніе приходоу подвергается обсужденію съ разныхъ сторонъ. Въ то же время на засѣданіяхъ сѣздовъ тщательно обсуждаются *пастырскія мѣропріятія* по поводу тѣхъ или иныхъ печальныхъ сторонъ въ жизни прихожанъ.—Лучше всего однако съ занятіями благочинническихъ миссіонерскихъ собраній въ Харьковской Епархіи можно ознакомиться чрезъ разсмотрѣніе ихъ программы,—которая нигдѣ не печаталась, а потому представляетъ для всѣхъ интересующихся дѣломъ миссіи несомнѣнное значеніе. Вотъ эта

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на Благочинническ. миссіонерскихъ сѣздахъ Харьковской Епархіи.

I.

Общее состояніе прав. приходоу округа съ религіозно-церковной, нравственно-просвѣтительной и общественно-бытовой сторонъ.

а) Отношеніе прихожанъ къ храму Божію и Богослуженію. Ревнуютъ-ли они о благолѣпіи святыни церковной? Исправно-ли говѣютъ и причащаются каждагодно? Почитаютъ-ли церковные праздники и день воскресный отдыхомъ отъ работъ? Охотно-ли и благоговѣнно принимаютъ у себя священниковъ съ молебнами и др. требами? Какъ относятся крестьяне къ добрымъ стариннымъ обычаямъ освященія домовъ, колодецевъ (криниць) и т. п.? Развиты-ли въ приходахъ поминовеніе усопшихъ и поставленіе свѣчей предъ св. иконами? Соблюдаются-ли церковные посты и уставы, въ частности, касательно ежедневныхъ домашнихъ молитвъ? Не замѣтно-ли какихъ-либо сектантскихъ

сужденій среди прихожанъ о православно́мъ религіозно-церковномъ строѣ жизни?

б) Благочестивы-ли вообще прихожане? Какія христіанскія добродѣтели процвѣтають между ними? Развиты-ли скромность, цѣломудріе, трезвость, милосердіе, привѣтливость и почтительность къ пастырямъ и начальству? Какіе грѣхи и порочныя наклонности распространены въ народѣ? Сокращаются ли они постепенно или, съ годами, увеличиваются?

в) Много-ли грамотныхъ въ приходѣ? Гдѣ и какъ они обучались? Что читають и откуда берутъ книги? Любятъ-ли назидаться въ словѣ Божіемъ и участвовать на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ? Расположены-ли къ школѣ и охотно ли посылають въ неѣ дѣтей? Правильны-ли и насколько осмысленны сужденія прихожанъ о Богѣ, святыхъ Его, о значеніи церковныхъ таинствъ и обрядовъ? Не осталось ли какихъ-либо суевѣрій и языческихъ понятій въ народѣ, вредно отражающихся на его христіанской жизни?

г) Сообразенъ-ли складъ народной жизни съ ученіемъ Церкви и Евангелія? Характеристика общественныхъ и семейныхъ нравовъ. Взглядъ народа на „мірскія“ повинности, на женщину, дѣтей, работниковъ, на нищихъ и сиротъ. Облагораживается-ли постепенно этотъ взглядъ, или грубѣетъ—и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ? Не существуетъ-ли какихъ-либо пагубныхъ и соблазнительныхъ обычаевъ въ приходѣ, сопровождающихъ празднованіе Великихъ церковныхъ праздниковъ, а также совершеніе браковъ, погребенія, крещенія, молебствій и проч.?

д) Соображенія о мѣрахъ къ усиленію истинной церковности въ народѣ, евангельскаго благочестія и разумной грамотности. Мѣры для искорененія суевѣрій и развитія въ народѣ добрыхъ нравовъ и обычаевъ. Пастырское церковное и внѣцерковное учительство. Его желательный характеръ, въ зависимости отъ современнаго состоянія крестьянской жизни, и въ виду распространяемыхъ въ народѣ сектантскихъ джеученій. Существуютъ-ли въ округѣ какія-либо церковно-миссіонерскія бібліотеки и пополняются-ли онѣ новыми книгами? Какія книги и печатныя періодическія изданія надобно счи-

татъ особенно пригодными для служителей Церкви?—Общiе итоги пастырской дѣятельности въ приходѣ за годъ.

II.

Движенiе сектанства въ округъ.

а) Въ какихъ селахъ округа и какiе сектанты (раскольники—какого толка) существовали въ истекшемъ году? Не появилось-ли гдѣ новыхъ сектантовъ? Каковы ихъ руководители, вѣроученiе и образъ жизни? Чѣмъ вызвано появленiе этихъ сектантовъ? Въ старыхъ сектанскихъ селахъ не измѣнилось-ли вѣроученiе и правоученiе отступниковъ церковныхъ? Не замѣчалось-ли между ними какихъ-либо волненiй, опасныхъ для Церкви Православной, и не было-ли событiй, возбуждающихъ фанатизмъ въ сектантахъ? Какiя причины того и другаго? Не прiѣзжали-ли въ округъ сектантскiе вожаки изъ сосѣднихъ губернiй или съ Кавказа? Чтo извѣстно о цѣли и результатахъ этихъ посѣщенiй? Устраивали-ли сектанты богослужебныя собранiя въ истекшемъ году? Кто были руководителями этихъ собранiй и не присутствовали-ли на нихъ православныя христiане? Извѣстно-ли объ этихъ собранiяхъ гражданскому вачальству? Какiя мѣры оно принимало къ прекращенiю ихъ? Достигли-ли эти мѣры своей цѣли? Если нѣтъ, то почему? Чтo въ особенности удерживаетъ нынѣ сектантовъ въ ихъ заблужденiяхъ? Въ какомъ состоянiи находится ихъ внутренняя организацiя? Авторитетны-ли ихъ вожаки и какими средствами они достигаютъ влiянiя на народъ? Существуетъ-ли между сектантами взаимопомощь и въ чемъ она проявилась въ минувшемъ году? Нѣтъ-ли какихъ-либо признаковъ начинающагося разложенiя сектанскихъ общинъ? Не замѣтно-ли съ ихъ стороны желанiя сблизиться съ Церковью православною? Какъ вообще относятся нынѣ православныя къ сектантамъ? Продолжается-ли въ округѣ сектантская пропаганда? Насколько она опасна, кѣмъ и какими средствами ведется? Общее число въ каждомъ приходѣ сектантовъ (или раскольниковъ муж. и жен. п., и сколько не крещенныхъ дѣтей) съ краткой характеристикой наиболѣе упорныхъ изъ нихъ и влiятельныхъ въ своей средѣ.

б) Какія пастырскія мѣры были принимаемы для борьбы съ сектантствомъ въ истекшемъ году? Что сдѣлано для возвышенія благолѣпія церковныхъ службъ и для распространенія полемиическихъ свѣдѣній въ народѣ? По какой системѣ и какъ именно велась проповѣдь слова Божія? Въ какомъ духѣ преподавался Законъ Божій въ школахъ? Бывали-ли особенныя бесѣды съ сектантами? Гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, о чемъ, и каковы ихъ результаты? Заведена-ли при церкви *мтотпись* болѣе важныхъ событій изъ жизни прихода и сектантства? Что особенно вредитъ нынѣ дѣлу пастырской миссіи въ приходѣ?—Общее состояніе этой миссіи; ея успѣхи за годъ, и ближайшія задачи въ будущемъ.

Изъ разсмотрѣнія изложенной программы легко заключить, что въ Харьковской Епархіи для *всѣхъ* благочинническихъ съѣздовъ указана самая серьезная и нужная работа. Тамъ, гдѣ нѣтъ раскола и сектантства, священники изслѣдуютъ состояніе своихъ проходовъ съ тѣхъ сторонъ, которыя наиболѣе способствуютъ зарожденію по селамъ расколо-сектантства. Въ этихъ видахъ тщательное вниманіе обращается на уровень религіозныхъ познаній въ приходахъ,—на то, соотвѣтствуетъ этотъ уровень православному ученію, или нѣтъ?

Помимо состоянія вѣроученія въ народѣ, съѣзды много вниманія удѣляютъ *нравственному* быту своихъ прихожанъ. Обсуждаются хорошія и дурныя стороны въ жизни крестьянъ,—то, чѣмъ порождаются эти стороны и какое вліяніе онѣ имѣютъ на благосостояніе Церкви Божіей въ данной мѣстности?

Если въ округѣ есть сектанты,—священники докладываютъ Собранію объ ихъ вѣроученіи, бытѣ, вліяніи на православныхъ,—о томъ, какіе пункты вѣроученія и жизни сектантами особенно истолковываются и распространяются въ средѣ православныхъ?

Затѣмъ съѣзды заслушиваютъ рассказы священниковъ о томъ, что *ими сдѣлано* въ обличеніе сектантовъ и въ огражденіе православныхъ отъ уклоненія изъ Церкви? Этотъ отдѣлъ *наиболѣе интересуетъ* членовъ съѣздовъ. Всѣ священники съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за тѣмъ, какъ

ведется въ данной мѣстности проповѣдь; о *какихъ* вопросахъ и *какъ* она трактуется; *когда* и *какія* бесѣды батюшки устраивали съ сектантами и т. д. При этомъ замѣчено, что если доклады дѣлаются въ *общей формѣ*, безъ указанія *точного* хода разсужденій по извѣстному предмету;—то такіе доклады выслушиваются безъ удовольствія, по необходимости—и даже со скукою. Чтобы устранить со съѣздовъ подобные недостатки, а вмѣстѣ чтобы придать совѣщаніямъ характеръ въ полномъ смыслѣ *школы взаимнаго обученія*,—Епархіальный Миссіонеръ повсемѣстно предлагалъ священникамъ съ Библіей въ рукахъ разсказывать о своихъ проповѣдяхъ и противосектантскихъ бесѣдахъ.

Трогательно было видѣть, какъ въ кругу своихъ собратьевъ батюшки веди повѣсть о своихъ трудахъ въ приходахъ, иногда сильно зараженныхъ заблужденіями раскола или штунды. Чаще всего, при началѣ дѣла, докладчики сильно стѣснялись. Епархіальный миссіонеръ и члены съѣздовъ братски ободряли ихъ, давая имъ понять, что здѣсь происходитъ не *казенный* допросъ, а именно взаимный дружескій обмѣнъ мыслей. Поэтому стѣсняться нечего, такъ какъ доклады своимъ авторамъ *никакихъ формальныхъ* непріятностей принести не могутъ. Это заявленіе ободряло священниковъ и они уже *спокойно* начинали разсказывать, какъ они пастырествовали и миссіонерствовали въ приходахъ за годъ. Выяснялось, что батюшки не лѣбно проповѣдуютъ за богослуженіями; нерѣдко говорятъ на противосектантскія темы, случается, лицомъ къ лицу бесѣдуютъ съ сектантами. Но на съѣздахъ же обнаружилось, что немногіе священники имѣютъ представленіе собственно о миссіонерскихъ бесѣдахъ съ сектантами и раскольниками. Это объясняется тѣмъ, что такія бесѣды стали устраиваться въ Епархіи лишь за послѣдніе годы. Однако и своими *личными* силами сельскіе священники успѣли во многихъ случаяхъ пріобрѣсти себѣ необходимыя свѣдѣнія и кое-какой опытъ для обличенія отступниковъ церковныхъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вопросъ самими докладчиками не могъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, они прямо заявляли о томъ Епархіальному Миссіонеру и просили его помощи и содѣйствія. Такъ было на Бѣлопольскомъ съѣздѣ, когда шелъ вопросъ о войнѣ съ хри-

стіавской точки зрѣнія, и о присягѣ. Такъ же происходило на другихъ собраніяхъ, когда поднималась рѣчь о *святости церкви*, о крещеніи младенцевъ, объ иконахъ и другихъ оспариваемыхъ сектантами предметахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ съѣзды обращались въ глубоко осмысленныя аудиторіи, въ которыхъ Епархіальный Миссіонеръ докладывалъ слушателямъ выводы православнаго Богословія и миссіонерской практики по извѣстному вопросу. Батюшки слушали докладчика и здѣсь же дѣлали ему свои замѣчанія по поводу того, что казалось имъ неяснымъ или слабо обоснованнымъ. Въ концѣ концовъ собранія съѣздовъ принимали характеръ *дружескихъ совѣщаній*, на которыхъ каждый чувствовалъ себя, какъ дома, и говорилъ то, что подсказывали ему умъ и сердце...

Было одно и такое засѣданіе миссіонерскаго съѣзда (Богодуховское 1-е), на которое приглашались сектанты. Батюшки общими силами дѣлали имъ пастырскія увѣщанія. Сектанты остались непреклонными. Но члены съѣзда лично увидѣли, что такое русская штунда, какъ велико ея упорство, насколько трудна борьба съ ней; а потому какъ *осторожно* всѣмъ священникамъ надобно совершать свое пастырское дѣланіе.

На благочинническихъ миссіонерскихъ съѣздахъ Харьковской Епархіи установлены болѣе или менѣе *однообразные* способы борьбы съ народнымъ вольномысліемъ и съ существующимъ среди крестьянъ расколо-сектантствомъ. Эти способы борьбы—по преимуществу *пастырскаго* характера. Въ большинствѣ они являются *примѣненіемъ* къ Харьковской Епархіи тѣхъ мѣръ, которыя выработаны на Казанскомъ Всероссийскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ и на двухъ мѣстныхъ Епархіальныхъ съѣздахъ. Это потому, что всю задачу своихъ изысканій наши благочинническіе миссіонерскіе съѣзды полагаютъ въ томъ, чтобы *сознательно* и *убѣжденно* усвоить себѣ то, что рекомендуютъ для борьбы съ расколосектантствомъ извѣстные дѣятели всероссійской миссіи. Въ этихъ видахъ, на благочинническихъ миссіонерскихъ съѣздахъ священники особенно стараются сдѣлать постановленія, *предупреждающія* появленіе тамъ и здѣсь сектантства. Такимъ краеугольнымъ постановленіемъ, отъ примѣненія котораго зависитъ *вся судьба* миссіи, повсемѣстно признается изреченіе Христа Спасителя:

„овцы мои слушаютъ голоса моего..., и они идутъ за Мною“ (Іо. 10, 27). Пастырю надобно быть во *всѣхъ отношеніяхъ* образцомъ вѣры и жизни для своихъ пасомыхъ; тогда они *устыдятся* бѣжать отъ него. А если и при хорошемъ пастырѣ кто нибудь заштундуется, то это-уже воля Божія: и отъ Христа ушелъ Иуда и погибъ позорной смертию. Добрый пастырь долженъ оплакать погибшую овцу; но онъ долженъ всячески остерегать другихъ овецъ отъ гибели. Съ этой цѣлью ему надлежитъ, какъ учить Святѣйшій Синодъ, *благоговѣнно* и *неспѣшно* совершать церковныя богослуженія; сопровождать эти богослуженія *проповѣдью*, по возможности, *живою*. Въ проповѣдяхъ надо изъяснять прежде всего Евангельскія и Апостольскія чтенія, *примѣнительно* къ народнымъ нуждамъ.

Необходимо изъяснять вѣрующимъ и порядокъ богослуженія, чтобы, по возможности, всѣ понимали, что они видятъ и слышатъ во св. храмѣ. Затѣмъ, такъ какъ всѣ наши богослуженія сопровождаются пѣніемъ и отъ хорошаго пѣнія зависитъ чаще всего соответствующее настроеніе молящейся души, то нужно *всемѣрно* стараться объ изгнаніи изъ церкви дьячковскаго унисоннаго пѣнія. Желательно въ этихъ видахъ привлечь на клиросы школьниковъ, такъ какъ ихъ согласное пѣніе болѣе всего можетъ радовать сердца родителей и придавать благолѣпіе церковному богослуженію.

Эти *непреложныя* истины на сѣздахъ никогда не встрѣчали *никакихъ* возраженій и только рѣчь шла о томъ, какъ достигъ всесторонней красоты богослуженія при бѣдности многихъ церквей и при недосугѣ многихъ священниковъ? Рѣшено, что добрый благочестивый пастырь *всегда* найдетъ время истово отпратить богослуженіе; а школьники своими прекрасными голосами помогутъ ему обставить это богослуженіе особой торжественностью и задумчивостью.

Пѣніе школьниковъ хорошо еще и тѣмъ, что оно незамѣтно привлекаетъ весь народъ къ *дѣтельному* участию въ богослуженіяхъ и отгоняетъ отъ разсѣянныхъ скуку, на которую жалуются, порою, сектанты, какъ на что-то будто бы собственное нашему богослуженію. Школьники, со временемъ, будутъ взрослыми людьми. Они, конечно, запомнятъ то, чему ихъ обучали въ училищѣ и такимъ образомъ незамѣтно, но

вѣрно привѣтся по деревнямъ *обще-церковное* пѣніе, о которомъ такъ много заботятся высшія власти.

Такъ какъ, далѣе, съ развитіемъ грамотности усиливается любознательность въ народѣ, желаніе всему найти смыслъ и *библейское* основаніе, то пастыри не должны ограничиваться одною церковною проповѣдью. За церковнымъ богослуженіемъ всего нельзя сказать; съ другой стороны, многія благочестивыя души, особенно въ праздники, жаждутъ усиленнаго богомыслія. Поэтому на сѣздахъ постановлено *повсемѣстно* совершать воскресныя вечера и сопровождать ихъ *внѣбогослужебными* бесѣдами. На этихъ бесѣдахъ необходимо въ *системъ* и разъ, и два и болѣе разобрать съ *положительной* стороны всѣ тѣ пункты, которые пререкаются сектантами и которые смущаютъ иныхъ православныхъ. При этомъ рекомендовано, безъ *крайней* нужды, не излагать сектантскихъ возраженій, а имѣть ихъ проповѣднику въ головѣ. Народу же сообщать выводы, которые разрѣшаютъ въ православномъ смыслѣ то или другое сектантское возраженіе.

Постановлено также, чтобы священники *тщательный* готовились къ внѣбогослужебнымъ бесѣдамъ; чтобы они вели ихъ непременно на *заранье* обдуманныя темы—въ виду того, что слушатели могутъ дѣлать пастырю возраженія или заявлять о своихъ недоумѣніяхъ. И, конечно, будетъ весьма печально, если пастырь не отвѣтитъ вопрошающимъ, и тѣмъ ввергнетъ ихъ въ совопросничество и сомнѣніе.

Для довершенія учительства въ приходахъ, священникамъ на сѣздахъ вѣнено въ обязанность Законъ Божій въ церковно-приходскихъ школахъ проходить въ смыслѣ *библейско-апологетическомъ*. Особенно это необходимо, по распоряженію Св. Синода, дѣлать въ селахъ, гдѣ есть штундисты или раскольники. *Какъ* и *почему* въ школахъ Законъ Божій надобно проходить *апологетически*,—на это, во время засѣданій сѣздовъ, Епархіальнымъ Миссіонеромъ дѣлались пространныя указанія.—Было говорено, что современная русская жизнь характеризуется развитіемъ грамотности въ народѣ и значительнымъ передвиженіемъ рабочихъ рукъ изъ одного мѣста въ другое. Эти обстоятельства развиваютъ въ народѣ *пытливость*,—стремленіе знать, почему люди живутъ такъ, а не иначе. Такая

сама по себѣ прекрасная черта въ направленіи народной мысли становится источникомъ многихъ бѣдъ для православной церкви, вслѣдствіе малограмотности народа и крайней его неразвитости въ религіозно-правственномъ отношеніи. Людей пытливыхъ, случайно попавшихъ на югъ Россіи, ловко вербуютъ хитрые сектанты, давая имъ извѣстнаго рода книжечки и поселяя въ головахъ ихъ мучительные вопросы о церковно-религіозномъ строѣ жизни православныхъ. Возвращаясь на родину, эти затуманенные сектантскими вопросами рабочіе приносятъ съ собою ядъ сектантскаго вольномыслія, и имъ тѣмъ готовятъ удобную почву для развитія среди русскаго народа сектантства.

Съ указаннымъ зломъ трудно бороться Епархіальной миссіи. Скрытые въ началѣ, а послѣ закоренѣлые сектанты почти не поддаются миссіонерскимъ увѣщаніямъ. Да и мудро миссіонерамъ гоняться за распространителями сектантскаго вольномыслія. Въ дѣлѣ борьбы съ этимъ вольномысліемъ могутъ и должны Епархіальной миссіи оказать свою помощь *церковно-приходскія школы*. Онѣ вызваны къ жизни для насажденія въ народѣ православнаго образа мыслей,—для противодѣйствія развивающемуся въ народѣ ложному раціонализму.—Этой цѣли церковно-приходскія школы удобно могутъ достигъ чрезъ цѣлесообразное преподаваніе Закона Божія ученикамъ. Необходимо, чтобы преподаваніе Закона Божія дѣтямъ имѣло въ виду укрѣпить въ ихъ сознаніи законность и необходимость тѣхъ православно-церковныхъ порядковъ, въ которыхъ они растутъ и крѣпнутъ. А для сего мало указывать дѣтямъ, особенно въ сектантскихъ селеніяхъ, *что такое* иконы, какъ съ ними надо обращаться, или *для чего* мы ставимъ свѣчи предъ св. образами. Надо, по *теперешнимъ жизненнымъ требованіямъ*, еще показать: откуда взяли начало иконы? какъ учить о нихъ Слово Божіе, или на какомъ основаніи ставимъ мы свѣчи предъ св. образами? Отвѣты на эти вопросы *безусловно необходимо* прочитывать по Библии не разъ и не два, а много разъ, какъ только позволяютъ обстоятельства. Тогда дѣти со школьной скамьи узнаютъ, что наши порядки *заимствованы или основаны* на Библии. Лучшіе изъ учениковъ запомнятъ даже

библейскія мѣста, говорящія въ пользу того или другого церковнаго ученія.

И это—не праздная мечта. Интересы церкви требуют *нетложнаго* примѣненія указанной постановки преподаванія Закона Божія. Съ другой стороны, опытъ показываетъ, что во многихъ сектантскихъ приходсахъ священники съ успѣхомъ примѣняютъ *библейско-апологетическій* способъ преподаванія Закона Божія. Автору лично приходилось видѣть школы, гдѣ дѣти свободно отыскивали по Библии свидѣтельства въ пользу того или другого церковнаго ученія. Правда, такихъ школъ немного; но пора, *давно пора*, всѣмъ церковно-приходскимъ школамъ перейти отъ разговоровъ къ дѣлу, отъ проектовъ къ настоящему библейско-апологетическому преподаванію Закона Божія. Тогда церковная наша миссія въ школахъ найдетъ лучшихъ себѣ сотрудницъ и въ народѣ внесенъ будетъ тотъ свѣтъ, о которомъ давно хлопчуть миссіонеры.

Итакъ, жизнь требуетъ, чтобы церковныя школы были не просто разсадниками *безразличной* грамотности; а чтобы онѣ были *питомниками* строгаго и чистаго православнаго христіанства. Для сего Законъ Божій необходимо поставить на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять по требованію современности.

Къ утѣшенію священниковъ, должно сказать, что имъ не придется много раздумывать надъ вопросомъ: *какъ поставить преподаваніе Закона Божія въ библейско-апологетическомъ смыслѣ?* Вопросъ этотъ обсуждался на 3-мъ Казанскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ. Одинъ изъ членовъ съѣзда, свящ. І. Ольшевскій, обработалъ и программу преподаванія Закона Божія въ указываемомъ выше направленіи. Эта программа напечатана въ извѣстныхъ „Дѣяніяхъ“ съѣзда. Въ ней *все* указано, *гдѣ* и *на что* нужно обратить вниманіе Законоучителямъ. И, конечно, эту программу всякій священникъ можетъ примѣнять по своему усмотрѣнію. Законоучитель *особенно* долженъ изучать тѣ пункты, которые волнуютъ данную мѣстность. Но *непрелѣнно* нужно, чтобы эти пункты въ *старшихъ отдѣленіяхъ*, при повтореніи уроковъ *особенно*, проходились по Библии. Разумѣется, законоучителямъ придется основательно ознакомиться съ опроверженіемъ различныхъ сектантскихъ

мудрованій. Для этого имъ необходимо изучить или „Обличеніе штундизма“ свящ. Ольшевскаго, или „Критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ рационалистовъ П. П. Оболенскаго ¹⁾. По ознакомленіи съ указанными руководствами и при пособіи программы І. Ольшевскаго, законоучителямъ легко будетъ освѣщать *библейско-апологическимъ* матеріаломъ тѣ пункты, которые волнуютъ сектантствующихъ людей.

При этомъ необходимо добавить, что законоучители, при преподаваніи, должны *избѣгать* произношенія словъ: „сектанты учатъ“, „штундисты думаютъ“ и т. п. Нѣтъ: пусть, *безъ крайней необходимости*, и имени сектантовъ не будетъ произнесимо, чтобы преждевременно не ознакомить дѣтей съ ложными ученіями. Можно достигать цѣли законоучительства и въ томъ случаѣ, если батюшки у себя *въ голову* будутъ держать извѣстныя штундовыя возраженія, а на нихъ въ *положительной* формѣ давать отвѣты. Напр. при ознакомленіи дѣтей съ устройствомъ скинии,—внушать, что скинія была первымъ храмомъ; ее велѣлъ устроить Самъ Богъ. Въ скинии были *изображенія* херувимовъ. Эти изображенія (иконы) освятилъ Самъ Господь. Предъ ними люди кланялись. Христось, приходя въ храмъ, училъ почитать храмовую святыню. Апостолы тоже молились передъ ней (Дѣян. 22, 17). Въ этомъ смыслѣ надобно пройти съ дѣтьми, *при повтореніи въ старшей группѣ*, ученіе и о другихъ пререкаемыхъ штундистами предметахъ. Пособіе для сего священники найдутъ въ изобиліи въ указанныхъ выше руководствахъ.

Что касается селъ съ раскольничьимъ населеніемъ, то, при преподаваніи Закона Божія, тамъ нужно имѣть въ виду программу свящ. Плотникова, напечатанную въ Миссіонерскомъ Обозрѣніи. А пособіемъ для прохождения курса по этой программѣ можетъ служить учебникъ по обличенію раскола того же автора.

Конечно, порядокъ преподаванія Закона Божія, рекомендуемый здѣсь, потребуетъ *времени и труда*. Это извѣстно. Но несомнѣнно и то, что обстоятельства времени требуютъ отъ всѣхъ церковныхъ дѣятелей *неустанныхъ усилій* и хлопотъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, первой книги нѣтъ въ продажѣ; вторую же можно выплывать отъ автора, преподавателя Воронежской Дух. Сем.

Дѣло преподаванія Закона Божія важнѣе ремесль, вышиванія и др. *прикладныхъ* знаній. Поэтому священники и должны принять къ сердцу тѣ совѣты, какіе предлагаетъ имъ миссія.

Этотъ докладъ Епархіальнаго Миссіонера, разъясняемый на сѣздахъ *всесторонне*, баткшки вездѣ принимали къ свѣдѣнію и обѣщались, по возможности, осуществлять его въ церковныхъ школахъ.

Такимъ образомъ. по постановленіямъ благотворительныхъ миссіонерскихъ сѣздовъ, священники нашей Епархіи должны питать народъ духовною пищею и въ церквахъ, и по домамъ, и въ школахъ. Вездѣ они должны преслѣдовать одну цѣль — укрѣпить въ православіи своихъ овецъ и оберечь ихъ отъ уклоненія въ сектанство или расколъ.

Что же касается расколо-сектантовъ, то оставлять ихъ безъ пастырскаго воздѣйствія *никакъ не должно*. Надобно употреблять всѣ *духовныя* мѣры для завязыванья дружескихъ сношеній съ ними. Это не значитъ однако, чтобы священники, подражая Епархіальному Миссіонеру, устраивали публичныя бесѣды съ церковными отщепенцами. Нѣтъ: на сѣздахъ постановлено, чтобы *такихъ* бесѣдъ священники *избѣгали*, такъ какъ среди нихъ мало лицъ, подготовленныхъ къ веденію публичныхъ бесѣдъ. Кромѣ того, расколо-сектанты могутъ слишкомъ глумиться надъ священниками, что въ интересахъ церкви не можетъ быть желательнымъ. Священники *публично* поучаютъ народъ въ *положительной* формѣ. Допускаются при этомъ *сдержанные* и *скромные* вопросы, а не споры. Частно же, по домамъ, полезно съ сектантами или раскольниками вступать въ *дружескій* разговоръ по поводу известнаго разногласія. При чемъ, хотя бы священника оспаривали, ему необходимо проповѣдуемую истину отстаивать отъ Библии или старопечатныхъ книгахъ до конца и всесторонне. Если же церковные отщепенцы избѣгаютъ встрѣчь съ священникомъ, полезно вліять на нихъ чрезъ миссіонеровъ—сотрудниковъ, людей *твердыхъ въ православіи и благочестивыхъ*. Такихъ людей надобно всемѣрно изыскивать и готовить въ приходѣ, а также за труды поощрять ихъ, по усмотрѣнію и усердію священниковъ.

Въ помощь себѣ, кромѣ православныхъ сотрудниковъ, свя-

ценники употребляютъ церковно-миссіонерскія бібліотеки. Онѣ составляются по личнымъ соображеніямъ пастырей и по указанію, въ случаѣ нужды, Епархіальнаго Миссіонера. Въ такихъ бібліотекахъ, во всякомъ случаѣ, должны быть всѣ изданія Миссіонерскаго Обозрѣнія. Для распространенія въ народѣ это—самый подходящій матеріалъ. Изъ болѣе же крупныхъ изданій постановлено въ миссіонерскія бібліотеки приобрѣтать книгу *Оболенскаго*, какъ сравнительно позднюю, по времени появленія, и въ себѣ содержащую почти все, что можно сказать въ защиту того или другого православнаго ученія.—Кромѣ названной книги, рекомендовано приобрѣтать въ церковныя миссіонерскія бібліотеки и другія богословскія сочиненія, смотря по средствамъ и нуждамъ выписывающихъ.

Въ обличеніе же раскольниковъ рѣшено приобрѣтать мелкія изданія Братства Петра Митрополита, сочиненія проф. Н. И. Ивановскаго, Архим. Павла и учебникъ свящ. Плотникова по обличенію раскола. Выписки Озерскаго есть во всѣхъ раскольничьихъ приходяхъ.—Этихъ руководствъ достаточно на *первый разъ* для обличенія нашихъ малограмотныхъ раскольниковъ.

Не ограничиваясь однѣми церковными бібліотеками, Миссіонерскіе съѣзды постепенно во *всѣхъ округахъ* открываютъ *Благочинническія* миссіонерскія бібліотеки. Въ составъ этихъ бібліотекъ входятъ книги по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ; въ этихъ бібліотекахъ, ежегодно пополняемыхъ новыми книгами, можно найти всё, что потребуется священникамъ. Такія бібліотеки *основаны* уже и успѣшно дѣйствуютъ въ 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ, въ 1-мъ Старобѣльскомъ, въ 4-мъ Изюмскомъ и въ др. округахъ.

Помимо разсужденій о томъ, *какія* знанія необходимы, *какъ* и *откуда* ихъ почерпнуть пастырямъ Церкви для утвержденія въ вѣрѣ своихъ пасомыхъ и для обличенія „противящихся“,—на съѣздахъ самое серьезное вниманіе удѣлялось *нравственному* состоянію приходоѡ. Дознано, что многіе люди бѣгутъ изъ Церкви Православной потому, что не находятъ христіанской жизни среди своихъ единовѣрцевъ, или поражаются черствостью и безсердечіемъ многихъ православныхъ богачей.

Для борьбы съ этимъ зломъ постановлено, чтобы священ-

ники чаще, по всякому *подходящему* случаю, изображали православнымъ Евангельскій образъ жизни и нравственнаго поведенія. Тогда никто не скажетъ, что Церковь *потворствуетъ* безобразникамъ и закрываетъ глаза на ихъ поступки.

Для поддержки же бѣдняковъ въ приходахъ и для оказанія помощи пострадавшимъ отъ разныхъ напастей рекомендовано дѣлать пастырскія воззванія прихожанамъ о помощи. Эту помощь отовсюду надо приобрѣтать и деньгами, и хлѣбомъ, и холстомъ и другими пожертвованіями. Въ то же время пастырямъ Церкви необходимо брать на себя ходатайства о пристройствѣ калѣкъ и увѣчныхъ по богадѣльнямъ.—Такое отношеніе священниковъ къ обездоленнымъ членамъ приходовъ *неизбѣжно* подниметъ авторитетъ ихъ въ глазахъ народа и послужитъ лучшимъ противодѣйствіемъ распространяемому сектантами мнѣнію о священникахъ, что они будто бы заботятся только о себѣ, а не о ввѣренныхъ ихъ попеченію духовныхъ дѣтяхъ.

Дѣлались на Благочинническихъ Миссіонерскихъ съѣздахъ и другія постановленія, которыя, по сравненію съ изложенными, имѣютъ мѣстное значеніе и носятъ частный характеръ. Мы не будемъ поэтому приводить ихъ въ *общей* характеристикѣ съѣздовъ. Скажемъ въ заключеніе, что на съѣздахъ ни *одной нужды* приходской не оставлялось безъ вниманія. Всѣ обсуждалось, всему указывалось должное направленіе. Вотъ почему съѣзды такъ и дороги духовенству, что они устраиваются въ его интересахъ, для пополненія его познаній и для укрѣпленія пастырской энергіи въ добрѣ.—Эти же съѣзды и для Епархіальной миссіи служатъ лучшимъ подспорьемъ и утѣшеніемъ. Когда становится очевиднымъ, что тѣ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ полагаются силы Епархіальныхъ миссіонеровъ,—дороги и духовенству, тогда невольно прибавляется вѣры въ миссіонерское дѣло и хочется душу положить за родную нашу Церковь въ ея борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами...

Харьковскій Епархіальный Миссіонеръ Д. Боголюбовъ.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОЗЛОВЪ

И ЕГО ФИЛОСОФСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ¹⁾.

Алексѣй Александровичъ Козловъ, родившійся въ 1831 г., выступилъ на поприще философской дѣятельности въ семидесятые годы. Первымъ крупнымъ философскимъ произведеніемъ Козлова были философскіе этюды (1876 г.). Уже въ этомъ

¹⁾ Быстро, поразительно быстро, въ какіе нибудь полтора—два года, сошли въ могилу одинъ за другимъ, виднѣйшіе представители русской философской мысли послѣдней четверти вѣка: Троицкій, Гротъ, Соловьевъ. Къ нимъ 27 февраля текущего года присоединилось имя еще одного глубокаго и серьезнаго мыслителя Алексѣя Александровича Козлова, бывшаго (съ 1876 по 1887 г.) профессора философіи въ Кіевскомъ Университетѣ—А. А. Козлову, безспорно, должно быть отведено одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русской философской мысли. Вотъ перечень его трудовъ, какъ они указаны въ библиографическихъ матеріалахъ по исторіи русской философской мысли и въ энциклопедическихъ словаряхъ: 1) Вл. Соловьевъ, какъ философъ (Знаніе, 1875, I). 2) Философскіе этюды, 1876 г. 3) Философія дѣйствительности, изложеніе системы Дюринга, 1877—1878 г. 4) Философія, какъ наука—1877 г. 5) Два основныхъ положенія философіи Шпенгера, Кіев. Унив. Изв., 1877, 1. 6) Критическій этюдъ по поводу книги Грота: Психологія чувствованій, 1881 г. 7) Современныя направленія въ философіи. Загр. Вѣстн. 1881—2 г. 8) О послѣднемъ сочиненіи проф. М. Троицкаго: Наука о духѣ. Русск. Мысль, 1883, 4. 9) Генезисъ теоріи пространства и времени Канта. Кіев. Унив. Изв. 1882—4 г. 10) Критическій этюдъ о книгѣ Грота: Къ вопросу о реформѣ логики, 1885 г. 11) Дж. Бруно. (Изд. вмѣстѣ съ лекціей Лучицкаго о томъ же философѣ), 1885 г. 12) Очерки изъ исторіи философіи. Понятіи философіи и исторіи философіи, философія восточная, 1887. 13) Философскій трехмѣсячникъ, 1886. 14) Гардъ и его теорія общества, 1887, 15) Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики, 1887. 16) Религія графа Л. Н. Толстаго. 17) Свое Слово, 1888—1890 г. 18) Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествознанія. Вопр. Филос. и Психол. 1889, I. 19) Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстаго о жизни. 20) Позитивизмъ Канта. Французскій позитивизмъ. Вопр. Филос. и Психол. кн. 15, 19, 21, 22. 21) Густавъ Тейхмюллеръ, *ibid.* 25—26 и 22) Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера, *ibid.* 27.

произведеніи вполне опредѣляются философскія симпатіи автора и его высокое уваженіе къ философіи, какъ особой самостоятельной наукѣ. Философію авторъ опредѣляетъ, какъ особую науку „о мірѣ въ его цѣломъ“. „Философія, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое“. Авторъ смотритъ на философію, какъ на науку, строящую сначала общія идеи о значеніи міровыхъ событій и потомъ изъ этихъ общихъ идей выводящую нравственные принципы ¹⁾. Въ силу такого всеобъемлющаго значенія философія имѣетъ великое практическое значеніе,—авторъ считаетъ ее цѣлительнымъ противоядіемъ противъ умственной и нравственной анархіи общества. Идеи эти о существованіи философіи, какъ самостоятельной науки, и объ ея высокомъ культурномъ значеніи авторъ съ великимъ жаромъ убѣжденія защищалъ и въ послѣдующихъ своихъ работахъ, почти вплоть до послѣднихъ дней своей жизни. Такъ уже въ 1877 г., время сильнаго еще господства позитивизма, авторъ ведетъ очень оживленную полемику ²⁾ противъ своихъ ученыхъ противниковъ, бывшихъ своихъ оппонентовъ на диспутѣ, г.г. Аландскаго и Грота. Въ противоположность этимъ своимъ противникамъ, отрицавшимъ всякое самостоятельное значеніе философіи, какъ науки, авторъ особенно горячо продолжаетъ настаивать на самостоятельности философіи. Полемика эта тянулась почти весь 1877 годъ. Разумѣется, противники Козлова едва ли убѣдились его доводами въ пользу самостоятельности философіи; но все же нужно замѣтить, что защита велась Козловымъ серьезно, съ горячимъ убѣжденіемъ и очень вѣско и основательно. Да нельзя сказать и того, чтобы она оказалась безъ всякихъ результатовъ: фактъ перехода сильнѣйшаго противника Козлова,—Грота, изъ сторонниковъ позитивизма на сторону идеалистической метафизики общезвѣстенъ. Мы, конечно, ни-

¹⁾ См. Критическіе этюды ч. I. С.-Петербург. 1876 г. стр. 109.

²⁾ См. „Философія, какъ наука“ Киев. Унив. Изв. 1887 г., 4, 5, 7 и особенно 8 кв. Въ послѣдней книгѣ авторъ кроме Аландскаго и Грота опровергаетъ третьяго своего противника—Нияттина (Ткачева) съ его илагиатской статьей о пользѣ философіи.

сколько не хотимъ сказать, что Гротъ этимъ переходомъ обязанъ болѣе и прежде всего Козлову, но все же нельзя и вовсе отрицать вліянія идеализма Козлова на Грота. Долголѣтняя (болѣе 20 лѣтъ), послѣдовательная, всегда веденная съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ воззрѣній, защита Козловымъ самостоятельности философіи, конечно, не могла не повліять на такое подвижное дарованіе, какое представлялъ изъ себя талантъ Грота. И нѣтъ сомнѣній, что своимъ переходомъ изъ враговъ метафизики въ ея защитника и приверженца, Гротъ обязанъ, между другими вліяніями (изученію философіи Д. Бруно, близкому общенію съ авторомъ: позитивная философія и сверхчувственное бытіе—преосв. Никаноромъ) и произведеніямъ Козлова.

Ведя полемику противъ враговъ философіи, философъ въ то же время занимался и частными изслѣдованіями по философіи. Такъ, въ томъ же 1877 году ¹⁾ авторъ начинаетъ изложеніе и разборъ философіи Дюринга. На русскомъ языкѣ это есть лучшее, основательнѣйшее изслѣдованіе философіи Дюринга.

Причины, побудившія автора предпринять трудъ изложенія философской системы Дюринга, были двоякаго рода: во 1-хъ, наша русская отсталость въ философіи отъ другихъ европейскихъ народовъ,—фактъ, не подлежащій для автора никакому сомнѣнію, и во 2-хъ, тотъ фактъ, что въ послѣднее время въ обществѣ стала чувствоваться нѣкоторая потребность въ философіи. Вотъ эти-то два обстоятельства и побудили автора предпринять изслѣдованіе философіи Дюринга, „этого, по выраженію г. Козлова, корифея современной (для 1877 г.) германской философіи“. А что Дюрингъ талантливый и оригинальный мыслитель, что онъ обладаетъ громадною и разностороннею эрудиціею, въ этомъ, по словамъ автора ²⁾, никто, знакомый съ сочиненіями Дюринга и положеніемъ его въ наукѣ, не можетъ сомнѣваться. Планъ труда автора былъ такой. Въ

¹⁾ Начиная съ 2-й кн. Киев. Унив. Изв. 1877 г. и кончая 5-ю кн. 1878 г. этого журнала.

²⁾ См. предисловіе Козлова къ изложенію системы Дюринга. Киев. Унив. Изв. 1877, февраль, 117 стр.

основу своего изслѣдованія онъ взялъ: *Cursus der Philosophie*. Leipzig. 1875 г. Но, кромѣ того, пользовался и нѣкоторыми другими его сочиненіями, какъ-то: *Naturliche Dialektik.*, *Werth des Lebens*, *Kritische Geschichte der Philosophie*; *Kritische Geschichte der National Oikonomie und Socialismus* и др. Изложеніе всей системы „философіи дѣйствительности“ отличается полнотою и обстоятельностью; критическія замѣчанія на эту систему не лишены также основательности. Вслѣдъ за изслѣдованіемъ „философіи дѣйствительности“ Козловъ выступаетъ предъ публикою съ изложеніемъ ученія двухъ величайшихъ мыслителей древняго и новаго времени: Платона и Канта. Въ 1878—80 гг. появляется „Методъ и направленіе философіи Платона“; а въ 1882—4 гг. „Генезисъ трансцендентальной эстетики (или теорія пространства и времени) Канта“.

Всѣ эти крупныя работы Козлова можно считать подготовительными ¹⁾ на пути выработки авторомъ окончательнаго міровоззрѣнія. Къ 1886 году эти подготовительныя работы кончились и въ этомъ же году авторъ считаетъ возможнымъ дать окончательную формулировку своимъ идеямъ. Съ этою цѣлью онъ, въ томъ же 86 г., предпринимаетъ изданіе философскаго журнала (перваго въ Россіи), „Философскаго трехмѣсячника“. Прямыми задачами этого журнала были: 1) пропаганда убѣжденія, что философія есть самостоятельная наука, имѣющая свой особый предметъ и соотвѣтствующій ему методъ изслѣдованія, 2) ознакомленіе русской публики съ положеніемъ этой науки въ Европѣ и 3) ознакомленіе читателей журнала съ міросозерцаніемъ, выработаннымъ авторомъ. Въ вышедшихъ четырехъ книжкахъ философскаго трехмѣсячника помѣщены были такія статьи: Религія гр. Толстаго; Тардъ и его теорія общества, философія мистики Дюпреля, о множественности состояній сознанія; гипнотизмъ и его значеніе для психологіи

¹⁾ Къ числу такихъ подготовительныхъ работъ можно также отнести: 1) „Очерки изъ исторіи философіи“, гдѣ авторъ даетъ такое же опредѣленіе философіи, какъ и въ первомъ трудѣ. 2) Современныя направ. философіи (герман. и франц. философія) и 3) критическія статьи автора о работахъ Грота: „Психолог. чувств.“ и „Къ вопросу о реформѣ логики“, и „О наукѣ о духѣ“ Тронцаго.

и метафизики“; наряду съ этими статьями велись авторомъ и обзорнія книги и журнальныхъ статей философскаго характера. Дѣло велось серьезно, но, къ сожалѣнію, внезапная и тяжкая болѣзнь автора принудила его прекратить изданіе своего журнала. Но все таки авторъ не оставилъ своей мысли дѣлиться съ публикой своими философскими мыслями путемъ изданія своего собственнаго журнала; какъ только позволили ему силы, онъ предпринимаетъ изданіе философскаго сборника, подъ названіемъ: „Свое Слово“. Всѣхъ сборниковъ вышло 4 книги. Въ этихъ сборникахъ, въ систематическомъ и послѣдовательномъ видѣ, излагается все философское міровоззрѣніе Козлова. Къ изложенію этого міровоззрѣнія мы переходимъ теперь.

Форма изложенія философіи у Козлова очень оригинальная. Онъ, подражая Платону, передаетъ свои мысли въ формѣ разговоровъ. Главными дѣйствующими лицами выступаютъ: Сократъ (съ Песковъ), представитель панпсихизма, Платонъ (Калужскій), оттѣнокъ Сократа, и затѣмъ многіе представители различныхъ философскихъ направленій. Выразителями этихъ направленій авторъ беретъ преимущественно героевъ и героинь Достоевскаго. Здѣсь фигурируютъ „искатели истины“, безъ опредѣленныхъ философскихъ міровоззрѣній—въ лицѣ Алексѣя и Ивана Карамазовыхъ и представительницы „наивнаго міросозерцанія—женщины Екат. Ив. Карамазова и Серебрякова—курсистка. Далѣе выступаютъ представители крайнихъ міровоззрѣній—позитивизма и матеріализма: Красоткинъ, Шугаевъ, Калагановъ, Поспѣловъ и, наконецъ, представитель теистическаго спиритуализма—въ лицѣ студ. дух. академіи—Синайскаго. Путемъ диспутовъ этихъ лицъ, путемъ опроверженія однихъ воззрѣній другими, противоположными имъ, авторъ и обосновываетъ свою философію. Свое личное философское міросозерцаніе авторъ выражаетъ, какъ онъ и самъ объ этомъ неоднократно замѣчаетъ,—устами Сократа и Платона. Разница между этими двумя лицами та, что Платонъ представляетъ собою типъ философскаго міровоззрѣнія въ его развитіи, формированіи, а Сократъ—это уже типъ законченнаго міровоззрѣнія;—другими словами, Платонъ—это г. Козловъ,

только формирующей свою философию,—Сократъ—это г. Козловъ, уже окончательно выработавшей ее.—Про внешнюю форму бесѣдъ можно пожалуй еще замѣтить, что тонъ ихъ рѣшительно сатирической. Авторъ, по словамъ одного рецензента Русской Мысли, какъ-бы старается осмѣять нравы и обычаи той праздної и пустой среды, которая, въ силу пресыщенія всевозможными способами прожиганія жизни, не зная за что схватиться, бросается на философию и изъ нея хочетъ выжать нѣчто въ родѣ приправы къ своимъ попойкамъ и своему празднословію. Обстановка бесѣдъ такая. Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, сосредоточивается около нѣскольکو комичной личности Сократа съ Песковъ. Вокругъ него и группируются перечисленные нами диспутанты. Философствованіе ихъ идетъ всегда во время обѣдовъ и предъ обѣдами. Въ книгѣ встрѣчаются такія сообщенія: сегодня у Сократа пирогъ съ сигомъ и дешевенькое крымское вино, чтобы промочить горло. И вотъ собесѣдники бѣгутъ на Пески: здѣсь пьютъ, ѣдятъ и въ антрактахъ разсуждаютъ „объ уничтоженіи субстанціи и произведеніи акциденціи“. Затѣмъ, не долго спустя, собираются въ трактирѣ, здѣсь снова распиваютъ бутылочку и т. д. По нашему мнѣнію, авторъ совершенно напрасно ввелъ въ свои, серьезные и глубокіе по идеѣ, этюды этотъ „пьяный“ разгулъ. По всей вѣроятности, авторъ имѣлъ въ виду заинтересовать обыкновенную, читающую „журнальную“ публику популярностью и фривольностью своего изложенія. Но для серьезныхъ читателей вся эта фривольность изложенія ничего не доставляетъ, кромѣ непріятнаго чувства.

Въ вышедшихъ книгахъ „Своего Слова“ авторъ не успѣлъ развить свое міровоззрѣніе въ его цѣломъ. Онъ обосновалъ только понятія: субстанціи, бытія, времени, пространства и сопредѣльныхъ съ ними: созерцанія, представленія апріорности и т. п.

Но на основаніи того, что авторъ сдѣлалъ, можно составить довольно полное представленіе о философскомъ міровоззрѣніи автора (I кн. 88 г.). Исходнымъ и начальнымъ пунктомъ разсужденій Козлова является понятіе о субстанціи. Философъ проводитъ ту мысль, что субстанціи не могутъ находиться въ

пространствѣ и быть доступны внѣшнимъ чувствамъ. Это слѣдуетъ, прежде всего, и изъ точнаго опредѣленія самаго термина „субстанція“. Въ философскомъ языкѣ подъ именемъ субстанціи разумѣютъ неизмѣнное бытіе въ противоположность смѣняющемуся, независимое, самостоятельное, въ противоположность зависимому—акциденціи, атрибуту. Другими словами: словомъ „субстанція“ можно обозначить *то, что есть*, пребываетъ сравнительно съ акциденціей или съ тѣмъ, что измѣняется, бываетъ. Въ силу же того, что субстанція есть нѣчто нераздѣльное, единое само по себѣ, по автору, слѣдуетъ, что все подлежащее внѣшнимъ чувствомъ и занимающее пространство, какъ случайное, относительное, *не есть* субстанція. Не могутъ быть субстанціями элементы матеріальнаго міра—атомы. Здѣсь авторъ довольно подробно и основательно доказываетъ, что содержаніе и свойства нашего познанія никакъ не могутъ быть объяснены дѣятельностью матеріи и ея первоначальныхъ элементовъ—атомовъ. Для объясненія содержанія сознанія, необходимо, по автору, признать существованіе особой духовной субстанціи, производящей явленія сознанія. Но такъ какъ эта духовная субстанція имѣетъ очевидную связь съ тѣломъ и эта связь рѣшительно не объяснима при предположеніи существованія рядомъ съ духовными субстанціями и разнородныхъ съ ними матеріальныхъ, то авторъ и приходитъ къ заключенію, что тѣло и весь матеріальный міръ сами по себѣ не существуютъ ¹⁾; они суть лишь значки, подъ которыми скрывается дѣятельность духовныхъ субстанцій, а также связь и отношеніе ихъ другъ къ другу. Эти значки, весьма аналогичны напр. перспективному образу видимыхъ нами вещей, изображаютъ въ своемъ родѣ перспективы, отношенія нашей субстанціи съ другими духовными субстанціями и ихъ взаимодействія.—Наша умственная и духовная жизнь, говоритъ Козловъ въ другомъ мѣстѣ, есть функція духовной субстанціи и происходитъ отъ ея дѣятельности. Этой духовной субстанціи и принадлежитъ сознаніе всѣхъ

¹⁾ Настоящая моя точка зрѣнія, говоритъ авторъ, та, что вовсе нѣтъ никакихъ матеріальныхъ субстанцій, что матерія сама по себѣ не существуетъ, а существуетъ только въ умственномъ актѣ духовной субстанціи (72).

ощущеній, чувствъ и желаній, и простѣйшихъ, и сложнѣйшихъ, возникающихъ въ ней въ безконечномъ разнообразіи, вслѣдствіе ея собственной дѣятельности. Ей также принадлежитъ и сознаніе объ этой собственной дѣятельности и ея продуктахъ. Та же духовная субстанція соединяетъ на основаніи ея собственныхъ принциповъ и соотвѣтственно ея цѣлямъ,— продукты или дѣятельности одного рода напр. познавательной, а также соединяетъ въ одно цѣлое и явленія дѣятельности разныхъ родовъ. Она же координируетъ свои различныя дѣятельности такъ, чтобы они не противорѣчили и не парализовали другъ друга, а приближались бы къ гармоническому единству. Наконецъ, та же субстанція стремится къ возможно большому согласію и гармоніи своей индивидуальной дѣятельности съ дѣятельностью какъ другихъ субстанцій того же рода, напр. людей, такъ и существъ другаго рода, напр. животныхъ. Такъ велико и неограниченно дѣйствіе духовной субстанціи.

Гносеологическія воззрѣнія Козлова ¹⁾ носятъ вполне идеалистическій характеръ. Послѣднимъ рѣшителемъ того, что существуетъ и что не существуетъ, авторъ признаетъ разумъ. Какъ же образуется познаніе въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ? Всякая духовная субстанція образуетъ свои мысли и соединенныя съ ними чувства и волю на основаніи собственныхъ силъ и дѣятельности ²⁾. Все, происходящее въ другихъ субстанціяхъ, можетъ сдѣлаться доступнымъ для какой либо субстанціи только въ той мѣрѣ, въ какой въ ней самой уже подготовлены понятія, чувства и желанія, составляющія элементы того цѣлаго, которое называется убѣжденіемъ. Общеніе же съ другими субстанціями имѣетъ значеніе только въ томъ, что эти подготовленные элементы, бывшіе прежде въ душѣ въ безсознательномъ или въ очень смутно сознаваемомъ состояніи, дѣлаются ярче и яснѣе сознаваемыми. Эта ясность со-

¹⁾ Мы приведемъ здѣсь лишь наиболѣе характерныя черты гносеологій Козлова; въ своемъ цѣломъ его гносеологія можетъ выясниться намъ лишь послѣ разсмотрѣнія всей его философской системы.

²⁾ Наши ощущенія, чувства, желанія, мысли авторъ прямо называетъ *продуктомъ* нашей собственной дѣятельности (см. Свое Слово, кн. 4, стр. 112).

знанія, добавляетъ Козловъ, и есть задача всякаго совершенствованія субстанціи, а потому для человѣка и имѣетъ высокое значеніе общеніе мыслями, чувствами и желаніями съ другими субстанціями, такъ какъ оно можетъ способствовать въ насъ этому переходу изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное.—Гносеологіей Козлова опредѣляются и другія черты его философскаго міровоззрѣнія.

Центральнымъ понятіемъ своей философіи авторъ считаетъ понятіе „бытія“¹⁾. Понятіе бытія составляетъ какъ бы экстрактъ всей системы панпсихизма, которую авторъ проводитъ въ „Своемъ Словѣ“. Авторъ находитъ, что до сихъ поръ очень мало было обращено вниманія на это понятіе. Авторъ и ставитъ своею цѣлью строго, точно и научно обосновать это понятіе. Насколько оно не выяснено, по заявленію автора, можно видѣть изъ того, что это понятіе тождественно по опредѣленію у такихъ не сходныхъ мыслителей, какъ Кантъ и Юмъ. И Кантъ и Юмъ подъ словомъ „бытіе“ разумѣютъ лишь собственно то, что дано чувственному ощущенію. Въ противоположность этому Сократъ (т. е. авторъ) излагаетъ свое генетическое опредѣленіе, стараясь философски отстоять непосредственную фактическую данность элементовъ этого понятія въ сознаніи и единство ихъ въ связи и отношеніи другъ къ другу. Авторъ держится того мнѣнія, что понятіе бытія получается не абстракціей, а приведеніемъ въ отношеніе и единство тѣхъ простыхъ и первоначальныхъ пунктовъ сознанія, на основаніи которыхъ возникаетъ и образуется новый пунктъ сознанія, именно—сознаніе безусловно необходимой связи этихъ простыхъ и первоначальныхъ элементовъ, или то, что мы называемъ *понятіемъ бытія*. Мы имѣемъ, разъясняетъ онъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ, непосредственное и первоначальное сознаніе о собственной субстанціи, ея различныхъ дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей. Приводя посредствомъ дѣятельности мышленія это сознаніе въ отношеніе и единство, мы мыслимъ необходимость этого отношенія и единства въ понятіи бытія, которое и выражаетъ сознаніе: 1) что

¹⁾ Понятіе „бытія“ Козловъ обосновываетъ преимущественно во 2 кн. „Своего Слова“ (изд. 1889 г.).

я безъ дѣятельности и содержанія не мыслимо и есть ничто; 2) что дѣятельность безъ содержанія и единства въ я немислимы и суть ничто; 3) содержаніе безъ дѣятельностей, которыхъ оно есть объектъ, немислимо и есть ничто. Таково общее содержаніе мыслей автора при раскрытіи понятія бытія. Ходъ частнаго развитія мыслей автора въ отношеніи раскрытія этого понятія (бытія) такой. Авторъ сперва старается опредѣлить точно, что Кантъ понималъ подъ понятіемъ бытія. Кантъ, какъ извѣстно, опредѣляетъ бытіе, какъ положеніе вещи. Но что такое это положеніе вещи, Кантъ прямо этого не объясняетъ. Но все же можно видѣть, что онъ это „положеніе“ относитъ не къ понятію бытія, а только къ словесной формѣ, въ которой мы выражаемся, говоря о бытіи. Собственно говоря, само по себѣ слово „есть“ (показывающее „бытіе“) ничего не выражаетъ; непременно къ этому слову нужно сдѣлать мысленно или же устно добавку, что предметъ, о которомъ мы думаемъ, подлежитъ чувственному опыту, чтобы это слово могло имѣть какой-нибудь смыслъ; другими словами, Кантъ подъ бытіемъ разумѣетъ *связь того, что дѣйствительно, съ условіями опыта* или ощущенія.

Указавши, какъ понималъ бытіе Кантъ, авторъ переходитъ къ анализу этого понятія у Юма. И по Юму та мысль, которая соотвѣтствуетъ слову бытіе, ничего не присоединяетъ къ перцепціи вообще, т. е., ни къ впечатлѣніямъ, ни къ происходящимъ отъ нихъ идеямъ, а такъ какъ (по Юму) есть только два эги умственныя состоянія, то слово „бытіе“, не означающее никакого состоянія, есть пустое слово. Существенное сходство между Юмомъ и Кантомъ то, что у обоихъ этихъ философовъ бытіе есть слово, несоотвѣтствующее никакой опредѣленной мысли. И авторъ находитъ опредѣленіе бытія обоими этими философами совершенно несостоятельнымъ. Оба философа считаютъ критеріемъ существованія доступность внѣшнимъ чувствамъ. Но этотъ критерій совершенно несостоятеленъ: полагаться на авторитетъ внѣшнихъ чувствъ нельзя; слѣдуетъ довѣряться лучше голосу разума, чѣмъ показанію внѣшнихъ чувствъ. Для философскаго обоснованія понятія бытія авторъ предлагаетъ, прежде всего, анализъ сознанія.

Все сознание онъ раздѣляетъ на двѣ области: первоначальное или простое сознание и производное или сложное. Простое сознание въ свою очередь можно раздѣлить на три группы: 1) чувственные впечатлѣнія; 2) сознание нашихъ дѣятельностей и состояній и 3) сознание нашей индивидуальной субстанціи, нашего „я“. Понятіе бытія принадлежитъ ко всѣмъ тремъ группамъ этой области; элементы этихъ группъ входятъ въ самыя разнообразныя отношенія другъ къ другу. Эти же отношенія даютъ въ результатѣ нѣсколько новыхъ группъ сознания, среди которыхъ находится и понятіе бытія. Дѣятельность, посредствомъ которой мы выводимъ эти новыя группы сознания, называется мышленіемъ, слѣд. и понятіе „бытія“ есть продуктъ мышленія. Какъ же производить мышленіе это и другія, аналогичныя ему, понятія?

Мышленіе не механически соединяетъ первоначальные элементы сознания, но производитъ совершенно новыя продукты, что похоже на то, какъ въ химіи соединеніе простыхъ тѣлъ даетъ въ результатѣ новыя тѣла съ новыми свойствами. Такими продуктами являются напр. образы и вещи пространственнаго міра: они суть не что иное, какъ результаты отношеній. Отдѣльныя чувственные ощущенія: свѣтовые, мускульныя, осязательныя мы относимъ другъ къ другу и понимаемъ ихъ, какъ *единство, сущее само по себѣ*, или то, что мы разумѣемъ подъ матеріальной субстанціей или вещью. Въ это отношеніе, единство, кромѣ чувственныхъ качествъ, скрытно входитъ еще и сознание о нашихъ дѣятельностяхъ и сознание о нашемъ я. Не сознавая этого скрытнаго и неяснаго происхожденія, мы впадаемъ въ ложную иллюзію, что будто бы предметы матеріальнаго міра даны намъ въ непосредственномъ опытѣ. Но эту иллюзію, этотъ маскарадъ, какъ выражается авторъ, хотя трудно, но все же можно разоблачить. Дѣло, по автору, происходитъ такъ. Не зная непосредственно никакой другой субстанціи, кромѣ своего „я“, мы ошибочно ставимъ ее, какъ совершенно внѣшній намъ предметъ, какъ матеріальную вещь или субстанцію. Далѣе, имѣя опытное понятіе о своихъ дѣятельностяхъ, мы переведемъ это понятіе на „мертвый манекенъ“ матеріальной вещи

и воображаемъ, что она дѣятельна и можетъ быть чьею-либо причиною. Наконецъ, оторвавши и изолировавши продукты нашихъ собственныхъ дѣятельностей отъ самыхъ этихъ дѣятельностей, т. е.; свѣтъ и цвѣта отъ видѣнія, звуки отъ слышанія и т. п., мы наряжаемъ во всю эту разнообразную одежду безчисленные мнимыя существа матеріальнаго міра, начиная съ собственнаго тѣла, и вѣримъ въ самостоятельное бытіе цвѣтныхъ, звучащихъ, холодныхъ и т. п. вещей; но все это, повторяетъ авторъ, только маскарадъ, не истинное бытіе. Истинное же понятіе бытія, по автору, образуется мышленіемъ такъ. Въ нашемъ сознаніи происходитъ постоянная смѣна внутреннихъ состояній. Если мы попробуемъ отвлечься отъ различія въ содержаніи или объектахъ нашихъ дѣятельностей, т. е., нашихъ хотѣній, мыслей, ощущеній и т. п., то и у насъ образуется болѣе или менѣе ясное понятіе объ отношеніи этого содержанія къ нашимъ смѣняющимся дѣятельностямъ, отношеніи, которому въ языкѣ соответствуетъ всеобщая форма постановки этого отношенія посредствомъ вопроса: что? что видимъ, слышимъ, представляемъ и т. д.? Этимъ вопросомъ, съ одной стороны, и отвѣтомъ на него, съ другой, и исчерпывается отношеніе между нашими дѣятельностями и разнообразіемъ объектовъ этихъ дѣятельностей. Это одна сторона вопроса.

Другую сторону вопроса составляетъ понятіе о дѣятельности, которая, конечно, не мыслима безъ связи и отношенія къ содержанію.

Третья сторона понятія бытія составляетъ основаніе тому, что содержаніе и дѣятельность могутъ соединяться, не смотря на все ихъ различіе. Эта третья сторона понятія бытія, соединяющая двѣ остальные и сама соединяющаяся съ ними въ единство, есть „я“, къ которому относится и содержаніе и дѣятельность и въ которомъ они составляютъ единое цѣлое. Какъ безъ этого „я“, напр., могло бы соединяться множество и различіе дѣятельностей съ тождественнымъ содержаніемъ. Какъ было бы возможно, чтобы нѣчто, положимъ—одно, другое, третье, каждый разъ различное видѣніе или слышаніе и т. п. были соединены только съ однимъ содержаніемъ, поло-

жимъ, этого краснаго цвѣта, этого звука. Очевидно, что это возможно, только благодаря тому, что видѣніе или слышаніе не изъ вѣдъ какъ-либо случайно совпадаютъ съ ихъ объектами, а что они имѣютъ своимъ пунктомъ соединенія одно и то же „я“, которое господствуетъ надъ обоими и соединяетъ съ своими дѣятельностями *своей же*, соответствующій имъ, объектъ, чѣмъ и обуславливаетъ возможность тѣснаго отношенія между ними. Это „я“ и есть то третье, въ которомъ нѣтъ различныхъ и существующихъ въ нихъ по себѣ, изолированныхъ содержаній, въ которомъ точно также нѣтъ и раздѣльныхъ, тоже сущихъ самихъ по себѣ дѣятельностей; безъ соединенія въ „я“ и посредствомъ „я“ разрозненныхъ элементовъ сознанія не было бы ни сознанія, ни разума, такихъ, какими мы ихъ въ себѣ знаемъ. Въ этомъ „я“, говоря фігурально, и хранятся продукты прошедшихъ актовъ и коренятся продукты будущихъ ¹⁾. Дѣлая резюме своимъ разсужденіямъ, авторъ такъ опредѣляетъ понятіе бытія со всѣхъ трехъ его сторонъ: 1) Бытіе, какъ содержаніе, есть совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ объектовъ, т. е. такихъ, которые суть результаты дѣятельности субъекта. 2) Бытіе, какъ дѣятельность, есть совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ актовъ, т. е. актовъ, производящихъ объекты. 3) Бытіе, давая общее опредѣленіе этого термина, есть понятіе, содержаніе котораго состоитъ изъ знанія о нашей субстанціи, ея дѣятельности и содержаніи ея дѣятельностей въ ихъ единствѣ и отношеніи другъ къ другу.

Въ 3-й книгѣ „Своего Слова“ авторъ продолжаетъ дальнѣйшее развитіе своей системы панпсихизма; именно, здѣсь онъ обосновываетъ понятіе времени съ точки зрѣнія своей системы. Въ обоснованіи этого понятія онъ выходитъ изъ критики опредѣленія этого термина у бл. Августина. Авторъ находитъ (16 ст.), что бл. Августинъ не только ближе всѣхъ древнихъ, но даже и новыхъ философовъ до Лейбница и Канта, подошелъ къ тому воззрѣнію, что время не существуетъ само по себѣ—объективно, но существуетъ въ душѣ чловѣческой—субъективно. Этого же мнѣнія въ сущности придерживается и авторъ, только онъ старается полнѣе и точнѣе обосновать его.

¹⁾ Свое Слово, 2 кн., 50 стр.

Авторъ находитъ, что время вовсе не есть понятіе, отвлеченное нами изъ вѣшняго опыта, или отъ такъ называемыхъ вѣшнихъ вещей и перемѣнъ, въ нихъ происходящихъ. Мы необходимо объединяемъ и соединяемъ мыслию различные элементы нашего сознанія во временномъ порядкѣ или въ формѣ времени, когда эта форма уже сложилась въ нашемъ сознаніи. Но это вовсе не значитъ, что форма времени дана въ нашемъ сознаніи прежде всѣхъ другихъ продуктовъ нашей познавательной дѣятельности, напр. созерцанія, представленія и т. п. Мы имѣемъ не только первоначальные элементы нашего сознанія, но даже имѣемъ уже нѣкоторые познанія, въ точномъ смыслѣ этого слова, прежде чѣмъ сложилась форма времени, такъ что идея времени является уже благодаря сравненію и отношенію, въ которыя входятъ эти первоначальные элементы чрезъ посредство нашей мыслящей дѣятельности. Происхожденіе времени даже можетъ быть вполне раскрыто анализомъ, который, по автору, рѣшительно долженъ привести къ отрицанію субстанціональности времени и къ признанію его за акциденцію или продуктъ нашей мыслящей дѣятельности.

Начало времени, „первая ячейка его“, происходитъ отъ сравненія содержанія воспоминанія съ содержаніемъ наличнаго представленія, при отнесеніи этихъ обоихъ содержаній къ одному и тому же „я“ и при признаніи ихъ одинаково реальными или данными въ нашей дѣйствительной дѣятельности. Образованіе идеи времени было бы совершенно невозможно, если бы сознаніе о своемъ „я“, неизмѣнномъ и тождественномъ самому себѣ при всѣхъ перемѣнахъ въ его дѣятельностяхъ, не давало бы намъ той незыблемой точки, съ которой мы располагаемъ въ перспективѣ временнаго порядка всѣ, безпрестанно смѣняющіяся, наши впечатлѣнія, созерцанія, чувствованія и распредѣляемъ ихъ прошедшее, настоящее и будущее.

Это отношеніе къ неизмѣнной нашей субстанціи и служитъ тою связью между этими различными по содержанію состояніями, которая дѣлаетъ ихъ элементами нашего единаго, всеобъемлющаго сознанія и безъ которой они распались бы на изолированныя и по своему содержанію абсолютно чуждыя другъ другу явленія.

Вводимые въ заблужденіе нашимъ неяснымъ мышленіемъ и нашимъ фигуральнымъ языкомъ, мы спокойно говоримъ о теченіи времени, или теченіи представленій и вещей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ни время не течетъ, ни вещи не текутъ, а движется или проходитъ чрезъ многоразличный рядъ своихъ состояній и дѣйствій наше мыслящее „я“. Благодаря этому „я“ есть не только время съ его тремя моментами, но и все то, что подчинено законамъ времени, т. е., исторія—не только наша внутренняя, но и внѣшняя—всего міра.—И такъ, время въ его субъективной стадіи развитія есть форма, въ которой наше „я“ понимаетъ, распредѣляетъ и соединяетъ въ своемъ субстанціальномъ единствѣ свои собственные акты воспоминанія ¹⁾, наличнаго ощущенія и ожиданія.

Въ 4-й книгѣ авторъ обосновываетъ съ точки зрѣнія панпсихизма понятіе пространства. Представители эмпирическаго направленія, какъ извѣстно, считаютъ эту идею не апріорнаго, но опытнаго происхожденія. Они, напр. Бэнъ и вообще представители англійской ассоціативной школы, полагаютъ, что пространственная идея образуется, прежде всего, изъ ощущеній мускульнаго чувства, а потомъ изъ соединяющихся съ ними осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній. Въ противоположность этому мнѣнію Козловъ доказываетъ, что ассоціація, по самой своей сущности, не можетъ служить для образованія идеи пространства изъ ощущеній, которыя не пространственны по своей природѣ. Пространство можетъ быть выводимо изъ чувственныхъ ощущеній лишь вслѣдствіе логической ошибки—*petitio principii* и на этой-то ошибкѣ и основанъ выводъ виднѣйшаго изъ представителей современной англійской ассоціационной школы Бэна.

Въ частности, Козловъ находитъ, что признаніе реальности пространства ведетъ за собою цѣлую массу недоразумѣній. Такъ, при предположеніи реальности пространства, оно (пространство) ничѣмъ бы не разнилось отъ его представленія или

¹⁾ Здѣсь Козловъ, по справедливому и для всѣхъ очевидно вѣрному замѣчанію Вл. С. Соловьева, впадаетъ въ логическую ошибку („ложный кругъ“), такъ какъ объясняетъ происхожденіе *времени* изъ таковыхъ, между прочимъ, элементовъ, которые, какъ напр. *воспоминаніе*, уже *предполагаютъ время*.

понятія. По этому предположенію, пространство реальное или сущее внѣ мысли и представленія было бы совершенно тождественнымъ съ мыслию и представленіемъ о немъ, что противорѣчило бы тому основному и исходному понятію, что мысль о реальномъ или о бытіи, къ которому она относится, не есть само это реальное и различна отъ него. Отсюда, при тождествѣ пространства, представляемаго и реальнаго, теряетъ свой смыслъ и самый тезисъ, что пространство есть реальное или сущее само по себѣ, а не мысль или представленіе.

Другое возраженіе противъ реальности пространства такое. Всѣ матеріальныя реальности безъ исключенія находятся въ пространствахъ; но само пространство, которое, по предположенію, есть реальное цѣлое, нигдѣ не находится, или если его во что бы то ни стало нужно помѣстить гдѣ ниб.,—находится въ другомъ пространствѣ, таковомъ же, каково оно само, а это второе въ третьемъ и т. д. въ безконечность; слѣд., оно или совсѣмъ не есть реальность или же оно есть реальность нематеріальная, какъ, напр., мысль, чувство и проч., подобно другимъ реальностямъ, не находящимся въ пространствахъ.

Авторъ приводитъ еще такое соображеніе. Если бы пространство было реально, то мы имѣли бы какіе либо твердо опредѣленные и абсолютные масштабы и мѣры для измѣренія пространственныхъ величинъ, между тѣмъ какъ для насъ мыслимы только относительные. Далѣе. Если бы пространство было реально, то оно дѣйствовало бы на всѣ другія реальности, отражалось бы въ нихъ какими-либо послѣдствіями, т. е. пространство было бы причиною какихъ-либо переменъ въ тѣлахъ, а эти переменны были бы слѣдствіями воздѣйствій на нихъ пространства. Но мы всѣ переменны въ мірѣ физическомъ, пространственномъ приписываемъ не! пространству, какъ таковому, а только физико-химическимъ силамъ, обнаруживающимъ свое дѣйствіе въ пространствахъ. Съ другой стороны, и физико-химическія силы дѣйствовали бы на реальное пространство и, сообразно съ этимъ дѣйствіемъ, постоянно видоизмѣняли бы его, такъ что такая точная и безусловная наука о пространственныхъ отношеніяхъ, какъ геометрія, едва-ли была бы возможна. Если бы пространство

было реально, то невозможно было бы физическимъ тѣламъ свободно помѣщаться въ немъ и быть во взаимодействіи съ сохраненіемъ вездѣ тѣхъ отношеній, которыя обуславливаются законами дѣятельности физическихъ силъ, присущихъ этимъ тѣламъ. Тогда пространство своими собственными реальными силами постоянно препятствовало бы той правильности и непреложности, которыя обнаруживаются для насъ въ законахъ матеріи и ея движеній. Значить, мы не имѣли бы не только нашей геометріи, но и другихъ нашихъ наукъ, напр. механики, физики, химіи. Наконецъ, при реальности пространства было бы совершенно невозможно понятіе пустого пространства, такъ что все пространство было бы наполнено своею собственною реальностью, въ чемъ бы она ни заключалась. Всѣ эти приведенныя нами данныя и заставляютъ автора рѣшительно отвергать реальность пространства и признавать его продуктомъ нашего „я“. Главную роль и въ процессѣ развитія и образованія идеи пространства, по автору, играетъ наша мыслящая дѣятельность, такъ что основныя свойства, которыя мы мыслимъ въ идеѣ пространства, суть на самомъ дѣлѣ признаки не пространства, которое само по себѣ не имѣетъ никакой реальности, а нашей мыслящей дѣятельности, которая по поводу ощущеній созидаетъ эту идею. Развитіе этой идеи пространства проходитъ, по автору, чрезъ стадіи субъективнаго, объективнаго и абстрактнаго или геометрическаго пространства.

Человѣческое мышленіе,—развиваетъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ авторъ,—есть специфическій источникъ для идеи пространства. Человѣкъ не только удерживаетъ въ сознаніи одновременно гораздо продолжительнѣе и прочнѣе различныя качества чувствъ зрѣнія и осязанія въ соединеніи съ мускульными, но, кромѣ того онъ эти качества въ своемъ сознаніи относитъ другъ къ другу, мыслитъ ихъ въ этомъ ихъ взаимномъ отношеніи и этимъ самымъ распредѣляетъ ихъ въ особый специфическій порядокъ, который мы выражаемъ словами: подлѣ, рядомъ, вѣ.

Такимъ образомъ, сущность идеи пространства исходитъ не изъ нашей способности ощущать вообще (видѣть, осязать)

или изъ способности заразъ ощущать два и болѣе качества, что доступно и животному, а изъ нашей человѣческой способности мыслить или объединять въ сознаниі различныя наши акты съ особой точки зрѣнія, которая и составляетъ содержаніе идеи пространства.

Указавши общій источникъ происхожденія идеи пространства, авторъ очень усиленно доказываетъ, что и въ частности образованіе пространственной идеи вполнѣ производится нашей субстанціею. Такъ, самый первый, основной элементъ идеи пространства можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ идеей нѣкотораго мыслящаго субъекта, т. е. именно человѣка. Самыя одновременныя качества ничего не знаютъ ни о себѣ, ни о томъ, что они существуютъ въ одно время.

Далѣе—нужно, чтобы одновременныя качества были сознаны однимъ и тѣмъ же субъектомъ, ибо если бы субъекты были разные, то у нихъ не было бы сознанія объ одновременности двухъ различныхъ цвѣтовъ.—Затѣмъ, сознаваемые качества нужно кому нибудь отнести другъ къ другу и нужно кому нибудь понять, что это отношеніе есть подлѣ, а не послѣ. Потомъ, для того, чтобы изъ всего вышесказаннаго образовалась идея пространства, все это долженъ соединить въ своемъ сознаніи кто либо одинъ. *Этотъ одинъ и есть наша субстанція, или душа*, и ощущающая качества, и удерживающая ихъ со вниманіемъ одновременно, и относящая ихъ другъ къ другу, и мыслящая всѣ эти свои акты заразъ въ одномъ цѣломъ, въ одной идеѣ.

На недоумѣніе наивнаго реализма, какъ это пространство можетъ быть только мыслью или понятіемъ, порядка, если оно не имѣетъ никакого реальнаго значенія въ мірѣ, авторъ отвѣчаетъ такъ. „Люди если и признаютъ пространство за произведеніе своего „я“, то ничего дѣйствительнаго и нужнаго не теряютъ, кромѣ фантастическаго большаго ящика, въ которомъ они привыкли считать себя помѣщенными вмѣстѣ съ тѣмъ міромъ, который они представляютъ, воображаютъ и мыслятъ“¹⁾.

Разумѣется, этого пустаго ящика нигдѣ не существуетъ, но

¹⁾ Свое Слово, 4-я кн., (1892 г.), 121 стр.

изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эта идея пространства не имѣла реального значенія.

Пространственная идея не есть копія или снимокъ съ пространственнаго ящика, а представленіе, вѣрно воспроизводящее отношеніе между нами и міромъ и въ этомъ смыслѣ имѣетъ вполне реальное значеніе и не только для однихъ людей, но и для цѣлаго міра. Это реальное значеніе идеи пространства зависитъ отъ взаимодѣйствія человѣческихъ субстанцій, для которыхъ, по ихъ природѣ, идея пространства составляетъ условіе и средство для высшаго развитія и совершенствованія со всѣми другими субстанціями, составляющими міръ. Въ этомъ взаимодѣйствіи люди вліяютъ на другія существа посредствомъ всѣхъ своихъ дѣятельностей и между прочимъ посредствомъ мыслящей дѣятельности, къ важнѣйшимъ продуктамъ которой принадлежитъ время и пространство, эти самыя широкія условія жизни и дѣйствія людей.

Опредѣленіемъ понятія пространства авторъ закончилъ изложеніе своихъ философскихъ воззрѣній. Хотя онъ далъ, какъ мы видѣли, раскрытіе только четырехъ понятій: субстанціи, бытія времени и пространства, но въ силу центрального значенія этихъ понятій не трудно получить, чрезъ раскрытіе значенія этихъ понятій и общее представленіе о всей философской системѣ Козлова. Для уясненія сущности этой системы мы приведемъ нѣкоторыя частныя философскія представленія Козлова, относящіяся къ важнѣйшимъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія: философіи, религіи, этикѣ.

Отрицая реальность времени, т. е., реальность временныхъ промежутковъ между событіями, авторъ отрицаетъ въ то же время пространственность этихъ событій и движеніе матеріи въ пространствѣ, посредствомъ котораго (движенія) для насъ обнаруживаются эти событія. Это значитъ, что авторъ, признавая реальность самоналѣйшихъ актовъ или дѣйствій существъ, составляющихъ міръ, понимаетъ однако существованіе этихъ актовъ не въ обыкновенномъ смыслѣ. Чтобы отъ кажущагося намъ пространственно-временно матеріальнаго міра перейти къ дѣйствительному бытію, надобно преобразовать тѣ понятія, которыя мы получаемъ при посредствѣ нашего еже-

дневнаго опыта, дающаго намъ вмѣсто дѣйствительныхъ вещей и ихъ отношеній только значки этихъ вещей и отношеній. Правильное истолковеніе этихъ значковъ всегда составляло и будетъ составлять задачу метафизики, науки, которую въ настоящее время отрицаютъ люди, считающіе себя научными, но которая имѣетъ полное право на существованіе, потому что почерпаетъ свой *raison d'être* въ глубинахъ самой мыслящей природы человѣка. Эта-то мыслящая наша природа, выражающаяся въ понятіяхъ, идеяхъ, категоріяхъ или различныхъ точкахъ зрѣнія, и составляетъ главнымъ образомъ предметъ науки, вообще называвшейся философіей, а въ частности теоріей познанія (*метафизикой*) ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ она есть *par excellence* наука о духѣ или разумѣ и составляетъ *a priori* всѣхъ т. н. опытныхъ наукъ. Она есть наука объ общихъ принципахъ и формахъ дѣятельности самого познающаго духа, а потому и необходима, чтобы ясно понимать происхожденіе этихъ общихъ принциповъ и формъ и отношеніе ихъ ко всѣмъ частнымъ актамъ и продуктамъ дѣятельности того же духа, иначе говоря, ко всѣмъ частнымъ наукамъ. Философію по ея значенію и реальности можно сравнить съ лампою, которая въ темномъ помѣщеніи важнѣе всѣхъ другихъ предметовъ въ томъ отношеніи, что, заразъ освѣщая и себя и всѣ другіе предметы, даетъ намъ возможность пользоваться какъ ею самой, такъ и всѣми остальными предметами.

Что касается религіозныхъ убѣжденій автора, то они всецѣло теистическія. Авторъ глубоко убѣжденъ въ существованіи личнаго Бога. Стараясь доказать логическимъ методомъ бытіе Божіе, онъ дѣлаетъ серьезный разборъ Кантовой критики доказательствъ бытія Божія и представляетъ очень дѣльную поправку къ Декартовскому изложенію онтологическаго доказательства бытія Божія. Авторъ находитъ (и вполне правильно), что отрицаніе бытія Божія составляетъ полное логическое противорѣчіе. Вѣдь не допускать существованія чего ндѣ ибу можно только тогда, когда имѣешь понятіе о томъ

¹⁾ Козловъ, очевидно, беретъ здѣсь цѣлое за часть—метафизику въ цѣломъ вмѣсто одной части ея—гносеологии (см. 4 кн. Св. Сл., стр. 113); съ своей точки зрѣнія онъ впрочемъ имѣетъ логическое право на такое словоупотребленіе.

предметъ, существованія котораго не допускаешь. Поэтому и отрицать со смысломъ существованіе Бога можно только тогда, когда о Немъ имѣешь понятіе ¹⁾. Признавая бытіе Бога, авторъ признаетъ и бессмертіе души, и съ своей точки зрѣнія довольно удачно выясняетъ вѣчное существованіе нашей субстанции.—Куда дѣвается „я“ послѣ смерти? Вотъ вопросъ, который можетъ предложить всякій человѣкъ, вѣрящій въ бессмертіе души и интересующійся будущимъ послѣ этой жизни. Да оно никуда не дѣвается, отвѣчаетъ авторъ. Оно вѣдь не было въ тѣлѣ, когда тѣло было живымъ, оно никуда и не дѣвалось, когда стало мертвымъ. „Я“—не находится въ пространствѣ, слѣд. въ своемъ существованіи не зависитъ отъ тѣла, которое одно только подчинено пространству. Но такъ какъ пространство со всѣмъ находящимся въ немъ есть актъ этого „я“, то тѣло, которое также есть представленіе этого „я“, вполне зависитъ въ своемъ пространственномъ помѣщеніи отъ дѣятельности „я“.

„Я“ не зависитъ отъ времени и не находится въ немъ, ибо полагать время и размѣщать въ немъ различныя явленія, какъ это дѣлаемъ мы, можетъ только существо, по своей природѣ, не зависящее отъ времени. Итакъ, не находясь во времени, мы включаемъ во время только нѣкоторый отрывокъ изъ своей дѣятельности, отрывокъ, называемый нами нашею жизнію; на самомъ же дѣлѣ *всегда будемъ*, даже и тогда, когда не будемъ нуждаться заключать себя въ условія пространства и времени, когда будемъ внѣ земныхъ условій.

Что касается этики, то, по взгляду Козлова, она не можетъ быть чисто опытной наукой, потому что ея высшія основанія всегда берутся изъ какой либо философской системы. Всѣ главныя понятія этики безъ помощи философскихъ началъ не могутъ быть установлены, а слѣдовательно, и приложены къ какимъ-либо частнымъ фактамъ. Но такъ какъ этика рассматриваетъ дѣйствія человѣческія, то прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, что такое дѣйствіе,—вопросъ, всецѣло относящійся къ философіи. Далѣе слѣдуетъ вопросъ: что такое

¹⁾ Подр. объ этомъ см. 2 кн. „Слова“ 14--30 стр. и 3-ю, стр. 90 и слѣд.

человѣкъ, какъ существо дѣйствующее? Можетъ ли онъ дѣйствовать и какъ можетъ?

Очевидно, что этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ понятіями субстанціи и причины. Очевидно также и то, что философскія направленія, отрицающія реальность субстанціи и реальность причинности, каковы, напр., скептицизмъ или строгій позитивизмъ, объ какой-либо этикѣ и говорить не должны. Для нихъ ни философской, ни эмпирической, просто никакой этики не можетъ быть по той простой причинѣ, что они отрицаютъ и дѣйствія вообще и спеціально человѣческія дѣйствія, ибо человѣкъ, какъ собраніе какихъ-то явленій, никому не являющихся, никѣмъ и ничѣмъ не производимыхъ и не собираемыхъ, дѣйствовать, конечно, не можетъ. Если же скептики и позитивисты и говорятъ, что они имѣютъ свою эмпирическую этику, то это, съ ихъ стороны, полный произволь и рѣшительное недоразумѣніе.

Представляя изъ себя, по своему философскому міросозерцанію, строгаго субъективнаго идеалиста ¹⁾, разсматриваемый нами философъ, разумѣется, отрицательно относится ко всѣмъ противоположнымъ ему философскимъ системамъ: матеріализму, позитивизму, эволюціонизму. Онъ ведетъ съ ними самую неустанную и оживленную полемику. Всѣ философскія произведенія Козлова, по крайней мѣрѣ на половину,—состоятъ изъ этой полемики. Мы приведемъ здѣсь мнѣніе Козлова о позитивизмѣ, а также характерныя черты изъ опроверженія имъ этого направленія. Онъ вообще не долгобливаетъ позитивизма,—этого скрытаго матеріализма. Авторъ очень невысокаго о немъ мнѣнія. Онъ постоянно указываетъ на полную философскую его несостоятельность.

Распространенность же позитивизма онъ объясняетъ тѣмъ, что позитивизмъ (неумышленно) пользуется софистикой. Отрицая всяческія субстанціи и особенно нашу духовную субстанцію, наше „я“, позитивисты берутъ назадъ свое отрицаніе и замѣняютъ его утвержденіемъ въ невинныхъ и столь обычныхъ выраженіяхъ, гдѣ является словечко „мы“. Выходитъ,

¹⁾ Мы думаемъ, что есть всѣ данныя назвать такъ философское міросозерцаніе автора, хотя самъ онъ и не любитъ называть такъ свою систему, предпочтя называть ее „панпсихизмомъ“.

что эти „мы“ тайкомъ пожираютъ всю дѣятельность „я“ и всю его дѣйствительность.

Чтобы вся пустота позитивизма или феноменизма сдѣлалась совершенно ясной, надобно: 1) требовать отъ его представителей, чтобы они строго и подробно опредѣляли употребляемые ими термины, особенно же такія ходячія словечки, какъ: „фактъ“, „опытъ“, „мы видимъ“ и „наука говоритъ“. 2) Должно какъ можно внимательнѣе сопоставлять эти объясненія и опредѣленія другъ съ другомъ, чтобы ясно видѣть всю ихъ дисгармонію и ошибочность. Особенно не должно позволять позитивистамъ употреблять различные термины въ ихъ общепринятомъ, обычномъ смыслѣ, на который они не имѣютъ права въ силу своихъ собственныхъ теорій. Такъ достаточно было бы потребовать, чтобы вмѣсто всѣхъ „мы“ они попробовали употреблять тѣ термины, которыми они замѣняютъ терминъ „я“ въ своей критикѣ понятія субстанціи, чтобы убѣдиться въ несостоятельности позитивизма. Пусть, напримѣръ, говорятъ вмѣсто „мы“ „метафизическій фантомъ“ или „иллюзія воображенія“ или „совокупность свойствъ“ и т. п. Я увѣренъ, говоритъ авторъ, что соблюденіе этихъ предосторожностей вывело бы на свѣтъ Божій софистику позитивизма и избавило бы отъ опасности впасть въ позитивистическое заблужденіе, что будто бы „я“ есть не субстанція, а какой-то „пучокъ“ или совокупность свойствъ“ 1).

Замѣткой этою мы и окончимъ изложеніе философскихъ воззрѣній Козлова. Значеніе его, какъ стойкаго и убѣжденнаго защитника философіи и очень вооруженнаго 2) борца противъ позитивизма, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ ни старались въ свое время его противники (особенно Лесевичъ) умалить его значеніе, сколько бы ни изоцряли они надъ нимъ свое остроуміе, это его значеніе, повторяемъ, было неоспоримо. Что же касается собственныхъ философскихъ воззрѣній Козлова, то, не вдаваясь въ ихъ частный разборъ, мы имѣемъ основаніе сказать, что они отличаются оригинальностью, логичностью и глубокою послѣдовательностью своихъ выводовъ.

А. Никольскій.

1) Свое Слово, кн. 2-я, 62 стр.

2) По сознанію самого предпринимателя его ученья Лесевича.

СУЖДЕНІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОВѢДОВЪ XIX ВѢКА ВЪ ЗАЩИТУ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Еще греческій мудрецъ Платонъ сказалъ, что вселенная есть посланіе Бога къ человѣку. Судя по этому, естествознаніе должно быть естественнымъ союзникомъ религіи. Но въ минувшемъ вѣкѣ матеріалисты и невѣры, становясь подъ знамя естествовѣдѣнія, начали упорную борьбу противъ вѣры въ Бога и вѣчную жизнь.

Вслѣдствіе этого широко распространилось мнѣніе, что естествовѣдѣніе—наука опасная для религіи и почти неизбѣжно ведущая къ атеизму и матеріализму. Такое мнѣніе усердно поддерживалось нѣкоторыми естествовѣдами XIX-го вѣка, прославленными, но пережившими свою славу. Одинъ изъ такихъ, Бюхнеръ, высказалъ, что изъ трехъ естествовѣдовъ два непременно атеисты (*tres physici, duo athei*).

Тѣмъ не менѣе считать естествовѣдѣніе врагомъ религіи нѣтъ достаточныхъ основаній. Естествовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ фактами опыта внѣшняго, поэтому не можетъ рѣшать вопросовъ о душѣ и началѣ міра. Если же естествовѣдѣніе беретъ за эти вопросы, то перестаетъ быть естествовѣдѣніемъ, а обращается въ натуръ-философію. Между тѣмъ тѣ же естествовѣды, которые провозглашали матерію основой всего сущаго, объявляли себя противниками всякой философіи. Не явное ли противорѣчіе?

Но въ эти тонкости не всякому охота входить. Полезнѣе для разрушенія предубѣжденія относительно враждебности естествовѣдѣнія противъ религіи провѣрить, насколько спра-

ведливо увѣреніе Бюхнера, будто двѣ трети естествовѣдцовъ—атеисты. Мы не будемъ касаться корифеевъ естествовѣдѣнія прошлыхъ вѣковъ: Кеплера, Ньютона, Бакона, Паскаля и имъ подобныхъ. Ихъ религіозныя убѣжденія общеизвѣстны. Но, ограничиваясь однимъ девятнадцатымъ вѣкомъ, мы дозволимъ себѣ, въ ряду естествовѣдцовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, упомянуть о нѣкоторыхъ математикахъ, врачахъ и натурь-философахъ.

Изъ нѣмецкихъ астрономовъ въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ проводили религіозныя убѣжденія Фр. Брессель (ум. 1846 г.), І. Энке (ум. 1865) и І. Мэдлеръ (ум. 1874). Первый обращалъ вниманіе на тотъ фактъ, что одновременность обращенія луны вокругъ своей оси и вокругъ земли не можетъ быть дѣломъ случая и произведеніемъ однихъ естественныхъ факторовъ. О Мэдлерѣ рассказываютъ, что онъ, переходя на новую квартиру, прежде всего перенесъ туда Библію съ словами: „эта книга прежде всѣхъ другихъ должна войти въ мой домъ“¹⁾.

Большею извѣстностію у насъ пользуется итальянскій астрономъ Анджело Секки (ум. 1878 г.), книга котораго: „Единство физическихъ силъ“ переведена на русскій языкъ. Заслуга его предъ наукою заключается главнымъ образомъ въ примѣненіи спектральнаго анализа къ изслѣдованію звѣздъ.

Секки обосновывалъ бытіе личнаго Бога на бытіи души въ человѣкѣ. Причина, говорилъ онъ, вызвавшая къ существованію человѣка, должна, по меньшей мѣрѣ, содержать въ себѣ то, чѣмъ обладаетъ человѣкъ. Человѣкъ разуменъ, индивидуаленъ. Этими же свойствами должна обладать первая причина. Но эта перво-причина, какъ возвышенная надъ всѣмъ тварнымъ, познаваема не вполне, а только отчасти²⁾.

Весьма популярный, нынѣ здравствующій, астрономъ Камилль Фламмаріонъ является ревностнымъ глашатаемъ идеализма. Онъ въ сочиненіи „Богъ въ природѣ“ пишетъ: „Съ развитіемъ

¹⁾ Pestalozzi: Die christl. Lehre in Beispielen. Zürich. 1895. S. 53. Мэдлеръ съ 1840 по 1865 г. состоялъ профессоромъ астрономіи въ Юрьевскомъ университетѣ. Энцикл. Слов. Брокгауза. Т. 18, стр. 900.

²⁾ Die grössten Geister über die höchsten Fragen. D—r phil. H. Engel. 2-te Aufl Leipzig. 1899. S. 9. Этою книгою мы наиболѣе пользовались при составленіи статьи. Въ дальнѣйшемъ она будетъ цитоваться сокращенно: „Engel“ s.

понятій о природѣ должно развиваться и очищаться понятіе о ея Творцѣ. Одно съ другимъ неразрывно и идетъ параллельно. Расширяя кругъ нашихъ созерцаній и разливая свѣтъ на общее устройство природы, открытія науки просвѣтляютъ и возвышаютъ наше понятіе о Богѣ“¹⁾.

Отъ астрономовъ перейдемъ къ физикамъ и химикамъ. Андрей Амперъ (ум. 1836 г.), изобрѣтатель электродинамики и названной по его имени теоріи магнетизма, былъ ревностный католикъ. Во время французской революціи, когда религіозные обряды были запрещены, онъ исполнялъ ихъ тайно. Книгу Оммы Кемпійскаго: „о подражаніи Христу“ Амперъ зналъ наизусть. Араго говоритъ о немъ: „внимательное чтеніе Библии и церковныхъ писателей было для него оплотомъ, коимъ юный (въ годы революцій) физикъ утверждалъ свою вѣру въ минуты колебанія“²⁾.

Ерстедъ (ум. 1851 г.), открывшій отклоненіе магнитной стрѣлки чрезъ электрическій токъ, твердо вѣрилъ въ правящій міромъ Разумъ и видѣлъ въ естествовѣдѣніи союзника религіозному міросозерцанію. „Наука, писалъ онъ, имѣетъ то общее съ религіей, что она насъ поднимаетъ надъ чувственнымъ. Человѣкъ, не смотря на внушенія религіи, склоненъ придавать значеніе дѣйствительности только чувственному. Наука выведетъ его изъ этого предубѣжденія, когда покажетъ, что та земля, которая при поверхностномъ наблюденіи представляется основой всего существующаго,—сама только движущійся членъ огромной системы. что небо и земля—только явленія, за которыми скрывается болѣе широкій и постоянный міропорядокъ“.

Фарадей (ум. 1867 г.) признается однимъ изъ величайшихъ естествоиспытателей. Одинъ перечень его открытій по физикѣ занялъ бы цѣлую страницу. Этотъ осторожный эксперимен-

¹⁾ Цит. проф. О. П. Свѣтлова: „Опытъ апологет. изложенія православно-христіанскаго вѣроученія. Т. I Кіев. 1899. Стр. 12. Въ числѣ противниковъ механическаго міровоззрѣнія можно упомянуть замѣчательнаго математика и астронома Іог. Пфаффа, бывшаго въ некоторое время проф. дерптскаго университета (ум. 1835). Въ этомъ профессоръ глубокія астрономическія познанія безирривѣрно сочетались съ вѣрою въ астрологію. Слов. Брокг. L, 857.

²⁾ Engel. S. 11.

таторъ въ теченіе послѣднихъ 27 лѣтъ былъ исправнѣйшимъ прихожаниномъ немногочисленной общины и отправлялъ тамъ иногда должность проповѣдника ¹⁾). Въ своей перепискѣ онъ нерѣдко переходитъ отъ научныхъ вопросовъ къ религіознымъ и наоборотъ. Фарадей высказывалъ сожалѣніе, что образованный умъ и нравственность не всегда и даже рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Чаше встрѣчаемъ образование безъ нравственныхъ правилъ или нравственную жизнь безъ образованности ума. Соединенныя въ одномъ лицѣ умъ и нравственность особенно бываютъ пригодны возвѣщать славу Бога въ Его твореніяхъ. Самъ Фарадей можетъ быть признанъ образцемъ нравственной стойкости. По природѣ онъ былъ человѣкъ нервный и вспыльчивый, но съ помощію самовоспитанія обратилъ этотъ внутренній огонь на созиданіе жизни, а не на разореніе ея. Ему предстояло обогащеніе, если бы онъ занялся прикладной химіей, но этотъ сынъ кузнеца и подмастерье переплетчика—съ молодости предпочелъ умереть бѣднякомъ, прослуживши сорокъ лѣтъ чистой наукѣ. По мѣрѣ успѣха его опытовъ въ физикѣ, росло его удивленіе къ премудрости Бога. Однажды онъ сказалъ своему ассистенту: „какъ дивна и таинственна сила магнетизма, которую мы изучаемъ? Чѣмъ болѣе я размышляю объ этомъ, тѣмъ менѣе я постигаю эту силу“. Вотъ отвѣтъ тѣмъ, которые думаютъ, что христіанская религія теряетъ довѣріе съ успѣхомъ естественныхъ наукъ.— Предъ принятіемъ пищи Фарадей прочитывалъ молитву. Впрочемъ индифферентный къ религіи Тиндаль затрудняется называть это *итеніемъ* молитвы. „Это, говоритъ Тиндаль, скорѣе была довѣрчивая мольба сына къ Отцу, изложенная библейскимъ языкомъ“ ²⁾).

Нѣмецкій врачъ и естествоиспытатель Юлій Робертъ Майеръ (ум. 1878 г.) извѣстенъ, какъ борецъ противъ матеріализма и дарвинизма. Успѣхъ дарвинизма Майеръ объяснялъ тѣмъ, что дарвинизмъ отвѣчалъ потребности въ механической (без-

¹⁾ Хамикъ Пристлей (ум. 1808 г.) также былъ пресвитеріанскимъ проповѣдникомъ.

²⁾ Engel. 12—15; С. Смаяльсь. Характеръ, пер. Майковой. Сиб. 1889 стр. 178.—179; 186—187.

божной) теоріи мірообразованія. Въ дарвинизмѣ Майеръ видѣлъ противонаучную попытку проникнуть во внутреннюю лабораторію природы. Мы не постигаемъ процесса рожденія, совершающагося предъ нашими глазами, какъ же можемъ мы уразумѣть процессъ первоначальнаго зарожденія жизни изъ неорганической матеріи? „Называющіе себя мудрыми, обезумѣли“ (Рим. 1, 12), замѣчаетъ Майеръ словами ап. Павла. Не признавалъ Майеръ борьбу за существованіе міровымъ принципомъ: „не голодъ, не война и не ненависть держать вселенную, но Любовь“. Вообще, по мнѣнію Майера, „ничѣмъ инымъ не можетъ быть истинная философія, какъ введеніемъ къ христіанской религіи“ ¹⁾).

Джемсъ Клеркъ Максвелль (ум. 1879 г.), профессоръ физики въ Кембриджѣ, „долженъ быть причисленъ къ числу величайшихъ естествоиспытателей всѣхъ временъ; въ немъ соединялась рѣдкая пронизательность ума съ богатой научной фантазіей; глубокое знаніе математики съ необыкновенной экспериментаторской ловкостью. Складъ ума его ближе всего подходилъ къ складу ума Фарадея“ ²⁾). Онъ прилагалъ къ себѣ выраженіе ап. Павла: „я знаю, въ Кого я вѣрую“ (2 Тим. 1, 12). Его вѣра не боялась испытаній и провѣрки. Онъ писалъ: „я изслѣдовалъ системы атеизма и нашелъ, что въ существѣ каждой изъ этихъ системъ лежитъ предположеніе бытія Бога; только ученые творцы системъ старательно избѣгаютъ употреблять Его имя“ ³⁾).

Съ этимъ замѣчаніемъ Максвелля навѣрно согласятся наиболѣе внимательные къ своей душевной жизни ученые отрицатели. Припомнимъ здѣсь признаніе Ренана: „я чувствую, что всею моею жизнію управляетъ вѣра, которой у меня уже нѣтъ: вѣра имѣетъ ту особенность, что продолжаетъ дѣйствовать, даже когда она умерла“. Такое свойство вѣры отмѣчено еще схоластиками, выразившими его въ слѣдующемъ афоризмѣ: „у вѣрующаго всегда есть основаніе сомнѣваться, а у невѣрующаго—вѣрить, такъ что вѣрующій заслуживаетъ награды за вѣру, а невѣрующій наказанія за невѣріе“.

¹⁾ Слов. Брокгауза, т. 35, стр. 370. Engel. 16—17.

²⁾ Слов. Брокг. т. 35, стр. 435.

³⁾ Engel. 17—18.

Знаменитый англійскій химикъ Г. Деви (ум. въ 1829 г. 50 лѣтъ отъ роду) въ своей книгѣ „утѣшительныя размышленія путника или послѣдніе дни естествоиспытателя“ восторженно говоритъ о христіанской религіи, сравниваетъ ее съ маякомъ на бурномъ морѣ и съ оазисомъ въ бесплодной пустынѣ. Вѣру кроткаго сердца Деви предпочиталъ другимъ духовнымъ дарамъ: геніальности, изобрѣтательности, остроумію и фантазіи. „Дѣйствіе религіи, пишетъ онъ въ названной книгѣ, переживаетъ всѣ земныя радости, оно усиливается въ то время, когда тѣлесныя органы слабѣютъ и тѣло приближается къ разрушенію. Религія подобна яркой вечерней звѣздѣ на горизонтѣ жизни, которая, вѣрую, провесетъ свои лучи черезъ мракъ смерти и по ту сторону станетъ утренней звѣздой“¹⁾).

Деви принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, о которыхъ можно сказать словами русскаго поэта: „блаженъ, кому дано два слуха: кто и церковный слышитъ звонъ, и слышитъ вѣщій голосъ Духа“.

Хорошо извѣстенъ въ Россіи гиссенскій профессоръ химіи Юстусъ Либихъ (ум. 1873). Многіе русскіе ученые (напр., А. Воскресенскій, Н. Зининъ, Ходневъ, Ильенковъ, Н. Соколовъ) были его учениками. Его сочиненіе по органической химіи переведено на русскій и другіе европейскіе языки. Онъ примѣнилъ химію къ хозяйству, фізіологіи и патологіи. Онъ не чуждался философіи и извѣстенъ, какъ ораторъ. Въ одной изъ рѣчей своихъ онъ воскликнулъ: „не забывайте, что мы при всемъ нашемъ знаніи и силѣ, при нашей дѣятельности и духовномъ величіи остаемся близорукими людьми и что вся наша сила заключается въ общеніи съ верховнымъ Существомъ!“ Въ одномъ изъ своихъ сочиненій по агрикультурѣ Либихъ сознается въ своей ошибкѣ относительно примѣненія нѣкоторыхъ удобреній и причину ошибки видитъ въ забвеніи о божественной мудрости, ненуждающейся въ человѣческихъ поправкахъ: „въ своей слѣпотѣ, пишетъ Либихъ, я вообразилъ, что въ удивительной цѣпи законовъ, которые под-

¹⁾ О научныхъ заслугахъ Деви Слов. Брокг. т. 19, стр. 242—243. О религіозной настроенности у Engel'я. 18—19.

держиваютъ жизнь на поверхности земли, забыто одно звено, и я, слабый червь, призванъ вставить это звено!!“¹⁾

Не мало представителей христіанскаго міровоззрѣнія находимъ между геологами. Изъ нихъ Авраамъ Вернеръ (ум. 1817) былъ піэтистъ; Андрей Вагнеръ (ум. 1861) свои положительныя воззрѣнія на откровенную религію высказалъ въ своей „Исторіи первобытнаго міра“²⁾.

Второстепенную важность для утвержденія или опроверженія библейской космогоніи имѣютъ хронологическія догадки геологовъ и палеонтологовъ о древности рода человѣческаго. Но по свидѣтельству серьезнѣйшихъ и виднѣйшихъ ученыхъ библейская хронологія доселѣ заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ предположенія нѣкоторыхъ геологовъ. Такъ современный канадскій геологъ Джонъ Даусонъ (род. 1820 г.) рѣшительно высказывается въ пользу библейской космогоніи. „Когда бы кѣмъ бы ни было, пишетъ онъ, сдѣлана была попытка изобразить исторію мірозданія, попытка эта не можетъ представить чегонибудь болѣе высокаго и достойнаго, чѣмъ библейское повѣствованіе о твореніи. Наиболѣе древніе изъ всѣхъ найденныхъ слѣдовъ существованія человѣка не заходятъ за 6000 лѣтъ“. Во многихъ, строго научныхъ своихъ сочиненіяхъ Даусонъ опровергалъ Дарвина и эволюціонную теорію³⁾.

Одновременно съ Даусономъ боролся противъ дарвинизма Фридрихъ Пфафъ (ум. 1886). Онъ не видѣлъ трудности согласовать данныя геологіи съ библейской традиціей. Между прочимъ онъ писалъ относительно хронологіи геологовъ: „всѣ числа, которыя заимствуются изъ геологическихъ періодовъ времени для опредѣленія древности человѣческаго рода, въ

1) Слов. Брокг. т. 34, стр. 640—641 Engel. 19—21.

2) Полное названіе этой книги: Geschichte d. Urwelt, mit besond. Berücksichtigung. d. Menschenrassen u. d. Mosaischer Schöpfungsberichts. Leipzig. Слов. Брокг. IX, 341. Такихъ же научныхъ воззрѣній держались геологи: Іогаинъ Фуксъ († 1870), Леопгардъ, Карлъ (ум. 1862) и Густавъ Бишофъ († 1870). Научныя заслуги Вернера, Бишофа и др. геологовъ указаны въ слов. Брокг. XV, 406—407.

3) Цитаты взяты изъ 2-го т. Христ. апологетики Рождественскаго Н. П. Спб. 1884 г. стр. 208, 209 и 253. Перечень трудовъ Даусона см. въ слов. Брокгауза XIX, 160—161. Воззрѣнія Даусона изложены въ кн. прот. І. Петропавлова: „въ защиту Христ. Вѣры“ 1898 г. т. 2, глава: Геологическія изслѣдованія о человѣкѣ.

высшей степени недостоверны; изъ нихъ заслуживающія наибольшаго вѣроятія не констатируютъ болышей древности существованія человѣка на землѣ, какъ около 5000—7000 лѣтъ ¹⁾).

Геологъ Жанъ Андре Демокъ (ум. 1817) выставялъ на видъ согласіе научныхъ открытій съ данными Библии и писалъ о превосходствѣ христіанства предъ другими религіями ²⁾).

Самымъ выдающимся зоологомъ въ первой трети XIX в. былъ Георгъ Кювье (ум. 1832). Рожденный въ протестантской семьѣ, Кювье съ юности готовился къ пастырскому званію ³⁾. Но обстоятельства сбили его съ этого пути, и онъ возвысился надъ современниками и приобрѣлъ общеевропейскую извѣстность, какъ геологъ, палеонтологъ и творецъ сравнительной анатоміи. Знатностію своею онъ пользовался во славу протестантской церкви, заботился объ образованіи и правахъ своихъ единовѣрцевъ, устроилъ до пятидесяти новыхъ приходо-
вѣ ⁴⁾. Еще въ то время, когда въ допотопныхъ слояхъ не открыли человѣческихъ остатковъ, Кювье высказался за согласіе библейскаго извѣстія о потопѣ съ геологическими изысканіями ⁵⁾.

Кювье былъ точный ученый. Онъ не сочувствовалъ скороспѣлымъ и слабо обоснованнымъ гипотезамъ. Поэтому, когда Жоффруа Сентъ Илеръ—однѣ изъ предшественниковъ Дарвина началъ провозглашать идею о единствѣ плана въ мірѣ животныхъ, то Кювье въ публичномъ диспутѣ „на голову разбилъ Жоффруа“, по выраженію Фогта. Къ научнымъ аргументамъ Кювье присоединялъ и теологическіе. Но напрасно иногда пытаются представить Кювье реакціонеромъ и обскурантомъ. Кювье, какъ никто въ его время, ратовалъ за народное просвѣщеніе, боролся противъ закона о запрещеніи нападокъ на религію и о цензурѣ ⁶⁾.

¹⁾ Цитата изъ апологетикъ Рождественскаго Н. II. т. 2, стр. 252. Указаніе сочиненій въ словарь Брокг. L, 857. Въ названной кн. прот. I. Петропавлова воззрѣнія Шфаффа изложены въ главѣ: „Древность и происх. человѣческаго рода“ (т. 2).

²⁾ Подробнѣе о немъ см. въ ст. проф., прот. Т. Буткевича: „Вузгарный рачіон. въ Германіи“. Вѣра и Разумъ. 1899 г. № 9. Стр. 568—569.

³⁾ Слов. Брокг. XXXIII, 162—163.

⁴⁾ Engel. 21—22.

⁵⁾ Апологетика Н. II. Рождественскаго. т. 2, 342 стр.

⁶⁾ „Кювье“. Біогр очеркъ. Энгельгарта. Спб. 1891. Изд. Павленкова. Стр.

Геологъ Гуго Миллеръ (ум. 1857) въ своей автобіографіи, указавши на восходящую лѣстницу твореній, вѣнцомъ этой лѣстницы и недосягаемымъ идеаломъ для человѣка считаетъ Христа. „Въ ученіи о Богочеловѣкѣ, говоритъ онъ, какъ Владыкѣ вѣчнаго Царства Божія, мы видимъ осуществленіе того прогресса, выше котораго ничего нельзя и представить: Творецъ и твореніе встрѣчаются въ одномъ пунктѣ и соединяются въ одномъ Лицѣ“ ¹⁾

Не чуждъ былъ нашего отечества знаменитый англійскій геологъ Мурчисонъ (ум. 1871 г.). Въ 1845 году онъ издалъ капитальный классическій трудъ по геологіи Россіи, который еще не скоро можетъ потерять значеніе. Путешествуя по Россіи, онъ полюбилъ Россію и русскій народъ. Предъ крымской войной Мурчисонъ публично въ Англии возставалъ противъ этой войны христіанскихъ государствъ за исламъ. Въ 60 годахъ, когда успѣхи Россіи въ Средней Азіи взволновали Англию, Мурчисону удалось спокойнымъ объясненіемъ дѣла утишить это волненіе. Этотъ ученый въ заключительныхъ словахъ своей Силурии признаетъ въ развитіи органическаго міра до человѣка неопровержимое доказательство творческаго плана и Промысла ²⁾.

Минералогъ Стеффенсъ, профессоръ Берлинскаго университета (ум. 1845 г.), былъ весьма благочестивый лютеранинъ и въ духѣ христіанства воспиталъ свою дочь. Но чуждый нетерпимости, онъ умѣлъ быть другомъ и свободомыслящаго Гёте и пастора Шейбеля ³⁾.

Какъ естествовѣдъ, и Гёте долженъ быть нами упомянутъ (ум. 1832 г.). Правда, Гёте не былъ великимъ естествоиспытателемъ, но все же „успѣлъ высказать такія плодотворныя идеи, слѣды которыхъ доселѣ остались въ наукѣ и даже, по всей вѣроятности, не изгладятся и въ самомъ отдаленномъ будущемъ“ ⁴⁾.

74—75, 79—80. Къ христіански настроеннымъ геологамъ Энгель относятъ Елде-Бомонда († 1874) и Вильяма Букланда († 1856).

¹⁾ Engel 22—23.

²⁾ Слов. Брокг. XXXIX, 219—220. Engel, 23.

³⁾ Engel, 109. Объ апологетическихъ воззрѣніяхъ Стеффенса см. съ ст. проф. прот. Т. Бутъевича: „Невѣріе XIX в.“ Вѣра и Разумъ. 1899 г. № 11, стр. 679—680.

⁴⁾ Слов. Брокг. XVI, 594—596. Имѣютъ значеніе работы Гете по зоологіи, анатоміи, остеологіи, ботаникѣ и физикѣ. Методъ Гете—индуктивный

Есть основанія причислить Гете къ свидѣтелямъ за истину Христову, но есть и препятствія. Препятствіе это заключается въ томъ, что Гете, будто-бы, былъ пантеистомъ. Дѣйствительно, онъ нѣкоторое время увлекался Спинозою, но увлекаться Спинозою, этимъ могучимъ представителемъ ума и характера, можно и не будучи пантеистомъ. Кромѣ того нужно помнить, что Гете не былъ философомъ, а всегда, даже въ естественно-научныхъ изысканіяхъ оставался поэтомъ. Пантеистическое же представленіе о Богѣ абстрактномъ не свойственно поэту, который мыслить образами. Быть поэтомъ и никогда не знать религіозныхъ восторговъ—нельзя. Быть можетъ, Гете усвоилъ въ пантеизмѣ то вѣрное представленіе о Богѣ, что Онъ, по слову ап. Павла, „не далеко отъ каждаго изъ насъ. О Немъ живемъ, движемся и есмь“ (Дѣян. XVII, 27—28). Богъ есть Духъ Личный, но не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ личностію признается человѣкъ: въ Единомъ Богѣ три Лица.—Но дадимъ мѣсто поэту.

Въ своемъ Фаустѣ поэтъ говоритъ отъ лица своего героя:

Кто знаетъ,
 Кто можетъ „вѣрю“ сказать?
 Духовный и мудрецъ не хочетъ понимать
 И на вопросъ двуплюбо отвѣчаетъ.
 Кто можетъ великое Имя назвать?
 Кто можетъ, спросясь у разсудка; сказать:
 „Во истину вѣрю въ Него“?
 Кто можетъ заглушить святое упованье
 И, сердцу отказавъ и голосу призванья,
 Сказать: „я не вѣрю въ Него“?
 Единый, Предвѣчный,
 Въ Вѣкахъ Безконечный
 Хранитель тебя и меня—
 Не Онъ ли въ созданьи хравить и Себя?
 Кто сводъ сей воздвигнулъ небесный,
 На Комъ оперлася земля?
 Откуда свѣтъ солнца чудесный?
 Кѣмъ блещетъ ночная звѣзда?

Гете искренно чтить Библію и вотъ что онъ говорилъ о ея достоинствѣ: „то почитаніе, которое оказываютъ Библии многіе народы и многія поколѣнія, она заслужила своимъ достоинствомъ. Это не просто народная книга, но книга народовъ,

потому что она исторію одного народа сдѣлала символомъ всѣхъ остальныхъ, начала ее отъ возникновенія міра и чрезъ рядъ матеріальныхъ и духовныхъ событій, необходимыхъ и случайныхъ происшествій довела ее до отдаленныхъ областей вѣчности.... Это не только—всеобщая книга, но всеобъемлющая бібліотека народовъ. Чѣмъ выше подыметя образованіе, тѣмъ болѣе истинно—мудрѣе люди, но не верхогляды, конечно, будутъ пользоваться этой книгой, какъ фундаментомъ и средствомъ воспитанія“.

Вопросъ о подлинности или неподлинности библейскихъ извѣстій Гете считалъ празднымъ. Что же называть подлиннымъ, писалъ онъ, какъ не то, что согласуется съ чистѣйшей природой и разумомъ и служитъ высшему развитію нашего духа? Во всякомъ случаѣ я всѣ четыре Евангелія считаю за совершенно подлинныя; въ нихъ чувствуется отраженіе Христова величія, отраженіе Божества, только единожды посѣтившаго землю. Если спросятъ меня: могу ли я преклониться предъ Нимъ? Всесовершенно. Я преклоняюсь предъ Нимъ, Онъ для меня откровеніе высшаго начала нравственности“.

О величій христіанства Гете такъ высказался въ своемъ сочиненіи: „годы странствованія Вильгельма Мейстера“: „Это высшій предѣлъ поступательнаго движенія человѣчества. Христіанство не только превзошло все земное и удостовѣрило свое высшее происхожденіе, но указало божественный характеръ въ ничтожномъ и бѣдномъ, въ осмѣянномъ и презираемомъ, въ позорномъ и несчастномъ, въ страданіяхъ и смерти; даже самый грѣхъ и преступленіе оно научило съ снисхожденіемъ и вниманіемъ разсматривать не какъ препятствіе, но какъ побужденіе къ святости. Правда, слѣды этого мы находимъ во всѣ времена, но слѣдъ разнится отъ достиженія, и коль скоро это достигнуто, то человѣчество не отступится отъ пріобрѣтенія, и смѣло можно сказать, что христіанская религія, разъ появившись, не можетъ исчезнуть; представляя собою воплощеніе Божества, она веразрушима“.

Въ бесѣдахъ съ Эккерманомъ Гете пишетъ: „пусть умственная культура прогрессируетъ, пусть естествовѣдѣніе растетъ и въ глубину и въ широту, пусть совершенствуется умъ че-

ловѣческой, сколько угодно, но никогда онъ не возвысится надъ той высотой и нравственной культурой, которая свѣтитъ въ Евангеліяхъ“.

По мнѣнію Гете, Богъ не только создалъ міръ, но и дѣйствуетъ въ немъ непрерывно. „На этой матеріальной основѣ устроенъ питомникъ для міра духовъ; Богъ дѣйствуетъ въ высшихъ сферахъ, чтобы поднять низшія“.

„Старецъ великій“ даже свои юношескія увлеченія Гегельянствомъ считалъ дѣломъ предосудительнымъ. „Какъ блудный сынъ, писалъ онъ, я долго пасъ свиней у гегельянцевъ, но теперь я возвратился къ истинному Богу“. „Долго я сопротивлялся, наконецъ сдался: когда ветхій человѣкъ обращается въ прахъ,—новый возстаетъ. И пока ты не слышишь словъ: „умри и возстань“, ты лишь усталый гость на пиршествѣ земли“.

Но эту борьбу вѣры и невѣрія неизбежно, кажется, переживать всѣмъ великимъ умамъ. Эту борьбу Гете признавалъ „дѣйствительной, единственной и глубочайшей темой исторіи міра, и человѣка“. При этомъ духовная „производительность людей стоитъ въ прямой зависимости отъ ихъ религіозности“ ¹⁾.

Одинъ изъ выдающихся ученыхъ XIX вѣка, геологъ Чарльзъ Ляйэлль (ум. 1875)—особенно чтится дарвинистами. Но принимая теорію развитія (эволюціи), Ляйэлль былъ чуждъ механическаго міровоззрѣнія. Въ главномъ своемъ трудѣ: „Основы геологіи“ онъ пишетъ: „въ какомъ бы направленіи мы ни производили наши изслѣдованія, повсюду мы открываемъ яснѣйшія доказательства предусмотрительности, силы и мудрости творческаго Разума“ ²⁾.

Такихъ же воззрѣній на природу держался другой сторонникъ эволюціонной теоріи—знаменитый швейцарскій энтомологъ, ботаникъ и палеонтологъ Освальдъ Гееръ (ум. 1883 г. ³⁾). Вмѣстѣ съ естественными науками онъ изучалъ теологію и 22-хъ лѣтъ поступилъ въ духовное званіе. Но потомъ отдался всецѣло естествовѣдѣнію. Дарвинъ и Ляйэлль дали восторженные отзывы о его ученыхъ трудахъ. Въ своемъ трудѣ о до-

1) Engel. 237—242.

2) Тамъ же. 23—24. Слов. Брокг. XXXV, 272—273.

3) Слов. Брокг. XV, 285. Engel, 24—26.

историческомъ состояніи Швейцаріи этотъ ученый пишетъ: „Изученіе флоры и фауны прошлыхъ вѣковъ показываетъ намъ рядъ величественныхъ явленій, постепенное приближеніе къ теперешнему состоянію, усовершенствованіе организациі животныхъ, замѣчательное совпаденіе преобразования коры земной съ развитіемъ органической природы. Это не позволяетъ сомнѣваться, что природа въ своемъ процессѣ развитія представляетъ безконечно величавое гармонически цѣлое, въ основѣ котораго лежитъ планъ и мысль. Чѣмъ болѣе мы познаемъ жизнь природы, тѣмъ болѣе увѣряемся, что только вѣра во всемогущаго и всемудраго Творца неба и земли, отъ вѣка установившаго міропорядокъ, разрѣшаетъ загадку природы и человѣческой жизни. Не только человѣческое сердце возвѣщаетъ намъ Бога, но и природа, особенно когда мы съ этой точки зрѣнія созерцаемъ чудную исторію нашей земли, ея флору и фауну“. По случаю смерти своей дочери, Гееръ писалъ другу: „все знаніе и могущество человѣка не удовлетворяетъ насъ и имѣетъ только подчиненное значеніе. Правда, созерцаніе чудесъ природы наполняетъ насъ удивленіемъ, но сердце наше остается холодно; и только мысль, что Богъ любовно общается съ своими тварями и милуетъ ихъ, согрѣваетъ и успокоиваетъ наше сердце. Онъ одинъ внушаетъ намъ надежду на высшій міропорядокъ и бодрую увѣренность, что всѣ мы записаны въ книгу жизни. Да, любовь есть высшее, она вѣчна“.

Въ другомъ письмѣ Гееръ благодаритъ Бога за то, что естественнонаучныя занятія укрѣпили его въ вѣрѣ, „что всемогущее и всевѣдущее существо создало небо и землю, что Христосъ открылъ намъ новый духовный міръ и привелъ къ сознанію нашего отношенія къ Богу—Отцу и нашего вѣчнаго назначенія, что мы всѣ включены въ чудный міропорядокъ, въ неизслѣдованное и необъятное Божіе Царство, о которомъ мы здѣсь имѣемъ только смутное предчувствіе; это Царство откроется намъ, когда мы освободимся отъ праха земного“.

Отъ сторонниковъ Дарвина перейдемъ къ самому творцу эволюціонной теоріи. Пора увлеченія Дарвиновой теоріей уже миновала. Въмѣстѣ съ зерномъ въ его работахъ находятъ ше-

духу и мякину. Предъ смертью (умъ въ 1882 г.) онъ самъ признался, что „былъ поспѣшенъ въ выводахъ и сильно преувеличивалъ и далъ слишкомъ большое значеніе дѣйствию естественнаго подбора“ ¹⁾. Наиболѣе сдержанно къ гипотезамъ Дарвина отнеслись французскіе ученые, но наименѣе критицизма проявили (особенно въ семидесятые годы) по отношенію къ Дарвину русскіе ученые и дилетанты естествовѣдѣнія. Дарвинъ сдѣлался для нихъ непогрѣшимъ, какъ папа, и теорію развитія пытались примѣнить къ наукамъ историческаго и социальнаго характера. За дарвинизмъ, какъ за свое родное знамя, ухватились матеріалисты и атеисты. Самъ Дарвинъ очень смутился, когда узналъ, что его причисляютъ къ безбожникамъ, и не понималъ, какъ его воззрѣнія могутъ оскорбить чьи либо религіозныя чувства. Фантастическія гипотезы о происхожденіи органическаго міра изъ неорганическаго принадлежатъ Геккелю, а не Дарвину. По Дарвину же, всѣ существа живыя произошли отъ созданныхъ Творцомъ первоначальныхъ формъ. „Оба акта—возникновеніе вида и рожденіе особи суть части той великой цѣпи причинъ, которую нашъ духъ не можетъ признать результатомъ слѣпонаго случая, пишетъ Дарвинъ въ сочиненіи „о происхожденіи человѣка“. Здѣсь же Дарвинъ сообщаетъ, что на вопросъ о существованіи Творца и Міроправителя величайшіе умы отвѣчали всегда утвердительно ²⁾).

¹⁾ Апологетика Н. П. Рождественскаго. II, 219. Между прочимъ и въ болѣе раннее время Дарвинъ признавалъ, что различіе между душою человѣка и животныхъ „огромно, если даже мы будемъ сравнивать, съ одной стороны, душу самаго низшаго дикаря, неумѣющаго считать болѣе четырехъ, а съ другой стороны, душу самой высокоорганизованной обезьяны. Различіе несомнѣнно осталось бы все таки огромнымъ и въ томъ случаѣ, если бы одинъ изъ высшихъ обезьяннихъ видовъ удалось привести въ такое же облагороженное и цивилизованное состояніе, въ какомъ является собака сравнительно съ своею коренною формой волкомъ или шакаломъ. Туземцы Огненной земли принадлежатъ къ самымъ низшимъ расамъ. Однако трое изъ нихъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Англіи и научившись немного по англійски, стали похожи на насъ всѣмъ своимъ психическимъ складомъ и болѣею частію своихъ духовныхъ способностей“. Самое значительное различіе человѣка и животныхъ, по Дарвину, состоитъ въ прирожденномъ нравственномъ чувствѣ перваго: Пронсх. человѣка и половой подборъ. Главы 2-я и 3-я.

²⁾ Engel. 26. Слов. Брокг. XIX, 138—135.

Не всѣ и русскіе естествовѣды слѣпо отнеслись къ теоріи Дарвина и другихъ болѣе рьяныхъ эволюціонистовъ. Устоялъ при общемъ увлеченіи членъ Петербургской Академіи наукъ Карлъ Максимовичъ Бэръ (по нѣмецки Карлъ Эрнестъ Бэръ), умершій въ 1876 году. Это—„одинъ изъ самыхъ многостороннихъ и выдающихся естествоиспытателей новаго времени, въ особенности знаменитый эмбриологъ. Сочиненія его отличаются философской глубиной и по своему ясному и точному изложенію настолько же привлекательны, насколько и общепонятны. Наука обязана ему главнѣйшими данными по исторіи развитія органическихъ тѣлъ“¹⁾).

Въ одной изъ своихъ рѣчей Бэръ говоритъ: „многообразныя стремленія, въ которыхъ Богъ отказалъ животнымъ, вложилъ Онъ въ грудь человѣка, чтобы человѣкъ господствовалъ надъ своей животной природой: стремленіе къ святости, которое мы называемъ вѣрою, стремленіе къ долгу, которое мы называемъ совѣстью, исканіе истины, что мы называемъ любознательностію, любовь къ прекрасному, что мы называемъ эстетическимъ чувствомъ. Благодаря этимъ стремленіямъ человѣкъ становится подобіемъ Божиимъ, они — компасъ, указующій путь къ совершенству“.

Естествоиспытатель, по Бэру, привыкъ наблюдать, что дѣйствительность соотвѣтствуетъ органамъ воспріятія: есть око, есть и свѣтотворныя волны; есть слухъ, есть и колебанія воздуха, уловляемая слухомъ. Есть органъ для воспріятія сверхчувственнаго—вѣра, должно существовать и сверхчувственное.

Натуралистъ, близко наблюдающій явленія природы, не всегда способенъ за ближайшей причиною видѣть причину истинную. Напримѣръ раздались въ лѣсу звуки флейты то

¹⁾ Слов. Брокг. IX, 277—278. Бэру принадлежитъ наиболѣе удачное объясненіе, почему правый берегъ рѣкъ выше лѣваго, названное „закономъ Бэра“ Тамъ же, 272—273. Какъ эмбриологъ, Бэръ признавалъ несостоятельнымъ эмбриологическое доказательство Дарвинизма, состоящее въ томъ, будто человѣческій зародышъ въ своемъ развитіи послѣдовательно проходитъ черезъ всѣ формы фауны. Противъ этого предположенія дарвинизма возставалъ даже извѣстный матеріалистъ Карлъ Фогтъ (*Revue scientifique*, 16 oct. 1886) и извѣстный специалистъ по сравнительной анатоміи Луи Граціоле въ сочиненіи „Сравнительная анатомія нервной системы“. О послѣднемъ въ Слов. Брокгауза XVIII, 530.

могучіе, то нѣжные, и слушатель, никого еще не видя, дѣлаетъ заключеніе о присутствіи въ лѣсу охотника или музыканта. Приходитъ слышавшій музыку на мѣсто, откуда неслись звуки, но тамъ осталась только улитка, сидѣвшая во флейтѣ и куколка, бывшая на верху флейты. Онѣ рьяно опровергаютъ восхищеннаго слушателя. „Какая тамъ мелодія“, какой музыкантъ, говоритъ улитка, ничего этого не было. Я сама была во флейтѣ, нашла тамъ маленькое углубленіе и спокойно наблюдала. Вдругъ труба задрожала, пронесся въ ней вѣтеръ, который и выбросилъ меня. Все это очень просто“. Опровергаетъ слушателя и свѣдущая въ физическихъ явленіяхъ куколка. „Это явленіе, говоритъ она, я точно наблюдала: у меня верхняя оболочка очень чувствительная, хотя я и не люблю изъ нея выглядывать. Не было ни музыки, ни музыканта, а простое, то быстрое, то замедленное дрожаніе поверхности, на которой я сидѣла“. Вотъ достовѣрные наблюдатели. Подобны имъ и физики, съ телескопомъ не находящіе Бога на небѣ, со скальпелемъ не открывающіе мѣста для безсмертной души въ человѣческомъ тѣлѣ.

Органы воспріятія развиваются путемъ упражненія, а безъ того могутъ атрофироваться. Еще болѣе это можно сказать объ органѣ богопознанія. Представьте себѣ, говоритъ Бэръ, что въ дебряхъ Африки нашли кѣмъ-то потерянную тетрадь съ нотами. Ищутъ свѣдущихъ людей для опредѣленія, что это за вещь и зачѣмъ она. Туземцы—негръ или бушменъ—говорятъ, что это сухіе листья. Готтентотъ, знакомый съ колонистами, говоритъ, что это бумага съ заклинаніями. Колонистъ придетъ въ недоумѣніе при видѣ каракуль, которымъ его не учили въ школѣ. Но покажите тетрадь музыканту. Для него не мертвы, но живы музыкальные знаки, и онъ опредѣлитъ вамъ, кто былъ творецъ этихъ симфоній. Такъ и книгу природы правильно читать можетъ только тотъ, кто постигъ природу, какъ цѣлое, какъ Космосъ ¹⁾.

Съ великимъ почтеніемъ Бэръ относился къ Библии. Онъ полагалъ, что древность человѣка не можетъ быть много бо-

¹⁾ Eugel, 26—30.

лѣе той, которая высчитывается по даннымъ библейской хронологіи. Новѣйшія нападки на библейское повѣствованіе о твореніи Бэръ считаетъ „смѣшнымъ анахронизмомъ, съ которымъ давно уже покончила новѣйшая естественная наука. Намъ ничего не завѣщано отъ древняго времени болѣе возвышеннаго, чѣмъ библейское ученіе о твореніи“¹⁾).

Бэръ—полурусскій, полунѣмецъ. Но и среди чистокровныхъ русскихъ естествовѣдцовъ были и есть люди, способные подняться надъ міросозерцаніемъ улитки и куколки. Таковъ, въ особенности, былъ Николай Ивановичъ Пироговъ (ум. 1881 г.)— „одинъ изъ величайшихъ врачей и педагоговъ настоящаго столѣтія. Онъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ сталъ въ широкихъ размѣрахъ систематически экспериментировать, стремясь рѣшать вопросы клинической хирургіи опытами надъ животными. Пироговъ занимаетъ въ исторіи русской медицины исключительное мѣсто, какъ профессоръ и клиницистъ. Онъ создалъ школу хирургіи, выработалъ строго научное и рациональное направленіе въ изученіи хирургіи. За границей его имя было очень популярно не только среди врачей, но и публики. Подъ конецъ жизни Пироговъ занялъ былъ своимъ дневникомъ подъ заглавіемъ: „Вопросы жизни; дневникъ стараго врача“. Здѣсь предъ читателемъ возстаетъ образъ высокоразвитаго и образованнаго человѣка, считающаго малодушіемъ обходить такъ называемые проклятые вопросы. Дневникъ Пирогова—не философскій трактатъ, а рядъ замѣтокъ мыслящаго человѣка, составляющихъ, однако, одно изъ самыхъ назидательныхъ произведеній русскаго ума. Вѣра въ высшее Существо, какъ источникъ жизни, во вселенскій Разумъ, разлитый повсюду, не противорѣчитъ, въ глазахъ Пирогова, научнымъ убѣжденіямъ. Вселенная представляется ему разумной, дѣятельность силъ ея—осмысленной и цѣлесообразной, человѣческое я--не продуктомъ химическихъ и гистологическихъ элементовъ, а олицетвореніемъ общаго вселенскаго Разума“²⁾).

¹⁾ Studien aus d. Gebiete d. Naturwissenschaften. Petersb. 1876. B. 2-te. s. 412 und 465. (Цит. изъ анологетика Рождественскаго, II, 208 и 253).

²⁾ Слов. Брокгауза. XLVI, 651—653. Постоянные читатели ж. Вѣра и Разумъ

Но и при согласіи съ этимъ положеніемъ, можетъ быть разногласіе относительно способа и момента проявленія творческаго Разума въ жизни природы. Такое разногласіе произошло между Дарвиномъ и Альфредомъ Уоллесомъ (Балласомъ), которому принадлежитъ честь одновременнаго съ Дарвиномъ изложенія ученія о естественномъ подборѣ. Уоллесъ „значительно разошелся съ Дарвиномъ въ особенности въ вопросѣ о возможности перехода челоѣкообразныхъ обезьянъ въ челоѣка безъ вмѣшательства высшей причины“. Интересно отношеніе русскихъ дарвинистовъ къ этому сочиненію Уоллеса. Съ одной стороны, имъ было желательно подтвердить Дарвинову гипотезу сочиненіемъ одного изъ геніальнѣйшихъ творцовъ эволюціонной теоріи, съ другой, имъ было грустно разстаться съ предположеніемъ, что челоѣкъ произошелъ отъ обезьяны. И вотъ русскіе ученые сначала сокращаютъ книгу Уоллеса съ пропускомъ неблагонамѣренной мысли о недостаточности натуральныхъ фактовъ для изясненія происхожденія челоѣка, а потомъ дѣлаютъ переводъ болѣе полный, но съ предварительнымъ опроверженіемъ мнѣнія Уоллеса о происхожденіи челоѣка. Первый способъ избранъ малосвѣдущимъ популяризаторомъ отрицательныхъ доктринъ Благо-свѣтловымъ, а второй профессоромъ натуралистомъ Н. П. Вагнеромъ. Вотъ съ какой свѣтобоязною механическое міровоззрѣніе проводилось въ русскую читающую публику! Это тѣмъ болѣе примѣчательно, что почтенный профессоръ Вагнеръ—вовсе не сторонникъ механическаго міровоззрѣнія и даже убѣжденный спиритъ, какъ и Уоллесъ, но въ своей неудачной полемикѣ съ Уоллесомъ онъ подчинился духу времени ¹⁾).

Самъ Дарвинъ проявилъ болѣе терпимости къ своимъ противникамъ, чѣмъ русскіе почитатели Дарвина къ его единомышленнику Уоллесу. Извѣстно съ какимъ почтеніемъ отно-

знакомы съ міросозерцаемъ Пирогова по ст. Д. Добромыслова: „Философія Пирогова по его дневнику“. В. и Р. 1893. №№ 6—9. Боткинъ былъ также религіознымъ челоѣкомъ.

¹⁾ То были семидесятые годы. См. эту исторію въ книгѣ А. Э. Гусева: „Натуралистъ Уоллесъ и его русскіе переводчики и критики“. 1878 г. Объ Уоллесѣ въ слов. Брокгауза IX, 422.

сился Дарвинъ къ Катрфажу, извѣстному французскому зоологу и антропологу (ум. 1891 г.), хотя Катрфажъ заявилъ себя противникомъ Дарвина и былъ поборникомъ обособленнаго „Царства человѣка“; за одно изъ главныхъ отличій человѣка Катрфажъ признавалъ его религіозность ¹⁾.

За „Царство человѣка“ стоялъ біологъ и ботаникъ Карлъ Марціусъ (ум. 1868 г.), прославившійся многими капитальными сочиненіями. Во время своихъ научныхъ путешествій по Бразиліи онъ наблюдалъ за индѣйцами и убѣдился, что они „нѣкогда были не таковы, что въ теченіе нѣсколькихъ темныхъ столѣтій нѣкоторые перевороты обрушились на нихъ и они пришли въ теперешнее состояніе вырожденія. Американцы одичавшее, выродившееся племя“. Надъ гробомъ своимъ Марціусъ завѣщалъ поставить зеленый крестъ. „Крестъ, объяснилъ онъ, потому что я христіанинъ, а зеленый въ честь ботаники“ ²⁾.

Прот. Ст. Остроумовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Словарь Брокг. XXVIII, 760.

²⁾ Engel. 31—33. Слов. Брокг. XXXVI, 708.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но, тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально—историческаго и научно—этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководствуясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ къ просвѣщеннымъ священно-служителямъ Св. Церкви, какъ ближе всѣхъ стоящимъ къ народу, а также и къ другимъ лицамъ, съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ свое содѣйствіе въ не-легкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или

въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предрасудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще не напечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана бесплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи всѣхъ корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для бесплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій Пчеловодъ Г. А. Кузьминъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Апрѣля № 8. 1901 года.

Содержаніе. Именной Высочайшій указъ.—Положеніе о Высочайше учрежденномъ Комитетѣ попечительства о русской иконописи.—Высочайшая отмѣтка.—Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Именной Высочайшій указъ

Правительствующему Сенату.

Благолѣшіе храмовъ Божіихъ и украшающихъ оныя святыхъ иконъ издревле составляетъ предметъ душевной потребности православнаго русскаго народа. Въ Монаршихъ заботахъ о процвѣтаніи русской иконописи и охраненіи въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ нашей старины, признали Мы за благо учредить подъ непосредственнымъ покровительствомъ Нашииъ Комитетъ попечительства о русской иконописи.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе въ исполненію утвержденнаго Нами и при семъ препровождаемаго Положенія объ означенномъ Комитетѣ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ.

19 марта 1901 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„БЫТЬ ПО СЕМУ“.

Въ Царскомъ Селѣ.

19 марта 1901 года.

П О Л О Ж Е Н І Е

о Высочайше учрежденномъ Комитетѣ попечительства о русской иконописи.

1) Комитетъ попечительства о русской иконописи состоитъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государи Императора.

2) Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, егермейстера Высочайшаго Двора, графа Шереметева.

3) Непременнымъ членомъ-управляющимъ дѣлами Комитета состоятъ академикъ, тайный совѣтникъ Кондаковъ.

4) Въ составъ Комитета входятъ, на правахъ членовъ, представителя отъ Святѣйшаго Синода и Министерствъ: Императорскаго Двора, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Народнаго Просвѣщенія и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по одному отъ каждаго, назначаемые слми вѣдомствами, съ Высочайшаго одобренія.

Сверхъ того, Комитету предоставляется приглашать въ засѣданія своя, съ правомъ совѣщательнаго голоса, постороннихъ лицъ, участіе коихъ можетъ оказаться полезнымъ при разсмотрѣніи спеціальныхъ вопросовъ, касающихся различныхъ отраслей и нуждъ иконописнаго дѣла.

5) Комитетъ имѣетъ цѣлю: взысканіе мѣръ къ обезпеченію благосостоянія и дальнѣйшаго развитія русской иконописи; сохраненіе въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ русской старины и византійской древности; содѣйствіе иконописи въ достиженіи художественнаго совершенства и установленіе дѣятельныхъ связей ея съ религіозною живописью въ Россіи вообще и церковною живописью въ частности.

6) Для достиженія сихъ цѣлей, Комитету предоставляется:

а) открывать иконописныя школы въ иконописныхъ селахъ Владимірской губерніи, а въ послѣдствіи, по мѣрѣ потребности, и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и завѣдывать этими школами;

б) содѣйствовать устройству, при школахъ и внѣ ихъ, артелей иконописцевъ, работающихъ по стѣннымъ росписямъ, для исполненія епархіальныхъ, правительственныхъ и общественныхъ заказовъ по росписи православныхъ церквей и соборовъ;

в) издавать руководства и пособія для иконописцевъ и Лицевой Иконописный подлинникъ, состоящій изъ образцовыхъ снимковъ съ святыхъ чудотворныхъ и особо чтимыхъ иконъ въ предѣлахъ

Россіи и христіанскаго Востока и древнихъ памятниковъ византійскаго искусства на Западѣ;

г) открывать иконныя лавки въ городахъ для торговли лучшими произведеніями иконной промышленности, организовать иконописныя и подобныя имъ художественныя выставки, устраивать иконописныя музеи и собранія.

7) Суммы, необходимыя для осуществленія перечисленныхъ въ предыдущей статьѣ (6) предпріятій, а также на расходы по дѣлопроизводству Комитета, командировкамъ членовъ его, по приобрѣтенію иконъ и живописныхъ произведеній, отпускаются изъ Государственнаго Казначейства по сношеніямъ Комитета съ Министромъ Финансовъ и съ Высочайшаго разрѣшенія.

8) По всѣмъ вопросамъ, касающимся содѣйствія благосостоянію и совершенствованію иконописнаго дѣла, Комитету предоставляется входить въ непосредственныя сношенія съ центральными учрежденіями всѣхъ вѣдомствъ.

9) Постановленія Комитета по возникающимъ въ немъ предположеніямъ о новыхъ мѣрахъ къ развитію иконописнаго дѣла, а равно и по другимъ важнѣйшимъ дѣламъ, повергаются предсѣдателемъ Комитета на Высочайшее благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества.

10) Внутренній порядокъ занятій въ Комитетѣ опредѣляется предсѣдателемъ онаго.

11) Комитетъ имѣетъ печать съ надписью: „Высочайше учрежденный Комитетъ попечительства о русской иконописи“.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что, въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коропованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, священникъ Преображенской церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Александръ Павтелѣвъ соорудилъ на собственныя средства на престолъ названной церкви металлическое одѣяніе, стоимостью 900 р., съ серебряно вызолоченными по сторонамъ онаго изображеніями: Преображенія Господня, святителя Христова Николая, мученицы царицы Александры, благовѣрнаго князя Александра Невскаго и преподобныя матери Параскевы, и прихожане Космо-Даміановской

церкви села Людзи, того-же уѣзда, при участіи причта сей церкви, устроили въ оной новый иконостасъ, стоимостью 1500 руб., а отставной унтеръ-офицеръ Гавріилъ Налѣинъ пожертвовалъ для сего иконостаса четыре иконы, цѣною въ 110 руб.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева Его Императорскому Величеству, въ 23-й день февраля 1901 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „*Прочелъ съ удовольствіемъ*“.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу кавалерской думы ордена *св. Анны*, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 3-й день минувшаго февраля, пожаловать означенный орденъ 3-й степени статскимъ совѣтникамъ: преподавателю Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища Михаилу *Кокареву*, за безпорочное прослуженіе 12 лѣтъ сряду въ одномъ мѣстѣ и въ одной и той-же должности не ниже VIII класса, и Харьковскому епархіальному миссіонеру кандидату богословія Дмитрію *Боголюбову*—за отличіе, обаянное по п. 14 ст. 459 Учр. Орд. т. I, ч. 2, Св. Зак., изд. 1892 г.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Свода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 22-й день марта текущаго года, на сопрічисленіе, за 50-ти-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Анны 3-й степени* священника Крестовоздвиженской церкви въ слободѣ Гончаровѣ, Купянскаго уѣзда, Захарію *Жукова*.

Списокъ лицамъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы, къ 1-му числу апрѣля 1901 года, ко дню Св. Пасхи, за заслуги по духовному вѣдомству, медалями, съ надписью „за усердіе“:

для ношенія на шеѣ:

серебряными: на *Станиславской лентѣ*: старосты церквей: слободы Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ *Скубка*, села Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Дикій* и слободы Ново-Николаевки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Вилинцевскій*;

для ношенія на груди:

золотымъ: на *Станиславской лентѣ*: старосты церквей: села Лашинцовки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Сисой *Гулевскій*,

села Александровки, Богодуховскаго уѣзда, мѣщанинъ Павелъ Богомолотовъ; серебряными: на *Аннинской лентѣ*: старосты церквей: слободы Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, отставной унтеръ-офицеръ Яковъ *Жилевъ* и села Новаго, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Бреславскій*; на *Станиславской лентѣ*: попечитель церковно-приходской Николаевской, что въ слободѣ Ново-Псковѣ, школы, Старобѣльскаго уѣзда, временный купецъ Теодоръ *Ивановъ*, временный купецъ Иванъ *Ивановъ*; староста церкви села Межирича, Лебедивскаго уѣзда, крестьянинъ Даміанъ *Ткаченко*.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 13—28 декабря 1900 года за № 5221, постановлено: разрѣшенный въ 1900 году совѣту состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣдующихъ въ продолженіе всей недѣли о слѣдующемъ во всѣхъ городскихъ и монастырскихъ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу Попечительства продолжить и на будущее время.

Отъ 20 марта—4 апрѣля 1901 года за № 1148, объ установленіи торжественнаго празднованія 11 мая, дня памяти святыхъ первоучителей Словенскихъ Меодія и Кирилла, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ.

По указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе объ установленіи торжественнаго празднованія 11 мая, дня памяти святыхъ первоучителей Словенскихъ Меодія и Кирилла, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ. Приказали: Святые Меодій и Кирилл, именуемые въ церковныхъ писаніяхъ «Церкви Словенскія Апостолами, Словенскихъ странъ просвѣтителями и учителями», положили начало христіанскому просвѣщенію народа русскаго проповѣдію слова Божія на языкѣ словенскомъ и переводомъ священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ на родное наше нарѣчіе, на коемъ пздревле совершается православное богослуженіе. Православная Россійская Церковь, во всегдашнее воспоминаніе незабвенныхъ заслугъ во благо оной святыхъ первоучителей Словенскихъ Меодія и Кирилла, установила празднованіе

памяти ихъ одиннадцатаго мая. Дабы закрѣпить въ юныхъ сердцахъ учащихъся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ такое благоговѣнное и признательное воспоминаніе великихъ подвиговъ святыхъ Меодія и Кирилла, положившихъ начало христіанскому просвѣщенію народа нашего и тѣмъ завѣщавшихъ настырямъ церковнымъ и учителямъ школьнымъ распространеніе народнаго просвѣщенія въ духѣ святой Православной Церкви, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ установить чествованіе памяти первоучителей Словенскихъ, 11 мая, во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а именно: духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ, мужскихъ духовныхъ училищахъ и женскихъ училищахъ епархіальныхъ и духовнаго вѣдомства, а также въ церковныхъ школахъ, съ освобожденіемъ въ этотъ день учащихся отъ учебныхъ занятій, и поему опредѣляетъ: во всѣхъ сихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ совершать ежегодно печеромъ 10 мая въ церкви при духовно-учебномъ заведеніи или мѣстной приходской торжественное всенощное бдѣніе съ чтеніемъ, по желанію, акаенста святымъ Меодію и Кириллу; 11 мая—божественную литургію и послѣ оной молебень святымъ Меодію и Кириллу, при чемъ учащіеся во время означенныхъ богослуженій принимаютъ участіе въ чтеніи и пѣніи; въ послѣобѣденное время въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ предоставляется назначать торжественныя собранія, съ чтеніемъ учащими записокъ о великихъ подвигахъ, подъятыхъ святыми братьями Меодиємъ и Кирилломъ во благо всѣхъ словенскихъ народовъ, и приличествующими торжеству пѣснопѣніями, а въ церковныхъ школахъ къ 11 мая приурочивается ежегодный актъ, на коемъ производить выдачу свидѣтельствъ окончившимъ курсъ ученія, а гдѣ позволяютъ средства, и наградъ лучшимъ ученикамъ книгами или картинами духовно-нравственнаго содержанія. Установляя таковой порядокъ празднованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ для памяти первоначальниковъ и зиждителей нашего духовнаго просвѣщенія, Святѣйшій Синодъ уповаетъ, что насажденное въ землѣ нашей трудами и подвигами святыхъ первоучителей книжное ученіе будетъ возрастать и утверждаться въ чадахъ православной Церкви подъ благотворнымъ ея воздѣйствіемъ, молитвами и предстательствомъ святыхъ Меодія и Кирилла, первоучителей Словенскихъ. Для исполненія означеннаго Синодальнаго постановленія, напечатать оное въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, обычный актъ о выпускѣ воспитанницъ VI-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, Совѣтомъ училища назначенъ на 3-е іюня н. г.

Епархіальныя извѣщенія.

Вслѣдствіе доклада предсѣдателя Братства Пресвятыя Богородицы въ зашт. г. Бѣлопольѣ, Сумскаго у., объ особой усердной и полезной для цѣлей Братства дѣятельности членовъ совѣта Братства: товарища предсѣдателя, священника Пророко-Ильинской церкви г. Бѣлополя, Максима Подлужнаго, казначея и завѣдующаго братской лавкою, священника Покровской церкви сл. Проруба, Сумскаго уѣзда, Іоанна Ведринскаго, и Бѣлопольскаго городского судьи статскаго совѣтника Андрея Петровскаго, Его Высокопреосвященствомъ означеннымъ лицамъ преподаю Архипастьрское благословеніе, со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужные ихъ списки.

— Священникъ Николаевской церкви г. Лебедина Іоаннъ *Федоровскій* награжденъ набедренникомъ 23 марта н. г.

— Помощникъ смотрителя Сумскаго духовнаго училища, священникъ Іаковъ *Матусевичъ*, награжденъ набедренникомъ 24 марта н. г.

— Священникъ церкви Деркульскаго конскаго завода Мелетій *Быковцевъ* назначенъ н. д. благочиннаго 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ церкви м. Бѣлоцерковки, Купянскаго уѣзда, Василій *Жуковскій*, по прошенію, опредѣленъ на свящ. мѣсто къ церкви сл. Курячевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Рождество-Богородичной церкви г. Валокъ, Василій *Брайловскій*, переведенъ къ церкви сл. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ церкви м. Подгоровки, Евгеній *Краснокутскій*, переведенъ къ Николаевской церкви слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ духовной семинаріи, Семенъ *Ковалевскій*, опредѣленъ священникомъ къ Мирноспецкой церкви м. Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Николаевской церкви, слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Базилевичъ*, перемѣщенъ на священническое мѣсто при Архидіаконо-Стефановской церкви с. Бѣлянскаго, Изюмскаго уѣзда.

— Сынъ священника Николай *Поповъ* опредѣленъ н. д. псаломщика при Архангело-Михайловской церкви с. Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Іоанно Богословской церкви с. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ Алексѣевъ, волею Божіей, умеръ.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Николаевской церкви с. Самойловки, Ахтырскаго уѣзда, дворянинъ Сергій *Кондратьевъ*; Троицкой церкви г. Лебедина запасный унтеръ-офицеръ Прокопій *Соляниковъ*; Покровской церкви сл. Алешни, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Аванасій *Мащенко*; Пророко-Ильинской церкви г. Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, купецъ Алексій *Кононенко*; Вознесенской церкви г. Лебедина мѣщанинъ Косма *Петренко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери изъ Покровскаго въ Куряжскій монастырь.—Дѣятельность С.-Петербургскаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія.—Двадцатилѣтіе Николаевскаго православнаго братства.—Московское отдѣленіе Бѣлаго Креста.—Новое благотворительное учрежденіе.—Призрѣніе немущихъ дѣтей.—Церковь-школа среди кавказскихъ вершинъ.—Церковное пѣніе въ сельскихъ храмахъ.—Выставка художественныхъ произведеній старины въ Москвѣ.—Некрологъ.

22 апрѣля въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, Епископомъ Сумскимъ, была совершена божественная литургія, на которой присутствовали командиръ 10 арм. корпуса ген. отъ кав. В. Ф. Винбергъ, г. начальникъ губерніи, гофмейстеръ Г. А. Тобизенъ, представители правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій и масса народу. Послѣ богослуженія состоялся переносъ Озерянской иконы Божіей Матери изъ Покровскаго монастыря въ Куряжскій Преображенскій монастырь. Процессію съ иконой провожала стотысячная толпа народу, состоявшая преимущественно изъ крестьянъ, прибывшихъ въ Харьковъ изъ уѣздовъ на крестный ходъ еще за нѣсколько дней.

«Хар. Губ. Вѣд.».

— 4 минувшаго апрѣля исполнилось 20-ти-лѣтіе существующаго въ Петербургѣ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви. «С. Петерб. Дух. Вѣст.» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о возникновеніи и развитіи названнаго Общества.—4-го апрѣля 1881 года, подъ впечатлѣніемъ событій, завершившихся 1-мъ марта, и открыто совершавшейся въ столицѣ проповѣди пашковскаго лжеученія, удостоилось Высочайшаго утвержденія Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, уставъ котораго ранѣе былъ утвержденъ Св. Синодомъ. Обязанное своимъ возникновеніемъ частному почину нѣсколькихъ столичныхъ священнослужителей, Общество искало сочувствія и помощи со

стороны народа и, на почвѣ тѣснаго взаимообщенія между пастырями и пасомыми, скоро развило широкую и плодотворную дѣятельность. Оно окрыляло къ новому пастырскому дѣланію молодыхъ священниковъ, утѣшало и радовало старцевъ. Подъ покровительствомъ митрополита с.-петербургскаго, Общество составилось изъ членовъ-дѣятелей, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ богословскимъ образованіемъ, изъявившихъ желаніе вести отъ Общества бесѣды и чтенія, и членовъ-соревнователей изъ лицъ всѣхъ званій и обоюго пола, со взносомъ 5 р. ежегодно въ кассу Общества. Общество поставило себѣ цѣлю—утвержденіе и распространеніе во всѣхъ слояхъ русскаго народа истинныхъ понятій о православнои вѣрѣ и благочестіи (§ 1). Средствами для достиженія указанной цѣли избраны: а) церковныя бесѣды, б) домашнія собесѣдованія и чтенія, в) печатаніе и распространеніе самыхъ чтеній, а по мѣрѣ возможности, и другихъ книгъ, соответствующихъ цѣлямъ Общества (§ 2). Мѣстомъ для веденія бесѣдъ избраны приходскія и домовыя церкви въ часы, свободныя отъ богослуженія, а также общественныя залы и дома частныхъ лицъ (§§ 3—4). По содержанію бесѣды въ церквахъ должны состоять въ изложеніи и разясненіи догматовъ православнои христіанскои вѣры, истинъ христіанскои нравственности и церковнаго богослуженія, а въ частныхъ и общественныхъ залахъ—могутъ быть о предметахъ изъ всѣхъ областей христіанскаго знанія (§ 5). Въ первый годъ число членовъ-дѣятелей и соревнователей было 385, приходъ выразился въ суммѣ 2.645 р., расходъ—687 р. 66 к. Въ послѣдующіе годы Общество продолжало расширять свое дѣло, увеличивая число мѣстъ проповѣди, число своихъ членовъ и слушателей. Но уже со второго года оно прибѣгаетъ и къ новымъ средствамъ для распространенія и утвержденія въ народѣ истинъ вѣры и благочестія. Разумѣемъ печатаніе и распространенія духовныхъ бесѣдъ и чтеній, произносимыхъ въ разныхъ мѣстахъ членами Общества, и особенно научно-популярныя богословскія чтенія, впервые устроенныя въ 1882—3 г. въ залѣ городской Думы. Особенно счастливымъ годомъ начинаній былъ въ жизни Общества 1887 годъ. Въ этомъ году, по указанію покровителя высокопреосвященнаго митрополита Исидора, было положено начало противосектантскимъ и противораскольническимъ собесѣдованіямъ, для которыхъ многократно въ послѣдствіи былъ вызываемъ изъ Казани проф. Н. И. Ивановскій, знатокъ раскола и искусный собесѣдникъ съ раскольниками. Въ свое время эти собесѣдованія

волновали весь Петербургъ и воочию раскрывали всю неправоту раскола. Въ томъ же году было положено основаніе первой въ столицѣ безплатной духовной библіотекѣ, открытой въ помѣщеніи педагогическаго музея въ Солянскомъ городкѣ, какъ для чтенія книгъ въ ея помѣщеніи, такъ и для полученія ихъ на домъ. Впослѣдствіи при библіотекѣ былъ открытъ книжный складъ для продажи изданій Общества и др. духовныхъ книгъ и снабженія книгами просветелей изъ провинціи. Библіотека съ книжнымъ складомъ послужила образцомъ для другихъ подобныхъ библіотекъ общества, открытыхъ впослѣдствіи при общественныхъ церквяхъ Троицкой и Воскресенской. Въ томъ же году получилъ начало церковно-народный хоръ общества, — дѣяніе о. Мпхавла Ильича Соколова, пѣвшій въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ служилъ почившій, а потомъ перешедшій въ Троицкую церковь Общества. Этотъ хоръ послужилъ образцомъ для другихъ подобныхъ хоровъ, организованныхъ при приходскихъ церквяхъ и на фабрикахъ и заводахъ. Онъ много способствовалъ также распространенію общаго пѣнія молитвъ при веденіи духовныхъ бесѣдъ въ столицѣ. Наконецъ, въ 1887 г. выступили на проповѣдь отъ имени Общества, въ его проповѣдническихъ пунктахъ, студенты С.-Петербургской духовной академіи, по ходатайству объ этомъ предъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ ректора академіи преосвященнаго Антонія, нынѣ митрополита С.-Петербургскаго, при близкомъ участіи въ руководствѣ студенческой проповѣдью бывшаго тогда доцента архимандрита Антонія, нынѣ епископа Уфѣмскаго и Мензелинскаго. Участіе студентовъ въ проповѣди широко раздвинуло районъ дѣятельности Общества, преимущественно въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, и было началомъ подобной же дѣятельности студентовъ академій московской и казанской. Совѣтъ Общества ежегодно въ началѣ учебнаго года, собирается съ студентами — проповѣдниками, распредѣляетъ между ними, подъ руководствомъ особыхъ наблюдателей, проповѣдническіе пункты и намѣчаетъ предстоящія къ исполненію задачи проповѣдничества, сообразно съ мѣстными условіями въ разныхъ пунктахъ. Въ 1891—1892 гг. положено начало собраніямъ собственно проповѣдническимъ, для взаимообученія въ проповѣдничествѣ, чрезъ произнесеніе предъ лицемъ собравшихся образцовыхъ или своихъ собственныхъ поученій и разборъ ихъ со стороны содержанія и произношенія. Въ этомъ проповѣдническомъ году такихъ собраній было семь. Недостаткомъ ихъ было отсутствіе постояннаго и опытнаго руководителя в собраніи эти

на нѣсколько лѣтъ прекратился, но, какъ все доброе, возникшее въ Обществѣ изъ чистыхъ и высокихъ побужденій, въ послѣдствіи возродился вновь и принялъ постоянный характеръ. Расширеніе дѣятельности Общества, въ особенности нужда собраться по дѣламъ Общества и Совѣту и духовенству очень рано выдвинули мысль о необходимости имѣть свой центръ, именно общественный храмъ и залъ для безпрепятственного во всякое время устройства собраній и веденія духовныхъ бесѣдъ. Сначала робкія мечты, потомъ окрѣпли въ опредѣленныя надежды, о которыхъ еще въ 1888 году въ первый разъ было говорено въ проповѣди въ день празднованія годовщины Общества; потомъ объ этомъ повторено было и въ 1889 году, а въ мартѣ 1890 г., по милости Божіей, въ Совѣтъ поступило заявленіе Е. Ѡ. Балясова о готовности принести въ даръ Обществу 150000 рублей на устройство храма съ заломъ въ ознаменованіе чуда милости Божіей 17 октября 1888 г. Съ чувствомъ глубокой благодарности къ щедрому жертвователю и его духовному отцу, покойному М. И. Соколову, было принято это пожертвованіе. 19 апрѣля 1891 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на укрѣпленіе за Обществомъ пріобрѣтеннаго для постройки храма участка земли на углу Николаевской и Стремянной улицъ, былъ составленъ планъ и 16 іюня того же года была совершена преосвященнымъ Николаемъ, нынѣ архіепископомъ финляндскимъ, закладка храма. Въ виду же того, что кладка каменнаго храма естественно должна была затянуться, рѣшено было построить въ стѣнахъ будущаго зала временный деревянный храмъ для скорѣйшаго открытія въ немъ ежедневнаго богослуженія съ проповѣдью, что и было быстро исполнено, такъ что въ ноябрѣ того же года можно было совершить освященіе и главнаго престола—18 ноября и вридѣла—27 ноября; при томъ и другомъ освященіи богослуженіе совершалъ преосвященный Антоній, нынѣ митрополитъ С.-Петербургскій. Между тѣмъ спѣшила и съ дѣломъ построенія каменнаго храма: строптель его о. М. И. Соколовъ можно сказать не сходилъ съ постройки, работа кипѣла, если не было замедленія за техническими указаніями, сыпалась и пожертвованія; въ это время, не говоря о крупныхъ пожертвованіяхъ отъ извѣстныхъ лицъ, изъ кружки на украшеніе храма было высыпано пожертвованныхъ неизвѣстнымъ лицомъ одинъ разъ 7 тыс. руб., другой—4 тыс. руб. процентными бумагами. 8 ноября 1893 г., по прошествіи немного болѣе двухъ лѣтъ со дня закладки храма, хотя онъ и не былъ еще совершенно оконченъ постройкою, было со-

вершено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ освященіе главнаго придѣла во имя Св. Троицы, при чемъ Общество, обратившееся чрезъ Совѣтъ съ всеподданнѣйшимъ адресомъ къ Государю Императору Александру III, получило извѣстную высокомилоливую благодарность Его Величества съ пожеланіемъ продолжать и расширить доброе начало проповѣди. 4 декабря того же года высокопреосвященнымъ митрополитомъ Палладіемъ совершено и освященіе одного изъ придѣловъ храма. Съ устройствомъ своего храма и открытіемъ, 14-го ноября 1895 года, первою бесѣдою протоіерея І. И. Сергіева (Кронштадтскаго), зала Общества, дѣятельность его расширилась настолько, что уже не вмѣщалась въ рамки стараго устава; рѣшено было пересмотрѣть и дополнить его, соотвѣтственно указаніямъ опыта, и представить на утвержденіе Св. Синода, что и было исполнено. Обществу, по новому уставу, утвержденному 15 ноября—15 декабря 1895 г., предоставлено открывать бібліотеки и читальни, школы, издавать свой журналъ, устраивать пастырскія собранія и дано право—пріобрѣтать и отчуждать имѣнія. Еще ранѣе утвержденія новаго устава, по особому ходатайству, Обществу съ 1 января 1895 г. разрѣшено издавать свой журналъ, ставшій вмѣстѣ и епархіальнымъ органомъ, «Спб. Дух. Вѣсти», хотя и не имѣющій матеріальнаго успѣха, но для дѣла общества имѣвшій большое значеніе. Съ полученіемъ новаго устава, начаванія Общества, не имѣвшія доселѣ такъ сказать законнаго существованія, теперь пріобрѣтаютъ новую силу: 1) пастырскія собранія пріобрѣтаютъ устойчивость и разнообразіе въ темахъ, которыя обсуждаются на нихъ, напрімѣръ: о говѣніи православныхъ христіанъ, о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, о мѣрахъ борьбы съ незаконными сожителствами, о церковной дисциплинѣ, объ открытіи бесѣдъ по всему городу; 2) проповѣдническія собранія сдѣлались постоянными, съ 1898 года подъ руководствомъ профессора прот. С. А. Соллертинскаго; 3) въ 1900 г. учреждается религіозно-просвѣтительный союзъ изъ свѣтскихъ лицъ, преимущественно женщинъ, принимающихъ на себя трудъ заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ въ больницахъ, тюрьмахъ, пріютахъ и пр. подобныахъ учрежденіяхъ; 4) въ послѣднемъ отчетномъ году возобновлены въ Обществѣ платныя научно-популярныя чтенія для образованной публики; 5) бібліотеки съ книжными при нихъ складами получаютъ прочное устройство, привлекаютъ все большее число читателей и даютъ возможность оказывать широко помощь книгами просителямъ изъ провинцій; 6)

наконецъ, крѣпнетъ и издательская дѣятельность Общества. Климъ успѣхомъ Богъ благословилъ Общество за 20 лѣтъ его существованія, видно изъ сравненія слѣдующихъ цифръ: Въ 1881 г. проповѣдь отъ имени Общества велась въ 11 храмахъ и 5 залахъ, причемъ число слушателей даже въ храмахъ показано въ отчетѣ Общества до 200—300 человѣкъ за бесѣдой; въ 1900 г. проповѣдь велась въ 64 мѣстахъ, изъ коихъ 3.—за городомъ (въ Петергофѣ, Стрѣльнѣ и Сестрорѣцкѣ), а число посѣщеній бесѣдъ за цѣлый годъ превышаетъ 2.000.000; 2) въ 1881 г. число дѣятелей и соревнователей вмѣстѣ было 385, въ 1900 г. дѣятелей было 324, а соревнователей 927; 3) въ 1881 г. приходъ равнялся 2.645 р., въ 1900 г. годовой оборотъ превышалъ сумму 100.000 р. Одно недвижимое имущество Общества, пріобрѣтенное лишь въ послѣдніе 10 лѣтъ, по послѣднему отчету оцѣнено въ суммѣ 842.591 р. с. Но гораздо болѣе важное значеніе Общества состоитъ въ томъ, что, благодаря его дѣятельности, крѣпнетъ въ сознаніи пастырства значеніе проповѣди, во исполненіе слова св. Апостола: „настоя и безвременно“, что появляются пастыри, долгомъ считающіе проповѣдывать, по правилу VI вселенскаго собора, за каждою, по крайней мѣрѣ, праздничною литургіею, что соотвѣтственно и народъ жаждетъ наученія, ждетъ слова отъ своихъ пастырей, цѣнятъ проповѣдь и проповѣдниковъ, горячо благодарить ихъ при жизни и поминаетъ по смерти. Общество, какъ сказано было выше, сильно солидарностью и взаимообщеніемъ пастырей съ пасомыми для общаго религіозно-просвѣтительнаго дѣла въ духѣ Православной Церкви. Этою солидарностью и взаимопомощію объясняется матеріальный успѣхъ Общества и, неизмѣримо болѣе цѣнный, нравственный успѣхъ, состоящій въ пріобрѣтеніи св. Церкви христіанскихъ душъ и просвѣщеніи ихъ свѣтомъ Христова ученія, не по стихіямъ міра, не по лжетолкованію его сектантскому, а по духу и разуму св. Православной Церкви. Да крѣпнетъ же эта солидарность и взаимообщеніе пастырей съ пасомыми въ Обществѣ для дальнѣйшаго успѣха, не только широкаго, и часто поверхностнаго, но глубокаго, измѣняющаго къ лучшему весь духовный складъ, всѣ убѣжденія народа. Тогда религіозно-просвѣтительная дѣятельность Общества послужитъ могучимъ рычагомъ въ рукахъ св. Церкви для борьбы съ массовымъ сектантскимъ настроеніемъ современнаго русскаго, по имени православнаго общества, зараженнаго сектантскимъ пониманіемъ личности Богочеловѣка Христа, и сектантскимъ же стремленіемъ устроить свое спа-

сеніе на основѣ евангелія, безъ благодатной таинственной помощи св. Церкви. Въ этомъ отношеніи невольно напрашиваются на сравненіе годъ начала дѣятельности Общества и годъ вступленія его въ третье десятилѣтіе его существованія. Тогда волновалъ православныхъ христіанъ въ столицѣ и свлился отторгнуть ихъ отъ Церкви Пашковъ, нынѣ, съ большимъ успѣхомъ и не только въ столицѣ нашей, но и по всей Россіи, къ тому же стремится графъ Л. Толстой, объявленный св. Церковью отпадшимъ отъ нея. Но мы думаемъ и вѣримъ, что какъ тогда пашковская пропаганда послужила лишь къ торжеству св. Церкви, благодаря подъему столичнаго пастырства въ дѣлѣ проповѣдническомъ, такъ и нынѣ и въ послѣдующіе года пропаганда толстовская послужитъ еще къ большому торжеству Церкви, если пастыри по всей Россіи, подъ кровомъ св. Церкви и при ея благодатной помощи, ополчатся на духовную брань съ сыномъ „отца лжи“ во всеоружіи Божиѣмъ, съ мечемъ истиннаго Слова Божія, проповѣдуемаго отъ имени Церкви и по ея разуму. Смотри на двадцатиплѣтнюю дѣятельность Общества съ ея внутреннейшей, духовной стороны, видимъ въ ней постепенное возстаніе Христа со всѣми благодатными дарами, которые несетъ Онъ словомъ и дѣломъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него, возлюбившимъ Его и желающимъ по ученію Его устроить свою земную жизнь. Да живетъ же въ Обществѣ Своею благодатною Божественною Личностью Христосъ Спаситель и да воскреснетъ и никогда не умраетъ Онъ въ умахъ и сердцахъ всѣхъ тѣхъ христіанъ, кои—въ качествѣ ли проповѣдниковъ или слушателей проповѣди—будутъ принадлежать къ Обществу.

— 18-го апрѣля исполнялось двадцатипятилѣтіе Николаевского православнаго братства въ С.-Петербургѣ, состоявшаго подъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора. Братство уставъ котораго утверждено митрополитомъ Исидоромъ 24-го марта 1876 года, учреждено при церкви во имя святителя Николая построенной на Черной рѣчкѣ, съ Высочайшаго соизволенія, въ память въ Возѣ почивающаго Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича. При открытіи братства, 18-го апрѣля 1876 г., во главѣ его правленія сталъ тогдашній с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій, а въ числѣ жертвователей находился лѣсопромышленникъ И. О. Громовъ. 9-го мая 1876 года, въ храмовой праздникъ, послѣ Богослу-

женія въ церкви, на которомъ присутствовали въ Возѣ почивающій Государь Императоръ Александръ III, въ то время Наслѣдникъ Престола, съ Августѣйшею Супругою Государынею Императрицею Маріею Федоровною, былъ освященъ братскій громовскій дѣтскій пріютъ, а недолго спустя братство принято подъ Августѣйшее Покровительство Наслѣдника Цесаревича. Въ первые два года существованія братство, насчитывавшее въ своемъ составѣ 221 члена, ограничивало дѣятельность выдачею небольшихъ денежныхъ пособій 20 бѣднымъ семействамъ и нѣкоторымъ пособіемъ мѣстному причту, приберегая деньги на устройство богадѣльни. Благодаря ряду частныхъ пожертвованій, какъ денежныхъ, такъ равно строительнымъ работами и матеріалами, оно имѣло возможность построить собственный домъ для богадѣльни и пріюта, которые были открыты въ новомъ помѣщеніи 9-го мая 1882 года. Стоимость сооруженія опредѣлялась въ 80.000 руб., изъ которыхъ только 17.500 руб. были взяты изъ кассы братства, а остальные доставлены жертвователями. Столичные трактирщики учредили въ богадѣльнѣ 10 стипендій въ память Императора Александра II, для чего внесли капиталъ въ 24.000 руб. 24-го февраля 1887 г. митрополитомъ Исидоромъ утвержденъ новый уставъ братства. Въ апрѣлѣ того же года Августѣйшій Попечитель братства Его Императорское Высочество Великій Князь Павелъ Александровичъ назначилъ предсѣдателемъ братства Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева. Изъ отчета братства за 1899 годъ видно, что въ богадѣльнѣ его призрѣвалось 9 стариковъ, а въ пріютѣ—30 воспитанниковъ. За этотъ годъ братство получило прихода около 13.150 руб., а израсходовало 6.922 руб., въ томъ числѣ на содержаніе пріюта и богадѣльни 5.221 р. Въ средѣ братства состояли: 31 почетный, 167 постоянныхъ и 138 дѣйствительныхъ членовъ. Его капиталъ достигъ къ 1900 году 122.655 р. «Прав. Вѣст.».

— Московское отдѣленіе общества Бѣлаго Креста имѣло 8-го апрѣля годичное собраніе, на которомъ прочитанъ отчетъ за минувшій годъ. Въ отдѣленіе поступило въ теченіе года 53 прошенія съ просьбою о пособіи, причемъ удовлетворены 43 лица, которымъ выдано пособій на 781 руб. Капиталъ на устройство пріюта для наиболѣе нуждающихся дѣтей лицъ военнаго званія увеличился на 3.807 руб. Въ этотъ капиталъ, по распоряженію Августѣйшаго Командующаго войсками округа, поступило 1.200 р. Отъ спектакля, устроеннаго обществомъ всустройства и литературы,

поступило 954 руб.; кружечнаго сбора—2.061 руб. Въ главное управленіе общества отиравлено 1.518 руб. Къ началу текущаго года въ кассѣ отдѣленія насчитывалось спеціального капитала на устройство пріюта 12.856 руб. и другихъ капиталовъ 1.980 руб. Предсѣдатель общества заявилъ въ засѣданіи, что одинъ изъ членовъ общества, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, выразилъ готовность предоставить постоянное бесплатное помѣщеніе для устройства пансіонъ-пріюта для дѣвочекъ военно-служащихъ недостаточнаго состоянія. Пансіонъ предполагается устроить на 200 дѣтей, которыя будутъ получать образованіе въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Моск. Вѣд.»

— Москва обогатилась новымъ, довольно симпатичнымъ учрежденіемъ: недавно только образовался комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу бѣднѣйшихъ храмовъ въ Россіи. Наша безпредѣльная Русь славится множествомъ православныхъ храмовъ. Много изъ нихъ богатыхъ, великолѣпно отдѣланныхъ, съ иконами, украшенными драгоценными окладами,—храмовъ, пзобилующихъ своими доходами; но, къ сожалѣнію не мало и такихъ, которые даже не имѣютъ сколько-нибудь порядочной утвари, терпятъ недостатокъ въ иконахъ. Есть такіа церкви, гдѣ священнослужители имѣютъ только по два облаченія, да и то поношенныя; въ такихъ храмахъ даже въ большіе праздники не на что зателить передъ мѣстными иконами свѣчи. Убогая церковка, срубленная изъ брусель, съ простымъ досчатымъ иконостасомъ, съ деревянными, грубой тогарной работы подсвѣчниками передъ мѣстными иконами владимірскаго письма; двѣ-три тоненькія восковыя свѣчи бросаютъ слабый свѣтъ и на святые иконы и на брусяныя стѣны, лишеныя всякихъ украшеній Тамъ совершаютъ богослуженіе священнослужители въ поношенномъ облаченіи. И это въ нашихъ храмахъ, находящихся преимущественно на окраинахъ. И вотъ на поддержку такихъ храмовъ является „Комитетъ по сбору пожертвованій“. Исконн русскій православный людъ, въ особенности же москвичи, любятъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Надо надѣяться, что не останутся москвичи, а съ ними и всѣ члены Православной Церкви, равнодушными къ убожеству тѣхъ храмовъ, о которыхъ только что сказано, и внесутъ свою посильную лепту. Для посредства между ревнителями благолѣпія, присущаго храму Божію, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, митрополита московскаго и коломенскаго, и учрежденъ особый комитетъ. Съ

этою цѣлью комитетъ изыскиваетъ способы къ собранію пожертвованій на сказанный предметъ какъ вещами, такъ и деньгами и располагаетъ извѣстныхъ ему благотворителей оказывать комитету содѣйствіе къ благому дѣлу помощи бѣдствующимъ храмамъ. Комитету предоставляется также принимать отъ душеприкащиковъ по исполненію духовныхъ завѣщаній денежные и вещевыя пожертвованія, назначаемыя и въ иноепархіальные монастыри и церкви. На основаніи сихъ правилъ разрѣшается настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, а также приходскимъ причтамъ съ старостами передавать комитету вышедшія изъ употребленія святыя иконы, богослужебныя книги и ризничные предметы изъ монастырскихъ и приходскихъ храмовъ московской епархіи; при этомъ квитанціи комитета являются оправдательными документами для исключенія пожертвованныхъ предметовъ изъ монастырскихъ и церковныхъ описей. Комитетъ принимаетъ пожертвованія не только предметами, готовыми уже для церковнаго употребленія, но и такими, которыя могутъ быть къ тому приспособлены послѣ переработки; сія послѣдняя равно и починка предметовъ утвари, поступающихъ въ комитетъ изъ ризницъ и отъ жертвователей, производится на счетъ собираемыхъ комитетомъ суммъ или добровольными трудниками, сочувствующими добрымъ цѣлямъ учреждаемаго комитета. Комитетъ обсуждаетъ поступающія свѣдѣнія о бѣдныхъ утварю и ризницей храмахъ и, въ предѣлахъ возможнаго, удовлетворяетъ поступающія къ нему ходатайства, относя пересылку на жертвуемыя суммы. Комитетъ составляется подъ предсѣдательствомъ ректора Московской духовной семинаріи и протопресвитера московскаго большаго Успенскаго собора и прокурора московской Святѣйшаго Синода конторы, который, выразивъ согласіе на веденіе казначейской части и дѣлопроизводства по комитету, принялъ на себя собраніе и храненіе пожертвованій въ канцеляріи Синодальной Конторы.

«Вось. Д.».

— Дѣло призрѣнія нуждающихся дѣтей за послѣднее время получило особую постановку. Извѣстно, что до сихъ поръ этой цѣли предназначены были служить пріюты въ столицахъ и городахъ. Но какъ ни велико число пріютовъ, все же многимъ дѣтямъ приходилось отказывать за неимѣніемъ мѣста. Нужно было отыскать выходъ изъ такого положенія, и петербургское общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ въ послѣднее время стало отдавать нищенствующимъ и безиризорнымъ дѣтей въ крестьянскія семьи

по рекомендаціи и подъ надзоромъ сельскихъ священниковъ, а также учительницъ и помѣщиковъ. За содержаніе дѣтей установлена плата—въ возрастѣ отъ 2 до 10 лѣтъ 4 руб. въ мѣсяцъ и въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ 3 руб. За труды и хлопоты священникамъ дается по 5 руб. за ребенка. Такимъ образомъ петербургское общество успѣло помѣститъ въ нѣсколькихъ колоніяхъ болѣе 200 дѣтей. Результаты оказались удачными: больныя дѣти физически окрѣпли; многіе мальчики, исключенные изъ пріютовъ за нехорошее поведеніе, въ крестьянскихъ семьяхъ исправились; дѣти стали привыкать къ трудовой жизни и многія обнаружили готовность остаться въ деревнѣ; нѣкоторыя усыновлены семьями, въ которыхъ воспитываются. Досточтимый кронштадтскій протоіерей І. И. Сергѣевъ, исполнѣ сочувствуя этому дѣлу, пожертвовалъ 1,000 рублей на дѣло призрѣнія дѣтей въ крестьянскихъ семьяхъ. Слѣдуетъ пожелать, чтобы это прекрасно задуманное дѣло получило возможно широкое распространеніе. Черезъ это и городскія улицы освободятся отъ жалкихъ малышей-попрошайеъ, и обремененнымъ дѣтми семьямъ, принужденнымъ снискивать себѣ пропитаніе поденщиной, развязаны будутъ до нѣкоторой степени руки, и общество хотя отчасти избавится отъ туеядцевъ и преступниковъ, вырабатывающихся изъ голодныхъ и брошенных на произволъ судьбы дѣтей. Не нужно однако упускать изъ виду, что и крестьянскія семьи, отъ которыхъ ожидается содѣйствіе по призрѣнію дѣтей, сами въ свою очередь нуждаются въ помощи, преимущественно въ лѣтнее время, когда взрослое населеніе деревень поголовно почти уходитъ на полевыя работы, а дома остаются лишь малыя дѣти, да дряхлыя старики со старухами. Оставленные безъ надлежащаго присмотра, дѣти дѣлаются въ это время жертвой разныхъ несчастныхъ случайностей и сплошь и рядомъ бывають причиною губительныхъ пожаровъ. Лучшимъ средствомъ какъ для устраненія пожаровъ, зависящихъ отъ неосторожнаго обращенія дѣтей съ огнемъ, такъ и для предохраненія крестьянскихъ дѣтей отъ смерти, уродства и калѣченій, случающихся отъ безпрізорности ихъ въ горячую рабочую пору, служить учрежденіе сельскихъ яслей-пріютовъ. Но не смотря на то, что ясли стали устраиваться почти 30-лѣтъ тому назадъ, не смотря на то, что большое санитарное и культурное значеніе яслей-пріютовъ не подлежатъ сомнѣнію, какъ всякая новинка, они у насъ въ деревнѣ встрѣчаются нерѣдко съ нескрываемымъ недоувѣріемъ; нужно вре-

мя, чтобы они были принимаемы съ распростертыми объятіями, и нужны годы, чтобы наше плохо обеспеченное, экономически слабое сельское населеніе пошло на матеріальныя затраты. До тѣхъ же поръ участіе земства является необходимымъ для развитія дѣла устройства яслей и для нагляднаго ознакомленія съ ними населенія,—только наглядный опытъ пользы и удобства яслей можетъ прочно убѣдить крестьянъ въ важности мѣропріятія. Неудивительно поэтому, что большинство земствъ отнеслось сочувственно и приняло живое участіе въ устройствѣ сельскихъ яслей-пріютовъ, такъ что въ настоящее время ясли-пріюты имѣются уже во многихъ губерніяхъ. «Кормч.»

— Въ «Влад. Еп. Вѣд.» приводятся интересныя подробности постройки и освященія церкви-школы въ с. Ходъ, Владикавказскаго округа, Терской области. Церковь-школа создана лейтенантомъ флота Н. В. Фильковичемъ. Явившись на Кавказъ, какъ представитель горно-промышленной дѣятельности и труда, и взявъ въ свои руки казенный Алагирскій серебряно-свинцовый заводъ, онъ сразу же оживилъ горнозаводскую дѣятельность края и доставилъ полную возможность сосѣднимъ осетинскимъ селеніямъ честно, путемъ труда, добывать себѣ матеріальныя средства къ жизни. Но, съ другой стороны, какъ истинный сынъ Православной Церкви, съ душою отзывчивой на все доброе, онъ провелъ свѣтъ и въ религіозно-нравственную жизнь мѣстныхъ осетянъ, съ которыми ему пришлось столкнуться и близко познакомиться. Тяжелое нравственное чувство пришлось ему вынести изъ этого знакомства и наблюдений надъ ихъ религіозною и нравственною жизнью. Онъ увидѣлъ, какъ мало замѣтно и слабо ихъ религіозное сознаніе при вѣличности въ ихъ семейной и общественной жизни совсѣмъ нехристианскихъ началъ. Глубоко скорбя о такомъ низкомъ уровнѣ ихъ религіозно-нравственной жизни, онъ задался цѣлію устроить въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ селеній церковь-школу. Онъ остановился выборомъ на с. Ходъ, наиболѣе удаленномъ отъ своей приходской церкви и соединенной съ другими селеніями только посредствомъ узкой горной тропинки. Это селеніе почти разобщено съ міромъ и находится на высотѣ 6 800 футовъ надъ поверхностію моря. Къ работамъ было приступлено сразу же. На склонахъ горы была разровнена мѣстность, и началась постройка, представлявшая массу трудностей. Когда школа была готова, Н. В. не только снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ, но и обеспечилъ ее дальнѣйшее

существованіе, назначивъ отъ общества „Алагиръ“, директоромъ котораго онъ состоитъ, ежегодное содержаніе учителю въ размѣрѣ 300 рублей. Это было незадолго до кончины Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Памяти скончавшагося Цесаревича и была посвящена эта церковь-школа во всегдашнее молитвенное о немъ воспоминаніе. „Пусть подъ сѣнью этого св. храма,—писалъ В. Н. преосвященному владыкавказскому Владиміру, —цѣлыя поколѣнія осетинъ воспитываются въ любви къ Господу Богу и живой, дѣятельной преданности Царствующему Дому“. Освященіе школы было совершено самимъ преосвященнымъ, которому сопутствовалъ и начальникъ области генераль-маіоръ Толстовъ. Съ хлѣбомъ-солью встрѣчали архипастыря на пути православные осетинты. Самый подъемъ къ церкви пришлось сдѣлать на верховыхъ лопадахъ. Впереди начальника области несли знамя. Красивую картину представляла собою эта группа путниковъ, мѣрно и стройно взбиравшихся въ высь. Церковь-школа представляетъ собою довольно высокое зданіе, въ видѣ продолговатаго прямоугольника, закругленнаго съ восточной стороны. Въ классной комнатѣ много свѣта и воздуха, на стѣнахъ прекрасные портреты Царственной Семьи и почившаго Цесаревича въ богатыхъ золоченныхъ рамахъ. Отъ церкви школа отдѣляется разборной деревянной перегородкой. Церковь вполне снабжена утварью и церковными облаченіями; иконостасъ устроенъ изъ лучшаго дуба съ прекрасною живописью и рѣзбою. Когда по благословенію владыки раздался благовѣстъ, далеко разносившійся среди горныхъ вершинъ, всѣ присутствовавшіе были восхищены этими звуками. Уже смеркалось. Молящихся собралось много. Владыка распорядился, чтобы всеобщее бдѣніе было совершено на открытомъ воздухѣ, предъ церковью. Богослуженіе совершалось частію на церковно-славянскомъ языкѣ, а частію на осетинскомъ. Вскорѣ стало темнѣть, по небесному своду заблестали яркія звѣзды. „Дивная сладость,—говоритъ очевидецъ этихъ минутъ,—и глубокое религиозное настроеніе чувствовались здѣсь всѣми присутствовавшими. Въ этой вечерней мглѣ, на этихъ вершинахъ, каждое слово церковной молитвы воспринималось какъ-то живѣе и производило неизъяснимую духовную радость. Здѣсь, на горахъ, противъ которыхъ видѣлся неподвижный, вѣковой ледникъ, намъ стали болѣе осязательны слова древняго церковнаго поэта: „на горахъ стануть воды, дивны дѣла Твоя Господи, вся премудростію сотво-

рвль еси“. Начался поліелей, всѣмъ молящимся были розданы свѣчи, зажженные—онѣ заблестали среди темноты. Чудныя минуты переживались всѣми: у всѣхъ было одно сердце, „одна душа“... На слѣдующій день, 10 сентября, было совершенно торжественное освященіе церкви. По окончаніи торжества владыка присутствовалъ строителя, съ истинно христіанскою кротостью увлывшагося отъ всякаго признанія его великой заслуги предъ мѣстнымъ населеніемъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, насколько полезна будетъ новосозданная церковь-школа для населенія въ этой глухой, горной мѣстности. Честь и хвала ея создателю.

— Въ ряду средствъ, имѣющихъ важное значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа, стройное, гармоническое церковное пѣніе, безъ сомнѣнія, занимаетъ очень видное мѣсто. Ничто, кажется, такъ не можетъ возбуждать душу къ богомыслию и возвышать религіозно-нравственнаго чувства молящихся, какъ стройное хоровое пѣніе при совершеніи богослуженія. Оно сообщаетъ какъ бы особый строй, ту необыкновенную красоту и торжественность, которыя на присутствующихъ въ храмѣ имѣютъ неотразимое оживляющее дѣйствіе. Обращая вниманіе на современное состояніе церковнаго пѣнія въ нашихъ сельскихъ храмахъ, нельзя не отмѣтить, что въ послѣднее время сдѣлано немало для лучшей постановки этой важной и существенной части православнаго богослуженія. Теперь уже не составляетъ какой-либо рѣдкости встрѣтить въ нашихъ сельскихъ храмахъ болѣе или менѣе правильно организованный хоръ пѣвчихъ, который не только поетъ въ церкви на клиросѣ, во время богослуженія, но и исполняетъ духовныя пѣснопѣнія при внѣбогослужебныхъ соборіяхъ. Нашъ русскій народъ очень любитъ церковное пѣніе, Этимъ и объясняется то обстоятельство, что хорошее церковное пѣніе, особенно исполняемое хоромъ изъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ, служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ привлеченію нашего православнаго народа въ храмъ Божій. „Не разъ приходилось мнѣ убѣждаться, докладывая въ одномъ изъ засѣданій Мвнскаго комитета попечительства о народной трезвости г. директоръ народныхъ училищъ Минской губерніи д. ст. сов. Н. Ф. Акоронко, что тѣ храмы, гдѣ поютъ стройныя церковныя хоры, всегда бываютъ наполнены молящимися, и они почти пусты тамъ, гдѣ поетъ одинъ псаломщикъ“. Не разъ приходилось г. директору убѣждаться, при ревизіи училищъ, что „послушать хоро-

шее пѣніе нерѣдко являлись сотни взрослога народа, и нужно было вѣдѣть, съ какимъ полнымъ удовольствіемъ они просиживали и простаивали въ классахъ по нѣскольку часовъ, чтобы послушать пѣніе, и какъ благодарны были учителямъ за обученіе дѣтей пѣнію“. Одинъ изъ священниковъ полтавской епархіи, прекрасно описавшій исторію своего учительства въ сельской школѣ, свидѣтельствуешь, что „молящіеся, подѣ вліяніемъ хорошаго церковнаго пѣнія, чаще крестятся, кладутъ поклоны и стаповятся на колѣна. На лицахъ всѣхъ ихъ видимо отражались религіозный подъемъ и трогательное чувство, съ которымъ произносились слова молитвы“. Очевидно, что, при расположеніи прихожанъ къ церковному пѣнію, вмѣстѣ съ усердіемъ къ посѣщенію храмовъ Божіихъ развивается у нихъ и искренняя любовь къ учителю и школѣ, которую они такъ любятъ посѣщать въ дни свѣвокъ. „Особенно,—рассказываетъ тотъ же пастыръ,—оживлялся школьный домъ въ дни свѣвокъ, происходившихъ по средамъ и пятницамъ. Многіе изъ мужиковъ просили меня позволить ѣмъ войти въ кухню и послушать пѣніе, и я позволялъ, насколько хватало мѣста и воздуха. Тѣ же, которымъ не удавалось войти по недостатку мѣста, стояли въ сѣняхъ, на крыльцѣ, подѣ окнами и слушали. Дни свѣвокъ ожидалась съ большимъ нетерпѣніемъ“. Все это показываетъ, что народъ нашъ любитъ хорошее церковное пѣніе, что оно доставляетъ ему высшее духовное наслажденіе, отвлекая въ то же время отъ грубыхъ и порочныхъ удовольствій, какъ напр. пьянства. Пусть же, поэтому, наши храмы оглашаются стройнымъ хоровымъ пѣніемъ; народъ съ полной любовью и охотой будетъ слѣшнить въ эти храмы къ богослуженію, и тамъ, умиляясь пѣніемъ, будетъ, дѣйствительно, воспитываться религіозно-нравственно, проникаясь высокимъ христіанскимъ ученіемъ, воплощеннымъ, такъ сказать, въ величественныхъ формахъ православнаго богослуженія, облагораживаясь въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ и отвыкая отъ своихъ дурныхъ поступковъ и привычекъ. Необходимо только заботиться при этомъ, чтобы пѣніе въ церкви предпочиталось простое, которое, имѣя свою особенную прелесть и богатство гармоніи, болѣе доступно вкусу и пониманію деревенскихъ слушателей. Разученные такимъ образомъ и усвоенные обычные церковные простые напѣвы не только могутъ навсегда сохраниться въ приходѣ, но и постепенно сдѣлаться здѣсь общимъ достояніемъ. Тогда, дѣйствительно, можетъ наступить такое время, когда не клиръ

только, но именно „люди“, т.-е. всѣ присутствующіе въ храмѣ, совокупно будутъ пѣть многое изъ того, что пѣнь исполняется пѣвцами, составляя одинъ воодушевленный хоръ и отъ сердца всѣхъ изливаться будетъ хвалебная пѣснь Богу, проникнутая общимъ разумѣніемъ и согрѣтая горячимъ чувствомъ каждаго. «Кормч.».

— При вступленіи въ новое столѣтіе Русскому обществу, несомнѣнно, должно быть интересно оглянуться на трудъ прошедшихъ поколѣній, оставившихъ такое богатое наслѣдіе въ мірѣ искусства. Достоинства этого труда—въ всякаго сомнѣнія, в настоящее поколѣніе, несмотря на невѣроятные успѣхи въ области науки и техники, не могло до сихъ поръ превзойти его во многихъ отрасляхъ. Въ залахъ Императорскаго Строгановскаго училища въ настоящее время собрано на нѣсколько милліоновъ рублей старинныхъ вещей и картинъ, поражающихъ знатоковъ и любителей своимъ необыкновеннымъ изяществомъ, частоходящимъ до высокой художественной красоты. Изъ предметовъ русской старины обращаютъ на себя особое вниманіе иконы новгородскаго, строгановскаго и московскаго письма, выразительность которыхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что писавшіе ихъ иконописцы были проникнуты теплымъ чувствомъ искренней вѣры, безъ которой нельзя изобразить такъ трогательно божественныя лики Спасителя, Богородицы и Святыхъ. Лучшія иконы выставлены гг. Морзовыми и княземъ Шаринскимъ-Шихматовымъ. Рукописныя Евангелія и церковныя книги съ тончайшими миниатюрными изображеніями изъ Священнаго Писанія свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ терпѣніи и любви къ своему дѣлу людей, посвятившихъ себя распространенію Божественнаго слова. Нѣсколько замѣчательныхъ экземпляровъ присланы С. А. Егоровымъ. Богатая коллекція древняго серебра выставлена разными лицами, въ особенномъ же изобиліи и въ рѣдкихъ экземплярахъ княземъ Юсуповымъ-Сумароковымъ. Старинныя рѣдкія кружева Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны украшаютъ собой нѣсколько витринъ, а также замѣчательно кружевное покрывало, нѣкогда принадлежавшее королевѣ Маріи-Антуанеттѣ, выставленное княгиней Юсуповой-Сумароковой. Очень богатъ отдѣлъ миниатюрныхъ портретовъ на кости работы знаменитыхъ художниковъ: Галль, Изабей, Мо, Лагрене, Ритъ и др.; лучшіе экземпляры принадлежатъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александровичу, Ея Высочеству Принцессѣ Еленѣ Георгиевнѣ Альтенбургской, г-жѣ

Булыгиной, князю Вл. М. Голлицыну и гг. Щуккинымъ. Искусство писанія мнѣиатурныхъ портретовъ достигло въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій высокаго совершенства, и портреты, писанные сто лѣтъ назадъ и болѣе, такъ же интересны и свѣжи, какъ будто писаны вчера. Этотъ родъ искусства въ настоящее время, къ сожалѣнію, совершенно исчезъ; едва-ли возможно было бы теперь заказать кому нибудь мнѣиатурный портретъ въ Россіи. Успѣхи фотографіи убивли эту отрасль художества, и какъ ни практиченъ и нуженъ фотографическій портретъ, онъ не можетъ, однако, замѣнить мнѣиатурнаго. Нельзя не удивляться совершенству издѣлій изъ бронзы конца XVIII и начала XIX столѣтій! Красота формъ, тонкость отдѣлки и прочность позолоты позирательны. Такая позолота въ настоящее время не производится нигдѣ. Значительное число извѣстныхъ художниковъ двухъ прошлыхъ столѣтій представлены здѣсь въ рядѣ превосходныхъ портретовъ масляными красками. По стѣнамъ чередуются знаменитые: Грѣзь-Буше, Вже-Лебренъ, Левицкій, Лампи, Крейцингеръ, Боровиковскій, Брюловъ, Тропинянъ и др. Какъ на лучшіе портреты, можно указать на малыхъ размѣровъ портреты Императрицы Екатерины II, работы Левицкаго, и Императора Александра I—Боровиковскаго, принадлежащіе Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александровичу, и на портреты Императора Павла I—Левицкаго, г-жи Нарышкиной—Боровиковскаго, и княгини Волконской—Брюлова, принадлежащіе С. В. Козлову. Изъ числа старинныхъ картинъ особенно выдѣляются произведенія древнихъ итальянскихъ художниковъ XV и XVI столѣтій, выставленныя Д. А. Хомяковымъ; изъ нихъ весьма замѣчательна Мадонна съ Младенцемъ—Бартоло Веварини. Такъ же обращаетъ на себя вниманіе прекрасная старинная картина Доминикино, графини Зубовой, изображающая святую Викторію. Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ выставилъ чашу и двѣ братины высоко историческаго достоинства, въ особенности средней величины братину, въ два вершка въ діаметръ при двухъ съ половиною вершкахъ высоты. Братина въ древне-историческія времена принадлежала Троице-Сергіевской Лаврѣ и въ 1643 году поднесена царю Михаилу Ѳедоровичу и царицы Евдокіи Лукьяновнѣ. Работа братины должна быть отнесена къ началу XVII или къ концу XVI столѣтій. На ней имѣется по борту весьма трудно разбираемая надпись славянскою вязью съ выноскою подъ титлами.

Внутри чары сдѣланъ чернью двуглавый орелъ, какъ надо думать, позднее чеканки чаши. Надпись вязью гласить: „Божію Милостію Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи самодержецъ, Царица и Великая Княгиня Евдокія пзволяя есма взяти въз дому Пресвятой Троицы и чудотворца Сергія 151 году, братину на свѣтлое взятіе и пити во имя Святой Троицы и чудотворца Сергія“. Другая братина такой же величины, XVII вѣка, чеканной работы; травнымъ орнаментомъ по краю вырѣзана надпись: „Истинная любовь подобна сосуду злату, не откуда разбитія не бываетъ, аще не гнется разумъ“. Травная чеканка весьма тщательно сдѣлана; можно предполагать, что это—работа царскихъ мастеровъ. Тутъ же выставлена большая чара, въ четыре вершка въ діаметръ, при 4½ вершкахъ высоты. Чара имѣетъ форму горшка. На наружныхъ бокахъ ея сдѣланы четыре клейма, на которыхъ выгравированы звѣри, на нихъ надписи: вавилонская, перская, римская и македонская. Окружность чаши рѣзная, травная. Работа русскихъ мастеровъ, конца XVI вѣка. На бортахъ чаши сдѣлана надпись: „Чара боярина, князя Ивана Борисовича Черкаского, сдѣлана лѣто 7103 года (1595 годъ). Всѣ три показываютъ намъ высокое искусство мастеровъ, существовавшихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. <Моск. Вѣд.>

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

7-го февраля, сего 1901 года, папутствованный таинствами елеосвященія и причащенія скончался на 39-мъ году своей жизни священникъ Николаевской церкви слободы Николаевки, Изюмскаго уѣзда, Михаилъ Петровичъ Лянгинъ. Покойный—сынъ діакона слободы Лимана, Старобѣльскаго уѣзда,—первоначальное воспитаніе получилъ въ Купинскомъ духовномъ училищѣ, а за тѣмъ, по переходѣ въ Харьковскую Духовную Семинарію, окончилъ въ ней полный курсъ ученія въ 1884 году. Въ этомъ же году 1-го іюня онъ былъ опредѣленъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви города Валокъ; 22 іюня 1885 года рукоположенъ во священника къ Успенской церкви села Малыжина, Богодуховскаго уѣзда; 26 января, 1889 года, по прошенію, переведенъ къ Рождество-Богородичной церкви села Каплуновки, того же уѣзда, а 2-го сентября 1892 года, тоже по прошенію, перемѣщенъ къ Николаевской церкви слободы Николаевки, Изюмскаго уѣзда, на мѣсто вышедшаго за штатъ тестя своего, священника Гавріила Троицкаго.

Будучи отъ природы слабаго сложенія, покойный о. Михайлъ, съ переходомъ въ Николаевку, онъ не переставалъ болѣть. Физическій педугъ его, во все время службы въ Николаевкѣ, то усиливался, то нѣсколько ослабѣвалъ, но никогда не бросалъ покойнаго, не переставая постепенно разрушать и безъ того слабое его здоровье. При болѣзненномъ состояніи о. Михайлу много разъ приходилось слегать въ постель, но во всѣ предшествовавшіе приступы его сильнаго недомоганія онъ сохранялъ бодрость духа и питалъ хотя слабую надежду на свое выздоровленіе; четвертаго же числа минушаго декабря, сильно простудившись, покойный въ послѣдній разъ слегъ въ постель и на этотъ разъ по особому предчувствію говорилъ окружающимъ его роднымъ: „конецъ мой близокъ, — не вставать уже мнѣ съ постели. Господи, ускори конецъ моихъ страданій!“

Земная жизнь вообще не сладка, но при физическихъ страданіяхъ она становится тяжелымъ бременемъ. Почившій о. Михайлъ много лѣтъ безропотно несъ такое бремя и при всѣхъ своихъ тѣлесныхъ немощахъ былъ ревностнымъ и исполнительнымъ пастыремъ. Онъ всегда стоялъ на высотѣ своего призванія, твердо держалъ знамя церкви православной, заботливо относился къ дѣлу нравственнаго преуспѣянія своихъ прихожанъ и неуклонно велъ ихъ къ предназначенной имъ цѣли. Помимо сихъ добрыхъ качествъ, проявленныхъ покойнымъ при выполненіи служебныхъ обязанностей, онъ отличался прямою своего характера, всегда былъ вѣренъ своему слову, — безпристрастенъ въ отзывахъ о другихъ безъ различія къ тому, въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился къ симъ послѣднимъ. Благодаря такой прямотѣ своей, покойный пользовался симпатіями какъ въ своемъ приходѣ, такъ и между братьями своими, — сосѣдями священниками.

Въ семействѣ о. Михайла остались жена и трое дѣтей.

Погребеніе надъ почившимъ совершалъ мѣстный о. благочинный при участіи четырехъ священниковъ и трехъ діаконовъ. Въ концѣ отпѣванія было сказано о. благочиннымъ нѣсколько теплыхъ и сердечныхъ словъ, посвященныхъ памяти усопшаго.

Миръ праху почившаго о. Михайла! Да упокоитъ Господь Богъ душу его въ обителяхъ праведныхъ!

Московская Синодальная Типографія.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода на Московскую Синодальную Типографію возложена вся книжная торговля Синодальными и другими изданіями для иногороднихъ покупателей, за исключеніемъ губерній: С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и Финляндіи. Вслѣдствіе сего съ требованіями на книги гг. покупатели благоволятъ обращаться въ Главный складъ Синодальныхъ изданій (Москва, Никольская улица, Московская Синодальная Типографія).

Каталоги съ подробными условіями продажи книгъ высылаются по требованію бесплатно.

Поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія:

Собрание акаенстовъ въ 32 д. л.
церк. печ., безъ кинов.

Томъ 1-й, въ бум. 30 коп.

Акаенсты: Сладчайшему Иисусу, Пресвятѣй Троицѣ, Живоносному Гробу и Восресенію Христову, Божественнымъ Страстямъ Христовымъ.

Томъ 2-й, въ бум. 45 коп.

Акаенсты: Пресвятѣй Богородицѣ, Успенію, Покрову, Ив. Утоли моя печали, Треручицѣ, Толгской и Неопалимой Куницѣ.

Томъ 3-й Книга 1-я, въ бум. 65 к.

Акаенсты: Арх. Михаилу, святителямъ: Николаю, Леонтію Ростов., Арсенію Тверскому, Петру Митроп., Гурію, Варсонофію Казанск. Дмитрію Ростов., Митрофану Воронежск., Теодору и Іоанну Суздальск., великом. Георгію, муч. Авраамію и великомуч. Варварѣ.

Томъ 3 й, Книга 2 я, въ бум. 80 к.

Акаенсты: При. Антонію и Теодосію, Сергію, Кириалу Бѣлозерск., Меодію Пѣшвошск., Александру Свирскому, Давиду Перясл., Ефрему Новоторжск., Евимію Суздальск., Алексію чел. Вожію, Артемію Веркол., блг. кн. Александру Невск., блг. кн. Петру и Февронію, блг. кн. Константину, Теодору и Михаилу.

Всѣ, входящія въ составъ „Собранія“ Акаенсты пмѣются въ отдѣльной продажѣ; цѣна каждому въ бум. 8 коп.

Библия гражд. крупн. печати въ 4 дол. въ бум. 3 р. 10 к., въ коленк. или кожѣ 5 р. 50 к.

Евангеліе въ листъ, новое изданіе съ заставицами и украшеніями по образцу старопечатныхъ изданій, съ изображеніями Евангелистовъ, художественно исполненныхъ по образцамъ XV в. въ бум. 10 р. 15 к.; въ бархатѣ 30 коп.

Евангеліе въ 16 д. л. (молебное) въ бум. 1 р. 25 к.

Псалтирь церковной крупн. печ. съ кнн. въ 4 д., въ бум. 3 р. 60 к. въ кожѣ 5 р.

Новый заветъ въ 16 д., гражд. печ., въ бум. 22 к.

Новый заветъ съ Псалтирью въ 16 д., гражд. печ., въ бум. 30 к. въ коленк. 45 к.

Псалтирь въ 8 д. церк. печ., съ

объяснительн. примѣчаніями въ бум. 40 к. въ кол. 70 к.

Избранныя молитвы и пѣснопѣнія, въ 8 д. въ бум. 50 к.

Канонъ Андрея Критскаго, напечатанный въ порядкѣ чтенія на 1-ой седмицѣ Великаго Цоста церк. крупной печ. съ кнп. въ 8 д. въ бум. 45 к. въ кол. 75 к.

Правило по Св. Причащенію въ 8 д. въ бум. 45 к. въ кол. 90 к.

Рождество Христово (служба съ приложеніемъ мнѣйшихъ сказаній, избранныхъ статей и потныхъ пѣснопѣній) въ 8 д. церк. и гражд. печ., въ бум. 75 к.

Молитвы для церковно-приходскихъ школъ ц. крупн. печ. въ бум. 3 к.

На пути въ Иерусалимъ, гражд. печ., въ бум. 30 к.

Христіанскій мѣсяцесловъ, съ историческ. сказаніями о святыхъ, гражд. печ., въ бум. 1 р.

Поминанье церк. или гражд. печ. въ кол. 15 к. въ саф. 25 к.

Святцы лицевые на 48 таблицахъ, (каждый мѣсяць на 4 таблицахъ) напечатанные въ 12 красокъ, 14 р. 40 к.

КАРТИНЫ въ 12 красокъ на открытыхъ листахъ съ текстомъ:

1. Явленіе Пресв. Богородицы преп. Сергію.—2. Преп. Сергій благословляетъ Вел. князя Дмитрія —3. Святитель Христовъ Николай, въ скорбехъ милосердый и скорый помощникъ.—4. Святитель Христовъ Николай избавляетъ отъ меча.

Цѣна каждой картинѣ 8 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Праздники Господни (Сборникъ священныхъ изображеній Воскресенія Христова и двенадцатыхъ праздниковъ, съ текстомъ, на 14 листахъ, съ рисунк. въ 12 красокъ).

Святцы лицевые, на 48 таблицахъ, черной краской по золотому фону.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Житія Святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четыхъ-Маней Св. Дмитрія Ростовскаго, съ объяснительными примѣчаніями и изображеніями праздниковъ и святыхъ, въ 12 книгахъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Общедоступное объясненіе Евангелія въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя.

Посвящается православному русскому народу. М. О. С.П.Б. 1901 г. Цѣна 90 к. Складъ изданія въ С.Ц.Бургскомъ Товариществѣ „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова.—Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“, А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народнои школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о святихъ Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“, А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ еднновѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О переизмѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.